

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
Российский государственный университет нефти и газа
им. И. М. Губкина

Научно-общественный журнал
Издается с 1995 г.

(назывался: «Социальная политика и предпринимательство»;
«Предпринимательство. Политика. Наука»; «Наука. Политика. Предпринимательство»)
Выходит 4 раза в год

НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

№2' 2016

Москва ♦ ИСПИ РАН

2016

Редакционный совет

*Председатель редакционного совета:
доктор экономических наук **С.В. Рогачев.***

Члены редакционного совета:

Академик НА Беларуси **Е.М. Бабосов**, доктор юридических наук, профессор **С.Н. Бабурин**, действительный член Российской Академии социальных наук **А.А. Бессмертных**, доктор социологических наук, профессор **Х.В. Дзуцев**, член-корреспондент РАН **А.Л. Журавлев**, доктор социологических наук **В.В. Локосов**, (*заместитель председателя редакционного совета*), доктор политических наук **П. Кулашик**, доктор социологических наук **А.Г. Каххаров**, доктор экономических наук, профессор **С.Н. Лебедев**, действительный член Российской Академии социальных наук **Э. Лозаннский**, политолог **Ли Фэнлинь**, политолог **Ли Цзинцзе**.

Редакционная коллегия

Член-корреспондент РАН **В.Н. Иванов** (главный редактор), доктор политических наук, профессор **Л.Н. Алисова**, действительный член Российской Академии социальных наук **В.Г. Бояринов**, доктор политических наук **В.П. Воротников**, доктор социологических наук, профессор **Ю.А. Зубок**, доктор социологических наук, профессор **В.К. Левашов**, кандидат социологических наук, доцент **И.В. Леусенко**, доктор политических наук, профессор **В.В. Мартыненко** (*заместитель главного редактора*), доктор экономических наук, профессор **У.Г. Николаева**, доктор философских наук, профессор **И.Б. Орлова**, доктор философских наук, профессор **И.В. Орлова**, доктор социологических наук, профессор **Г.И. Осадчая**, доктор социологических наук, профессор **Л.С. Рубан**, член-корреспондент РАН **С.В. Рязанцев**, доктор социологических наук **В.К. Сергеев**, доктор социологических наук, профессор **М.Н. Филатова** (*первый заместитель главного редактора*), кандидат экономических наук **Е.П. Сигарева** (*ответственный секретарь*), кандидат философских наук **В.В. Суходеев**.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Направляемые в журнал статьи следует оформлять в соответствии со следующими правилами:

- объем рукописи не должен превышать:
 - для исследований — 16 страниц формата А4 (40 тыс. знаков),
 - для публикаций соискателей ученых степеней — 12 страниц (30 тыс. знаков),
 - для рецензий — 5 страниц (8 тыс. знаков);
- статьи должны быть напечатаны через 1,5 интервала кеглем 14 на одной стороне листа + дискета;
 - поля: верхнее — 3, нижнее — 2, левое — 3, правое — 2;
- все источники следует снабжать библиографическими ссылками;
- сноски даются постранично (кегель 12);
- рисунки, схемы и таблицы должны быть выполнены в плоском черно-белом изображении со штриховкой и снабжаться сквозной нумерацией;
- фотографии (лицо и верхняя часть туловища) желательно присылать черно-белые; при публикации они будут иметь размер 2,5×2,5 см.

К рукописи обязательно прилагаются:

- аннотация на русском и английском языках (резюме) не более 15 строк;
- список ключевых слов;
- пристатейный библиографический список.

Авторы публикаций на соискание ученых степеней предоставляют рекомендации кафедр и учебно-методических подразделений; для аспирантов необходима справка, подтверждающая обучение в аспирантуре; авторская справка: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, ученая степень, а также данные для связи с автором: полный домашний адрес, номера телефонов (служебный и домашний), электронный адрес.

По электронной почте статьи принимаются только по договоренности с редакцией.

Решение о публикации принимается в течение 30 дней со дня регистрации рукописи в редакции.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и других сведений.

Предоставляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в другом издании без согласия редакции.

Мнение авторов не всегда совпадает с позицией редакции журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ

- Нестик Т.А., Журавлев А.Л., Юревич А.В.*
Прогноз развития психологической науки и практики к 2030 г. 5
- Холондович Е.Н.*
Феномен духовности гениев 17
- Староверов В.И., Староверова И.В.*
Концепции социокультурного генезиса жизненной силы России 31

ПОЛИТИКА

- Андрющенко Е.Г.*
Предвыборные рейтинги, exit-polls в гибридной войне 52
- Мельников И.А.*
Реформирование местного самоуправления — демократические преобразования России 71

ИССЛЕДОВАНИЯ

- Абрамов А.П.*
Социокультурное измерение модернизации среднего специализированного военного образования 79
- Емельянова Т.П., Дробышева Т.В.*
Особенности проявления коллективных чувств к значимым социальным явлениям: сравнительный анализ групп с разной политической ориентацией 91
- Юревич А.В.*
Социально-психологические причины вступления молодежи в ИГИЛ 105

ДЕМОГРАФИЯ

- Сигарева Е.П.*
Демографические аспекты рекламы 119
- Сивоплясова С.Ю.*
Региональные различия многодетности в России 132

ТЕРРОРИЗМ

- Григорьев Н.Ю., Родюков Э.Б.*
Современный морской терроризм (пиратство) и безопасность общества 146

ЮБИЛЕИ

- Поздравляем нашу коллегу профессора Силласте Галину Георгиевну с юбилейным днем рождения 160
- Силласте Г.Г.*
Транспрофессиональный тип специалиста: формирование в обществе риска и модернизации высшего образования 162

**Нестик Т.А.,
Журавлев А.Л.,
Юревич А.В.**

ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ К 2030 Г.

THE EXPERT'S FORECAST OF PSYCHOLOGICAL SCIENCE AND PRACTICE
DEVELOPMENT BY 2030

Нестик Тимофей Александрович — зав. лабораторией социальной и экономической психологии Института психологии РАН, доктор психологических наук, nestik@gmail.com

Timofey A. Nestik — doctor of psychology, the Institute of psychology of Russian academy of sciences, nestik@gmail.com

Журавлев Анатолий Лактионович — член-корреспондент РАН, директор Института психологии РАН, доктор психологических наук, профессор, adm3@psychol.ras.ru

Zhuravlev Anatoly Laktionovich — associated member of RAS, Director of the Institute of psychology of Russian academy of sciences, doctor of psychology, adm3@psychol.ras.ru

Юревич Андрей Владиславович — член-корреспондент РАН, заместитель директора Института психологии РАН, доктор психологических наук, yurevich@psychol.ras.ru

Yurevich Andrei Vladislavovich — associated member of RAS, doctor of psychology, deputy director of the Institute of psychology of Russian academy of sciences, yurevich@psychol.ras.ru

Аннотация: В статье обосновывается необходимость прогнозов развития психологической науки и практики с целью выработки адекватной научной политики в этой дисциплинарной сфере, подготовки к изменениям, которые может вызвать в обществе приращение психологического знания, формирования наиболее оптимальных стратегий развития психологии. Приводятся и анализируются результаты экспертного опроса, проведенного Институтом психологии РАН в 2015 г. и направленного на выявление мнений 50 экспертов о том, какими могут стать психологическая наука и психологическая практика в нашей стране и в мире к 2030 г. На основе результатов экспертного опроса выстраивается образ будущего психологической науки и практики.

Annotation: The article substantiates the need of psychological science and practice development forecasts to elaborate the adequate scientific policy in this domain, prepare for the changes which may be engendered in the society by the growth of psychological knowledge and work out the best strategies of the development of psychology. The results of expert poll accomplished by the Institute of psychology in 2015 and directed

to revealing the opinions of 50 experts about the state of psychological science and practice in our country and in the world by 2030 are presented and discussed. On the background of the expert poll the image of the psychological science future in our country and in the world is built.

Ключевые слова: развитие психологической науки, психологическая практика, прогноз, экспертный опрос, будущее, основные тенденции.

Key words: development of psychological science, psychological practice, forecast, expert poll, future, main trends.

Статья подготовлена при поддержке РФФ, грант № 14-18-0327.

Построение прогнозов развития науки и технологий стало одним из ключевых элементов научной политики как за рубежом, так и в нашей стране [8; 9; и др.], несмотря на трудности прогнозирования, невозможности учесть все множество влияющих на это развитие факторов и другие проблемы. Прогнозы охватывают как *социально-организационный контекст* развития науки — эволюцию форм ее организации и др., так и ее *когнитивный контекст* — развитие научного знания. При этом большая часть прогнозов относится к науке *в целом*, заметно меньшее внимание уделяется прогнозированию конкретных научных дисциплин, в том числе и психологии. Вместе с тем прогнозы ее развития необходимы — и для выработки адекватной научной политики в этой дисциплинарной сфере, и для подготовки к изменениям, которые может вызвать в обществе приращение психологического знания, и для формирования наиболее оптимальных стратегий ее развития.

С целью разработки такого прогноза Институт психологии РАН провел *экспертный опрос*, направленный на выявление мнений специалистов о том, какими станут психологическая наука и практика в нашей стране и в мире к 2030 г. К опросу было привлечено 50 экспертов из России и некоторых других постсоветских стран. В качестве экспертов выступали профессиональные психологи, имеющие ученую степень доктора или кандидата наук и обязательно обладающие достаточным опытом исследовательской и/или практической деятельности. Опрос проводился в форме анкеты, которая включала 14 закрытых вопросов. Ответы респондентов на эти вопросы представлены на рисунке 1.

Представления экспертов о состоянии психологической науки и практики в 2030 г.

На вопрос о том, будет ли к 2030 г. в психологической науке выработана единая парадигма или эта наука останется мультипарадигмальной, 46% респондентов ответили, что она безусловно

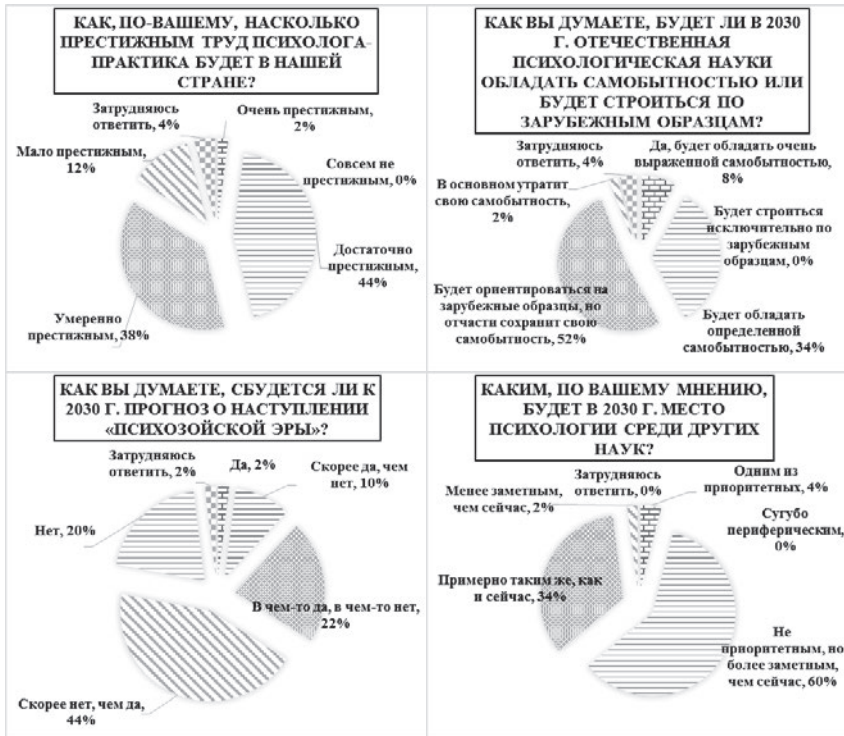

Рис. 1. Распределение ответов на закрытые вопросы относительно будущего психологической науки и практики

останется мультипарадигмальной, 38% выбрали более мягкий вариант ответа — что она скорее останется мультипарадигмальной, 14% высказались за то, что единая парадигма будет выработана, но частные парадигмы останутся влиятельными, 2% затруднились ответить и никто не выбрал варианты ответа «Да, будет выработана» и «Скорее будет выработана, чем нет». Таким образом, давняя мечта психологической науки — о единой парадигме, которая покончит с избытием психологических школ и направлений, вырабатывающим разнообразные и «несоизмеримые» (в терминах Т. Куна) друг с другом понимания и объяснения психологической реальности, по мнению основной части опрошенных, к 2030 г. не сбудется.

Вместе с тем, несмотря на формализованный характер данного вопроса, его формулировка вызывала неформализованные комментарии. Например, такой: «введение идеи мультипарадигмальности (взамен фиксации кризиса дезинтеграции психологии)

является скорее политическим (идеологическим) и связано с доктриной политического плюрализма и либерализма (основанного на идее «рыночной конкуренции»), навязанного РФ прозападными силами. Роль последних в условиях рыночных санкций не только в РФ, но и в Евразии в целом будет неизбежно уменьшаться! (Кому нужен рынок и вся эта идеология, если рынок бьет по нам?)».

Как можно видеть, формулировка чисто когнитивных проблем психологической науки тоже вызывает социальные, в том числе политические и идеологические, ассоциации.

На вопрос о том, каким будет в данном горизонте прогнозирования соотношение доминирующих в настоящее время в психологии — *естественнонаучной и гуманитарной* — парадигм, большая часть респондентов — 66% — высказалась за приблизительный паритет этих парадигм, 16% отдали предпочтение гуманитарной парадигме, которая, по их мнению, будет в целом доминировать, 12% — естественнонаучной парадигме, 2% высказались за то, что за гуманитарной парадигмой будет полный приоритет, 4% затруднились ответить, и никто из опрошенных не отдал полного приоритета естественнонаучной парадигме. Таким образом, на фоне преобладания представления о приблизительной паритетности парадигм, в условиях отдания предпочтения одной из них гуманитарная парадигма выглядит несколько более приоритетной. Впрочем, на выбор подобной приоритетности могло оказать влияние то обстоятельство, в рамках какой из парадигм работают опрошенные эксперты.

Отвечая на вопрос о том, будет ли к тому времени преодолен раскол («схизис» в терминах Ф.Е. Василюка) между *исследовательской и практической психологией*, традиционно воспринимаемый как одна из наиболее острых когнитивных и социальных проблем психологической науки [1; 11 и др.], основная часть респондентов склонились к наиболее осторожным вариантам ответа: 30% ответили, что он скорее не будет преодолен, 26% — что в чем-то будет, а в чем-то нет. 24% опрошенных уверенно ответили, что этот раскол не будет преодолен, 4% — что он преодолен будет, 16% — что он скорее будет преодолен, чем не будет. Общее же количество — 46% — имеющих надежду как минимум на частичное преодоление «схизиса» позволяет полагать, что определенные перспективы в этом плане имеются.

По поводу того, в какой мере *психологи-исследователи* будут востребованы в *мире* в 2030 г., 38% опрошенных сочли, что примерно в той же мере, как и сейчас, и изменений в данном плане не произойдет. Однако основная часть респондентов — 56% —

считают, что они будут востребованы больше: 22% — что значительно больше, чем сейчас, 34% — что несколько больше. Пессимистов в данном плане существенно меньше: 4% опрошенных считают, что психологи-исследователи будут востребованы значительно меньше, чем сейчас, 2% — что несколько меньше.

По поводу востребованности в 2030 г. *психологов-исследователей* нашим *российским обществом* распределение ответов похожее: 30% экспертов считают, что они будут востребованы примерно в той же мере, как и сейчас, столько же — 30% — что несколько больше, чем сейчас, 14% — что значительно больше, 14% — что несколько меньше, чем сейчас, 6% — что значительно меньше, и 6% затруднились с ответом.

В то же время можно видеть, что оптимизм в отношении востребованности психологов-исследователей в мире несколько больший, чем по поводу их востребованности в нашей стране: считают, что они будут востребованы значительно больше, чем сейчас, соответственно 22% и 14%, что несколько больше, чем сейчас, соответственно 34% и 30%. А пессимизм, напротив, больше выражен в «российском варианте»: что они будут востребованы несколько меньше, чем сейчас, считают соответственно 14% и 2%, что значительно меньше — соответственно 6% и 4%. Отметим и то, что 6% респондентов затруднились предсказать востребованность психологов-исследователей в России, и ни один не затруднился это сделать применительно к миру, что, по всей видимости, вписывается в известную формулу: «В России даже прошлое непредсказуемо» (что уж говорить о будущем?). Некоторая асимметрия ответов на два эти вопроса, видимо, связана и с пессимистическими ожиданиями опрошенных относительно будущего российской науки, в том числе и науки психологической.

По поводу востребованности в 2030 г. *психологов-практиков* в *мире* явно преобладают оптимистические оценки: основная часть — 56% — опрошенных полагает, что они будут востребованы несколько больше, чем сейчас, 22% — что значительно больше, тоже — 22% — что примерно так же, как сейчас. И ни один из опрошенных не высказался за то, что они будут востребованы несколько меньше или значительно меньше.

Интересно сопоставить представления респондентов о востребованности в мире в 2030 г. психологов-исследователей и психологов-практиков. Одинаковое количество — 22% — опрошенных полагают, что и те, и другие будут востребованы значительно больше, чем сейчас. Зато существенно больше респондентов, соответственно 56% и 34%, считают, что психологи-практики бу-

дут востребованы несколько больше. Считающих, что востребованность сохранится на нынешнем уровне, соответственно 22% и 38%. Никто из респондентов не считает, что психологи-практики будут востребованы несколько меньше, в то время как в отношении психологов-исследователей таких мнений соответственно 2% и 4%. То есть налицо доминирование представления о том, что психологи-практики будут востребованы в мире в 2030 г. больше, чем психологи-исследователи, и это вписывается в современные тенденции развития двух основных областей психологии (например, в предостережение о том, что если нынешние тенденции сохранятся, то «мы будем вскоре иметь психологию без науки»). Впрочем, для столь пессимистичного предостережения мнения респондентов об относительно высокой востребованности и психологов-исследователей не дают оснований.

По поводу востребованности психологов-практиков нашим *российским обществом* больше всего респондентов — 48% — считают, что они будут востребованы несколько больше, чем сейчас, 16% — что значительно больше, 28% — что примерно на том же уровне, что и сейчас, никто не полагает, что они будут востребованы несколько меньше или значительно меньше, и 8% затруднились с ответом.

Полученные данные свидетельствуют о том, что, по прогнозу респондентов, психологи-практики в 2030 г. в нашей стране будут востребованы меньше, чем в мире: считающих, что они будут востребованы значительно больше, чем сейчас, соответственно 16% и 22%, что они будут востребованы несколько больше, соответственно 48% и 56%, что они будут востребованы примерно на том же уровне, соответственно 28% и 22%. И ни один из респондентов не затруднился дать ответ в отношении востребованности психологов-практиков в мире, в то время как в отношении нашего российского общества таковых оказалось 8%, вновь подтверждая трудности прогнозирования того, что относится к нашей стране. То есть, опираясь на мнения опрошенных, можно предсказать большую востребованность в 2030 г. психологов-практиков в мире, чем в нашей стране. В то же время следует признать достаточную неопределенность понятия «мир», и, по всей видимости, отвечая на содержащие его вопросы, респонденты имели в виду западные страны.

Стоит соотнести и ответы респондентов на вопросы о потенциальной востребованности в нашей стране психологов-практиков и психологов-исследователей. Тут респонденты отдают заметное предпочтение психологам-практикам: считающих, что соответ-

ствующие категории психологов будут востребованы значительно больше, чем сейчас, соответственно 16% и 14%, что несколько больше, соответственно 48% и 30%, что примерно так же, как сейчас, соответственно 28% и 30%, что несколько меньше — 0% и 14%, что значительно меньше — 0% и 6%. То есть в целом, по мнению респондентов, психологи-практики в 2030 г. будут в нашей стране востребованы больше, чем психологи-исследователи, что в общем согласуется с мнением опрошенных об относительной востребованности двух категорий психологов в мире, а также с тем, что обе категории психологов будут востребованы в нашей стране меньше, чем в мире.

В отношении престижности труда *психолога-исследователя в мире* в 2030 г. преобладают умеренно оптимистичные позиции: 44% опрошенных полагают, что он будет достаточно престижным, 42% — что он будет умеренно престижным, 10% — что он будет очень престижным, и 4% — что он будет мало престижным. Очевидно, рефлекслируемые респондентами тенденции не дают основания для большего энтузиазма.

Еще более умеренный оптимизм проявляется в отношении престижности труда *психолога-исследователя в нашей стране*: 52% считают, что он будет у нас умеренно престижным, 28% — что он будет достаточно престижным, 10% — что он будет мало престижным, 4% — что он будет совсем не престижным, 6% респондентов затруднились с ответом, и никто из опрошенных не высказался за то, что он будет очень престижным.

Таким образом, опрошенные выражают заметно больший оптимизм в отношении труда психолога-исследователя в мире, чем в нашей стране: предрекают ему быть очень престижным соответственно 10% и 0%, достаточно престижным — 44% и 28%, умеренно престижным — 42% и 52%, мало престижным — 4% и 10%, совсем не престижным — 0% и 4%. И вновь, как и в описанных выше случаях, обнаруживаются респонденты, которые затрудняются дать прогноз относительно нашей страны, в то время как прогноз в отношении ситуации в мире не вызывает у них затруднений. В общем, проявляется ситуация, аналогичная описанный выше в отношении *востребованности* психологов-исследователей.

В отношении престижности труда *психолога-практика в мире* в 2030 г. основная часть — 62% — респондентов считают, что он будет достаточно престижным, 24% — что он будет умеренно престижным, 10% — что он будет очень престижным, и 4% — что он будет мало престижным. То есть умеренный оптимизм доминирует и в данном случае, но все же в большей степени, чем в отношении

труда психолога-исследователя: то, что труд соответствующих категорий психологов будет очень престижным в мире, считают одинаковое количество респондентов — по 10%, что он будет мало престижным, — тоже одинаковое количество — по 4%, зато большее количество опрошенных считают, что труд психолога-практика будет достаточно престижным — соответственно 62% и 44%, и меньшее, что он будет умеренно престижным — 24% и 42%.

По поводу престижности труда *психолога-практика в нашей стране* в 2030 г. 44% опрошенных считают, что он будет достаточно престижным, 38% — что он будет умеренно престижным, 12% — что будет мало престижным, 2% — что он будет очень престижным и 4% затруднились с ответом.

Оптимизм в отношении психологов-практиков в данном случае выражен больше, чем в отношении психологов-исследователей: соответственно 44% и 28% считают, что он будет достаточно престижным, 38% и 52% — что он будет умеренно престижным, 0% и 4% — что он будет совсем не престижным, и лишь в отношении малой престижности чуть больший пессимизм выражен по поводу психологов-практиков — соответственно 12% и 10%. То есть, по мнению респондентов, хотя неплохие перспективы имеют в будущем и психологи-практики, и психологи-исследователи, все же лучшими перспективами обладают первые.

При этом перспективы психологов-практиков в мире видятся респондентам лучшими, чем их перспективы в нашей стране: очень престижным их труд представляется соответственно 10% и 2% опрошенных, достаточно престижным — соответственно 62% и 44%, умеренно престижным — 24% и 38%, мало престижным — 4% и 12%, и вновь затруднения в прогнозе проявляются только в отношении нашей страны. Снова можно констатировать подобие выявившейся картины той, которая проявилась в отношении востребованности психологов в будущем в нашей стране и в мире, а также подобие в отношении будущего престижа труда психологов-исследователей.

Интересным и достаточно болезненным (особенно в последние годы — в связи с практикой международного цитирования и т.п.) для отечественной психологии представляется вопрос о том, будет ли к 2030 г. отечественная психологическая наука обладать самобытностью или же будет строиться по западным образцам. Основная часть опрошенных — 52% — полагает, что она будет ориентироваться на западные образцы, но отчасти сохранит свою самобытность (выбор соответствующего варианта ответа, очевидно, означает их согласие с тем, что она такой самобыт-

ностью все-таки обладает), 34% — что она будет обладать определенной самобытностью, 8% — что она будет обладать очень выраженной самобытностью, 2% — что она в основном утратит свою самобытность, и 4% респондентов затруднились с ответом. То есть, по мнению большинства опрошенных экспертов, самобытность отечественной психологической науки, которой она обладает в настоящее время, в какой-то мере сохранится, но при этом будет сочетаться с ориентацией на западные образцы. Более радикальные варианты прогноза — о том, что она будет обладать очень выраженной самобытностью, и о том, что она эту самобытность в основном утратит, имеют существенно меньшее число сторонников.

Заслуживает внимания и комментарий одного из респондентов к данному вопросу: «Если это наука, то она интернациональна. Самобытность в чем?». Очевидно, в данном случае проявилась достаточно известная в науковедении позиция, согласно которой интернациональность науки, задаваемая интернациональностью ее объекта (например, тем обстоятельством, что, скажем, закон всемирного тяготения одинаково проявляется и в России, и в США, и в других странах), означает, что наука разных стран не может иметь своих национальных особенностей, что опровергается и всем опытом развития науки, и достаточно убедительными науковедческими аргументами. Но данная позиция тоже имеет немало сторонников, как показывает проведенный опрос, имеющихся и в профессиональном психологическом сообществе.

На вопрос, сформулированный в метафорической форме, — о том, сбудется ли к 2030 г. прогноз о наступлении «психозойской эры» (термин В.И. Вернадского), означающий первостепенную роль психологической науки и практики в жизни общества, лишь 2% опрошенных ответили утвердительно, 20% дали столь же категоричный отрицательный ответ, основная же часть респондентов выбрала более умеренные варианты ответа: скорее нет, чем да, — 44%, скорее да, но в чем-то нет, — 22%, скорее да, чем нет, — 10%, и 2% затруднились с ответом. В общем, ответы респондентов продемонстрировали, что подобная оптимистичная для психологии перспектива хотя и не высоко вероятна, но небезосновательна.

По поводу места, которое будет занимать психология в системе других наук в 2030 г., тоже возобладали варианты, оптимистичные для нее: 60% опрошенных высказались за то, что ее место будет не приоритетным, но более заметным, чем сейчас, 4% — за то, что оно будет одним из приоритетных, 2% — за то, что оно станет еще менее заметным, чем сейчас, и 34% — за то, что оно останет-

ся примерно таким же, как сейчас. То есть по поводу места психологии среди других наук, как и во многих других случаях, возобладал умеренный оптимизм.

Заключение: о перспективах форсайта

Психологи, как и любое другое экспертное сообщество, не могут быть полностью свободными от *когнитивных искажений*, возникающих при прогнозировании будущего: эффектов сверхуверенности; экстраполяции прошлого и настоящего в будущее; недооценки возможности событий, отсутствующих в личном опыте; осмысления отдаленного будущего с опорой на абстрактные категории и стереотипы; доступности информации, поступающей через СМИ и социальные медиа, генерализации художественного вымысла и др. [4; 5; 12].

Тем не менее, ускоряющееся старение знаний, растущая сложность и неопределенность мира подталкивают к более регулярному и систематическому анализу *слабых сигналов* приближающихся перемен. В области научно-технических разработок и экономических стратегий для этого сегодня широко используются инструменты *форсайт-исследований* — систематического сбора информации об изменениях, в ходе которого происходит самоопределение заинтересованных сторон относительно вероятного будущего, формируется образ желаемого будущего, принимаются решения и мобилизуются усилия для совместных действий в настоящем. В более широком смысле *форсайт* — это система мероприятий, организационных процессов и структур, норм и ценностей, поддерживающих способность организации или профессионального сообщества предвидеть и опережать изменения, преобразуя свою деятельность на основании анализа тенденций и сценариев развития событий [10].

Сформировавшаяся в 1990-е гг. парадигма форсайта основана на трех *базовых принципах*. Во-первых, от метафоры будущего как «неразведанной территории», которую нужно «нанести на карту», происходит переход к метафоре будущего как совместного творчества [6], включая его проявления (особенности) в сетевых сообществах [7]. Во-вторых, будущее многовариантно и постоянно меняется, поэтому работа с ним требует непрерывного сценарирования, разработки и выбора альтернатив. В-третьих, образ будущего создается через договоренности между заинтересованными сторонами, поэтому *основная цель форсайта* — создание сети из экспертов и лиц, принимающих решения, которая будет

объединена общим образом желаемого будущего, будет отслеживать изменения, оперативно реагировать на них и помогать участникам оказывать друг другу взаимную поддержку даже в непредвиденных ситуациях. По существу, основным результатом здесь является не столько отчет о перспективных исследованиях, сколько повышение внутригрупповой рефлексивности [2; 3 и др.].

Необходимым условием успешности форсайта является разнообразие участников. Вовлечение в поиск желаемого будущего представителей различных профессиональных сообществ и организаций не только обеспечивает комплексность анализа изменений, но и создает долгосрочную сеть обмена идеями, питательную среду для коллективного творчества, новых совместных проектов. Лейтмотивом современных научных публикаций в области футурологии стал призыв к укреплению процессов коллективного диалога, осмысления и рефлексии [2; 3]. Такого рода обсуждения проводятся далеко не только на специальных семинарах, организованных по заказу правительств и частных компаний. Сегодня активно развиваются международные форсайт-сообщества в социальных сетях, участники которых обмениваются информацией о сигналах приближающихся радикальных изменений (например, European Foresight Platform, The Futurist, Strategic Foresight, Forecasting Net, The Futurist Group, Scenario Planning & Future Strategy Group и др.).

Проведенный нами анализ научной литературы по социальному прогнозированию, а также тематики и участников форсайтов позволяет сделать неутешительный вывод: хотя обсуждаемые проблемы часто прямо связаны с психологией, сами психологи явно недостаточно представлены в исследованиях будущего и в мероприятиях по его конструированию. Опыт форсайт-сессии «Психология бизнеса — 2023», проведенной департаментом психологии НИУ ВШЭ в 2013 г., а также одного из первых в России форсайтов в области гуманитарных наук, организованного Форсайт-Центром НИУ ВШЭ в 2014 г., показывает, что наибольший результат обеспечивают не однократные опросы экспертов или разовые встречи, а *постоянно действующие коммуникационные площадки* и сообщества, ориентированные на поиск перспективных исследовательских направлений. Для развития «дальнего видения» психологического сообщества необходимы регулярные форсайт-сессии по актуальным междисциплинарным психологическим проблемам; специальные секции на конференциях, посвященные основным тенденциям развития, глобальным трендам и будущему психологии; соответствующие редакционные колонки и рубрики в психологических журналах; видео-интервью известных психологов на тему вызовов будущего.

Литература

1. *Взаимоотношения исследовательской и практической психологии*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
2. Журавлев А.Л., Нестик Т.А. Групповая рефлексивность: основные подходы и перспективы исследований // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 4. С. 27–37.
3. Журавлев А.Л., Нестик Т.А. Основные подходы к исследованию групповой рефлексивности в социальной и организационной психологии // Экономическая психология: прошлое, настоящее, будущее. 2011. № 1. С. 15–18.
4. Майло П. Что день грядущий нам готовил? М.: ЛомоносовЪ, 2011.
5. Нестик Т.А. Социальная психология времени. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
6. Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Психологические проблемы совместного творчества // Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 442–467.
7. Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Психологические особенности коллективного творчества в сетевых сообществах // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 2. С. 19–28.
8. *Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 г.* М.: Министерство образования и науки РФ, 2013.
9. *Прогноз научно-технологического развития России 2030.* М.: Министерство образования и науки РФ, 2014.
10. Соколов А.В. Форсайт: взгляд в будущее // Форсайт. 2007. № 1. С. 8–15.
11. Ушаков Д.В., Журавлев А.Л. Пути и принципы теоретико-экспериментальной психологии и практики // Взаимоотношения исследовательской и практической психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 18–69.
12. Юревич А.В., Цапенко И.П. Наука в современном российском обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.

Холондович Е. Н.

ФЕНОМЕН ДУХОВНОСТИ ГЕНИЕВ

THE PHENOMENON OF SPIRITUALITY GENIUS

Холондович Елена Николаевна — кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии ФГБУН Института психологии РАН, holelena@bk.ru

Kholondovich Elena Nikolaevna — Candidate of Psychology, research associate Laboratory history of psychology and historical psychology, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, holelena@bk.ru

Аннотация: В статье обосновывается идея о том, что высокая духовность является важнейшим критерием гениальности. Дан краткий анализ жизненного пути и творчества Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского. Показаны особенности духовных исканий русских писателей. Жизненный путь и творческая биография гениев представляет собой совокупность сложных идейных исканий, внутренних кризисов и конфликтов, мучительный поиск новых путей в творчестве как единственный способ самовыражения, поиск нравственных решений в осуществлении проживания жизни, движение в сторону постоянного самовоспитания и самосовершенствования.

Abstract: The article substantiates the idea that high spirituality is the most important criterion of genius. The author makes a brief analysis of the life and works of NV Gogol and FM Dostoevsky shows particular spiritual quest of Russian writers. The life and creative biography of genius represents a set of complex ideological quest, internal crises and conflicts, painful search for new ways in the work as the only means of self-expression, search for moral decisions in the implementation of residence life, movement toward permanent self-education and self-improvement.

Ключевые слова: духовность, жизненный путь, кризисы жизни, духовный поиск, гении, критерий гениальности, самосовершенствование, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, духовность в психологической науке.

Key words: spirituality, life path, life crises, spiritual quest, genius, criterion of genius, self-improvement, Gogol, Dostoevsky, spirituality in the psychological science.

Работа выполнена в соответствии с Госзаданием ФАНО РФ №0159-2016-0013.

В настоящее время проблема духовности в обществе стоит особенно остро. Находясь в постоянной погоне за успехом и властью, создающими иллюзию уверенности в завтрашнем дне, человек перестает интересоваться существенными проблемами бытия, теряет порой смысл собственной жизни, становится винти-

ком в огромной машине. Обилие информации, обрушивающейся на человека в современном мире, делает его нечувствительным к целому ряду серьезных проблем. Нередко он только фиксирует их, не стараясь даже осмыслить, независимо от того рекламный ли это ролик или сообщение о совершившейся трагедии [21; 22; 24; и др.]. И только обращение современных людей к творениям гениев, хотя бы на некоторое время заставляет их вернуться к мысли о божественной красоте человеческой природы, творческом начале в нем, великих свершениях и смыслах, ради которых жили и творили гении прошлых эпох. Что же такое скрыто в творениях гениев, в чем сущность гениальных личностей прошлого?

Проблема духовности в современной психологии

В проведенном нами в 2013 г. исследовании сущности гениальности было выявлено, что главным критерием гениальности является *высокая духовность личности гения*. В современной психологической науке исследование духовности ведется в самых разных направлениях.

Особо хотелось бы выделить направления, сложившиеся в последние годы в психологии и связанные с пониманием духовности в контексте религиозного поиска, стремления человека к богопознанию (М.И. Воловикова, А.А. Гостев, Н.В. Борисова, А.В. Шувалов). В качестве основания для изучения духовно-нравственной сферы человека в них рассматриваются святоотеческие идеи, заложенные в православно-христианской традиции, опирающиеся на признание божественного статуса человеческой души и ее метафизических связей [6], необходимости выделения Творца в качестве нравственного эталона личности [25]. Существенный вклад в разработку проблемы духовности вносят работы сотрудников Института психологии РАН, посвященные изучению роли и места духовно-нравственных компонентов в жизни человека [10; 11; 19; 20; 23; и др.].

Так, В.В. Знаков выделяет четыре направления в понимании духовности современным отечественным психологическим знанием [11].

Культурологическое — эстетическое, связанное с усвоением культурных ценностей (В.В. Знаков, В.Ф. Петренко, В.А. Пономарев). Поиск корней духовности в продуктах жизнедеятельности человека. «Объективация высших проявлений человеческого духа, творчества в памятниках старины, произведениях науки и искусства» [11, с. 108].

Психологическое — изучение ситуативных и личностных факторов, способствующих возникновению у человека духовных состояний (В.А. Пономаренко, А.О. Прохоров, В.Д. Шадриков). Для иллюстрации подобных феноменов Знаков приводит слова Пономаренко: «Духовные состояния — это психологический феномен, характеризующийся тем, что человек временно «не замечает» внешнего мира, не ощущает своих органических функций, своей телесности, а сосредотачивается на осмыслении и переживании духовных ценностей, т.е. познавательных, этических и эстетических аспектах бытия» (Цит. по: [11, с. 110]).

Философско-психологическое — включающее в себя духовные стремления субъекта, направленные на постижение истины (Г.А. Балл, Е.И. Исаев, В.И. Слободчиков, К. Ясперс, К.А. Абульханова, В.А. Кольцова, Д.А. Леонтьев, В.П. Зинченко). Деятельность личности как принцип саморазвития и самореализации человека, обращение к высшим ценностям, т.е. появление у субъекта психологической готовности к признанию, усвоению и формированию духовных ценностей.

Религиозное — непосредственно связанное с религиозной направленностью личности (С.Л. Франк, Б.С. Братусь) — жизнь в Боге и с Богом, когда личность приходит к пониманию человека как образа и подобия Божия, когда для нее ценен человек не только с гуманистической, общечеловеческой, но и с сакральной, божественной точки зрения.

Как нам представляется, перечисленные направления в исследовании духовности личности в какой-то мере отражают эволюцию во внутренней жизни человека в поисках духовной сущности человеческого бытия. Приобщаясь к эстетическим и этическим эталонам мировой культуры, человек приходит к постижению смысла добра и красоты. Через особые состояния сознания, связанные с теми или иными обстоятельствами жизни человека, личность приходит к постижению нравственных законов бытия и постепенному обращению к Высшему Божеству. Именно этот путь, как покажет наш дальнейший анализ, проходили в обретении духовности гении.

В зарубежной психологии духовность понимается как трансцендентная по своей природе сущность, связанная с надындивидуальными смыслами и ценностями (В. Дильтей, В. Шпрингер, К.-Г. Юнг, Р. Ассаджоли, А. Маслоу, С. Гроф, В. Франкл). Также присутствует определение духовности через понятие «духовный интеллект», рассматривающее духовную трансценденцию как мотивационную черту личности, имеющую врожденный характер (Р. Эммонс, Д. Зохар, К. Нобл, Я. Маршал).

Г.В. Ожиганова вводит понятие «духовные способности» в зачаточном виде существующие у каждого человека, но только при определенных условиях развивающиеся. Автор предлагает трехуровневую интегральную модель духовности: нерелигиозный, ценностно-нравственный уровень; нерелигиозный уровень, связанный с особой работой ума и сознания (измененное состояние сознания); сакрально окрашенный уровень (духовные практики или принадлежность к определенной конфессии) [18].

К.В. Карпинский, обобщая имеющиеся в современной психологии личности трактовки духовности, определяет ее как вершинное свойство или высший уровень в психологической организации личности, который находит свое выражение в самотрансцендентной направленности мотивации поведения, деятельности и целостной жизнедеятельности [12].

Д.А. Леонтьев под духовностью понимает способ существования достигшего личной зрелости человека, когда узколичностные потребности уступают место общечеловеческим и трансцендентным духовным ценностям, достигшим взаимодействия с миром на новом уровне. Духовность в данном контексте выступает предпосылкой личностной свободы и автономии [14].

Совместно с В.А. Кольцовой нами было представлено следующее определение *духовности гениальной личности*: нравственная основа личности, мировоззрение, система ценностей, духовный опыт, которые в совокупности со способностями обеспечивают ее деятельность на уровне, превышающем нормативные показатели, и позволяют достичь вершин творчества [13, с. 29]. В этой связи *гениальность* следует рассматривать как высшую форму функционирования человека, осознание им своего творческого начала, позволяющего достичь вершин интеллектуального и духовного развития и открывающего возможность осмысления трансцендентных путей существования. С этой точки зрения, хотелось бы рассмотреть, в чем заключается высокая духовность гениальной личности.

Несомненными признанными гениями можно назвать великих русских писателей XIX века А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого. На протяжении уже более ста лет обстоятельства их жизни, особенности художественного и публицистического творчества, высказанные ими идеи вызывают живейший интерес и дискуссию у исследователей разных областей знания: литературоведов, искусствоведов, философов, психиатров, психологов (В.В. Розанов, Н.А. Бердяев, Л. Шестов, И.А. Сикорский, Н.Н. Баженов, В.Ф. Чиж, З.М. Агеева, К. Леонгард, Б.Г. Ананьев,

М.М. Зощенко, Ю.В. Манн, В. Гиппиус, А. Белый, В. Брюсов, В. Зеньковский, И.А. Виноградов, И.Л. Волгин, Т.А. Касаткина, Л.И. Сараскина, В.И. Страхов, Е.Е. Дмитриева, И.П. Золотусский, М. Вайскопф, К. Мочульский и др.).

Нами было проведено исследование личности Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского с помощью *процедуры комплексной реконструкции психологических характеристик исторической личности* на основе изучения ее целостной жизнедеятельности и продуктов творчества, что непосредственно вписывается в комплексный и системный подходы в современной психологии [15; 16]. Исследование показало, что жизненный путь и творческая биография гениев представляет собой совокупность сложных идейных исканий, внутренних кризисов и конфликтов, мучительный поиск новых путей в творчестве как единственный способ самовыражения, поиск нравственных решений в процессе проживания жизни, движение в сторону постоянного самовоспитания и самосовершенствования.

Психологический анализ духовного пути Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского

Жизненный путь этих двух гениев абсолютно разный. Гоголь происходил из мелкопоместного малороссийского дворянства, хотя довольно родовитого. Достоевский вышел из семьи врача, служившего в Московской Мариинской больнице для бедных и ставшего дворянином за свои особые заслуги перед Отечеством. Оба получили хорошее образование, хотя и учились за казенный счет и были выпущены один мелким чиновником, другой военным инженером.

Гоголь еще с гимназических лет был одержим стремлением приносить пользу своему Отечеству. Поиск своего предназначения занял значительное место в его биографии. Он пробовал себя на поприще чиновника, поступал на театральную сцену, несколько лет посещал курсы в Академии художеств, писал статьи для журналов и, только став довольно известным литератором, понял, что его предназначение — литература.

Достоевский же с юношеских лет, покоренный творчеством Пушкина и Гоголя, твердо был уверен в своем дальнейшем пути — стать писателем.

Практически с первых своих шагов в литературе оба гения приобрели известность. Первые произведения — «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Бедные люди» — написаны с опорой на свои

«корни» и детские впечатления. В случае с Гоголем — это народные придания и история Малороссийской старины, у Достоевского — традиции его предшественников, в частности Гоголя.

Гоголь постепенно становится одним из известнейших писателей своего времени, кумиром образованного общества середины XIX в. Внешне его жизнь кажется абсолютно ровной и непримечательной. Ему сопутствуют литературный успех и слава, если не считать выпуска «Выбранных мест из переписки с друзьями» и загадочной, мистической смерти.

Достоевский же за участие в обществе Петрашевского, обвиняется в заговоре против правительства и приговаривается к смертной казни, замененной четырехлетней каторгой. Каторга, поселения и только через десять лет помилование и возвращение в столицу. С этого момента начинается постепенное возвышение Достоевского на литературный Олимп. Кульминацией их жизни становятся похороны, выливающиеся в грандиозные шествия и единение российского общества. «Как чудна судьба всего прекрасного в России, от него веет запахом могилы!» — скажет Гоголь после смерти близких ему людей Пушкина и Виельгорского. Тоже можно сказать о смерти обоих гениев.

Биографии этих русских писателей внешне принципиально разные, но в их жизни есть и нечто общее. Это личностные кризисы, которые переживаются ими очень глубоко и серьезно и приводят к коренным пересмотрам смыслов жизни, переоценке идеалов, выработке нового мировоззрения и, как следствие — изменение направления их творчества. Они и становятся пусковыми моментами в духовном поиске, жажде Веры и самосовершенствования.

В случае с Гоголем кризисы настолько серьезны, что становятся, возможно, причиной душевного расстройства, генезис которого, остается неизвестным. Но для понимания природы гениальности наибольшее значение имеют последствия этих кризисов. Заложенные в детстве ростки религиозности пускают свои корни в душе Гоголя. Мистическая вера в потусторонний мир и смутные представления о Боге сначала уходят в сознании писателя на второй план, давая место восторгу принятия красоты Божественного замысла, выразившегося в любви к Природе, принятию правильности всего сущего, и затем перерастают в твердую веру. Бог, по мысли Гоголя, возлагает на человека некий обет служения, который каждый исполняет на своем поприще. И его поприще — это литература, он должен показать русским людям их дорогу, все их недостатки и достоинства. В этом и состоит его миссия. Для ее выполнения он должен совершенствоваться сам и как человек, и как писатель.

В его сознании идеи эстетического совершенства — произведения искусства своей эстетикой влияют на читателя, делая его лучшим (этой идеи подчинены «Петербургские повести», отчасти «Ревизор»), владевшие им на первых этапах творчества, сменяются идеей морального совершенства, как произведения (первый том «Мертвых душ»), так и автора. Постепенно, преодолевая череду серьезнейших внутренних кризисов, Гоголь приходит к пересмотру ценностей и смыслов своей жизни. Он пишет «Выбранные места из переписки с друзьями», работа в большей мере философская, и в первый раз сжигает второй том «Мертвых душ», как произведение несовершенное, могущее, как это уже произошло с первым томом, «посеять смятение в души многих» [4, с. 77].

В «Выбранных местах из переписки с друзьями» писатель предлагает современному ему обществу практический проект выполнения заповедей Христа в повседневной жизни. Автор размышляет на волнующие его темы: значение веры в жизни человека, отношение к своему долгу, ответственность каждого за вину другого. Гоголь высказывает свои соображения о судьбе России, о невозможности для нее Западного пути, о современном состоянии государства, каждого его сословия, положении и значении женщины в современном ему обществе и т. д. Он призывает к активному «деланию» — каждый на своем месте должен добросовестно выполнять свое дело — в этом залог процветания государства. Эти идеи основываются на религиозном понимании жизни и на консервативных традициях. В книге соседствуют очень меткие замечания о русской жизни вообще и внутренней жизни каждого отдельного человека, философские рассуждения о сущности человека и веры, и в то же время парадоксальные, иногда приводящие в недоумение советы об устройстве современного ему российского общества. Он выстраивает свою доктрину, где звучат вечные нравственные законы в совокупности с законами и нравами Российской империи. Как человек одновременно практического ума и романтической души он соединяет их в попытке привить современникам христианскую любовь на почве жесткой социальной действительности. И таким образом ставит перед читателями невыполнимую задачу. Книга вызывает бурю протеста у большинства читателей таланта Гоголя.

Неуспех книги очень серьезно действует на душевное состояние автора. В силу своего мнительного характера, он сомневается во всем — в своем таланте, в своей вере. Он должен был эту книгу привести в практическое русло, в этом источник странности его произведения. В его сознании нарастают мистические образы, имеющие источником детские переживания, например, образ Страшного

суда. Его внутренние переживания приводят к изменениям в поведении, внешности, отношении к людям, близким ему или даже мало знакомым. Личностный кризис усугубляется религиозным.

До конца жизни Гоголь полон размышлений о сущности человека, о своих задачах как писателя и христианина. Несмотря на то, что физически он угасает, писатель принимает решение вернуться к творчеству. Он объясняет своим знакомым, что его практический ум, особенности его верований («Я пришел ко Христу скорее протестантским, чем католическим путем... Экзальтации у меня нет, скорее арифметический расчет»), не может довольствоваться бездействием [5, с. 326]. Слишком мало «делателей», — признается писатель. «Всякому человеку следует выполнить на земле призвание свое добросовестно и честно. Чувствуя, по мере прибавления годов, что за всякое слово, сказанное здесь, дам ответ там...» [5, с. 485]. И он обращается за источником вдохновения к окружающей его действительности, ищет в ней то прекрасное, что еще может вдохновить русского человека к возрождению. Собирает сведения об истории губерний Российской Империи, быте, нравах различных слоев общества, географии, климате, большое значение придает русским пословицам и поговоркам. Если на начальном этапе своего творчества он заимствует сведения из приданий Малороссии, то в последний период источником вдохновения для писателя служит русская история и нравы. Он не мог разделить в себе русского и украинца, так как, по его мнению, эти два народа неразрывно связаны. «Русский и малоросс — это души близнецов, пополняющие одна другую, родные и одинаково сильные. Отдавать предпочтение, одной в ущерб другой, невозможно» [1, с. 529]. В последний период своего творчества, по мнению литературоведов, он стремится прийти к тому самому «натурализму», главой которого его провозгласил когда-то В.Г. Белинский [2]. Важнейшая идея, владеющая сознанием Гоголя в период написания второго тома «Мертвых душ» — «полюбите нас черненькими, а беленькими нас каждый полюбит» [3, с. 261]. Эти слова произносит Чичиков, в первом томе изображенный «прохиндеем средней руки», который, по замыслу автора, в дальнейшей эпопее должен перевоспитаться и стать хорошим человеком. Эту сложнейшую задачу Гоголю воплотить в жизнь уже не довелось. В феврале 1852 г. он умирает. Причины его смерти до сих пор остаются неизвестными.

Кризисы в жизни Достоевского детерминированы в большей степени внешними обстоятельствами. Это переживание собственной казни и каторги, болезнь, смерть самых близких людей, смерть детей. В результате угрозы собственному существованию с Досто-

евским происходит душевный переворот, который разделяет его жизнь надвое. Переживание близости смерти («нахождение три четверть часа на эшафоте») привели к осознанию ценности жизни и творчества и позволили выжить в чудовищных условиях казни. Именно этот кризис стал пусковым моментом в раскрытии творческой энергии писателя и в формировании тех черт личности, которые обеспечили ему последующий успех: решимость, умение не теряться в сложнейших жизненных ситуациях. Потребность пережить экстремальные жизненные ситуации закрепляется в его бессознательном, и к ней он прибегает в дальнейшей своей жизни. Десятилетняя игровая зависимость, по всей видимости, и была обусловлена тягой бросить вызов судьбе, испытать всю боль неудачи и полноту унижения, чтобы с новой силой обратиться к творчеству.

Постоянная угроза смерти сопровождала жизнь Достоевского, так как он был болен эпилепсией. Свои ощущения после припадка он заносит в свои дневники: «Теперь почти час после припадка. Пишу это и сбиваюсь еще в словах. Страх смерти начинает уже проходить, но есть все еще необычайный, так не смею лечь. Бока болят и ноги... Все время полного беспомыслия...» [17, с. 350]. Угроза смерти возвращает его к мыслям о природе человека, бессмертии, сущности веры. В дневниковых записях 60-х годов XIX в. Достоевский размышляет о том, что если человек — существо разрывающееся и его земная сущность — это совершенствование через страдание и борьбу, то его земное существование не может закончиться «ничем». «Следовательно, есть будущая райская жизнь» [там же, с. 173]. Человек создан по образу Бога, но не тождествен ему и его цель — стремиться к идеалу, т. е. совершенствоваться. «Коли веришь в Христа, то веришь, что и жить будешь вовеки.... Говорят, человек разрушается и умирает весь. Мы уже потому знаем, что не весь, что человек, как физически рождающий сына, передает ему часть своей личности..., то есть входит частью своей прежней, жившей на земле личности, в будущее развитие человечества... Христос весь вошел в человечество, и человек стремится преобразиться в Христа, или в иной идеал» [там же, с. 174]. Эти мысли из дневников 1860-х годов будут воплощены им и раскрыты в романе «Братья Карамазовы» и рассказе «Сон смешного человека», написанных уже на исходе жизни. Как мы можем видеть, идея стремления человека к идеалу, вера в бессмертие души и в самого человека присутствуют в сознании писателя на протяжении долгого периода его жизни и являлись источником его творчества.

Смерть близких (брата Михаила и первой жены Марии Дмитриевны) и детей (Сони и Алексея) стали для него стимулом

к пониманию своей греховности и поиска путей возрождения, через веру в Бога. «Итак, человек стремится на земле к идеалу, противоположному его натуре. Когда человек не исполнил закона стремления к идеалу, т.е. не приносил любовью в жертву своего «Я» людям или другому существу, он чувствует страдание и назвал это состояние грехом» [17, с. 175]. Достоевский был прекрасным отцом и горячо любил всех четырех своих детей. Смерть же дочери и сына стали для него огромной трагедией, вину за которую он возлагал на себя. Именно потеря детей окончательно обратили Достоевского к Богу. Кризисы в жизни писателя стали катализаторами в формировании внутреннего стержня его личности, помогали в поиске новых средств к жизни и способствовали изменению мировоззрения, формированию новых ценностей и идеалов как основы его творческой самореализации.

В творчестве писателя важнейшее место занимали категории Человек, Страдание и Вера. Эти три категории, отражающие ценностное ядро в его сознании, выделены нами в результате *контент-анализа* трех произведений писателя: «Бедные люди», «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы». Эти показатели являются постоянно высокими (наиболее значимыми) на протяжении всего его творчества [13]. Это говорит об антропоцентрической направленности его творчества и характеризует его как человека глубоко верующего и христианина.

Мы провели краткий анализ жизненного пути и творчества двух русских гениев. Из него может показаться, что гении — совершенные люди, неподверженные никаким недостаткам. Гении не были совершенными. В каждом из них был заключен свой «подпольный человек», со своими вопросами, протестами и противоречиями. Конфликт их личности и состоял в том, что «внутренний человек» вступал в противоречие с общепринятым, с «всемством» [8]. Каждый из них в момент встречи со смертью прикоснулся к важнейшим смыслам человеческого существования, почувствовал страх перед никчемностью проживаемой человеком жизни. «Соотечественники! страшно!» — призывает Гоголь к своим читателям в «Авторской исповеди» и признается в письме к матери в 1846 г. — «Бог не даром дал мне почувствовать во время болезни моей, как страшно становится перед смертью, чтобы я мог передать это ощущение и другим» [5, с. 358]. Достоевский возвращается к этому опыту во время болезни и описывает в своих произведениях (описание казни). Данный опыт совсем не бесполезен, он приводит к духовным исканиям, которые вступают в борьбу со «всемством», находящимся внутри каждого из нас. С помощью творчества эти

писатели старались проиграть и таким образом преодолеть бушевавшие в них страсти. Перед собой и читателями они ставили мучительные вопросы о смысле жизни и неизбежности смерти, о божественной и животной природе человека, различии добра и зла, вере в Бога, значении свободы и красоты в жизни человека, ответственности каждого за вину другого. Гоголь даже делает попытку ответить на них. Он стремился прожить свою жизнь так, как указал в «Выбранных местах из переписки с друзьями» своим современникам. «Я хотел чистосердечно показать некоторые опыты над собой, именно те, где помогла мне религия в исследовании души человека» [5, с. 391]. Для себя он нашел способ самосовершенствования и самовоспитания, но соотечественники его в большинстве своем не поняли, не приняли и даже объявили сумасшедшим.

Но подобная реакция общественного мнения не единична. В этой связи можно привести опыт Толстого, который так же, как и Гоголь, пытался ответить своей жизнью на мучившие его вопросы, результатом чего стали его публицистические и философские искания, необыкновенно глубокие по своему философскому содержанию произведения, разлад с семьей и церковью, уход из Ясной поляны.

Достоевский выразил же все в своих героях, которые были и остаются притягательными для читателей.

Почему же в творчестве этих гениев так настойчиво звучат «главные вопросы»? Решение их было важно для самих писателей на столько, что их жизнь зависела от ответа на них. Недаром Гоголь так упорно сжигал свои творения. Перед смертью, сжегши практически готовый второй том «Мертвых душ», он сказал слуге: «Как лукавый силен, — вот он к чему меня подвинул! А я было там много дельного уяснил и изложил» [1, с. 558]. Этот дьявол был не внешний персонаж, это была часть его личности, воплощающая пошлость окружающей жизни, вызывавшая ту самую тоску и скуку, мучившую его всю жизнь. Недаром он в «Авторской исповеди» написал, что персонажи первого тома «Мертвых душ» — это он сам: «...герои мои потому близки душе, что они из души; все мои последние сочинения — история моей собственной души» [4, с. 77]. Автор только взял все то, что было отрицательного в его личности и в гротескной форме, очень выпукло и рельефно описал в своих героях. Это и брусничный фрак с искрой Чичикова, и «обжорство» и домовитость Собакевича, чревоугодие Петуха, и въедливость Коробочки, и страстное накопительство Плюшкина, и многое другое. (Близкие к молодому Гоголю люди описывали его как человека, склонного к замысловатым нарядам, любящего поесть, причем

в этой страсти он доходил до крайности, домовитого и умеющего устраивать свои дела, необыкновенно мнительного и др., и с возрастом превратившегося в аскета, который довольствовался малым как в еде, так и в одежде, отказавшимся от своей доли именина в пользу сестер, большинство своих средств тративший на благотворительность и из собственности имеющий пару платья и дорожный саквояж). Он сам писал о своей страстности, склонности увлекаться, которую сравнивал с испепеляющим огнем. Своим творчеством он пытался избавиться от этих пороков. Как писал Гоголь, все его творчество строится из наблюдений за человеком, а написать хорошее о человеке можно только, став положительным самому, что и пытался он сделать в течение всей своей жизни.

То же происходит и с Достоевским. Он был далек от идеала, очень трудным человеком в общении, десять лет увлечен игрой и т.д., но он стремился к идеалу, добиваясь его в творчестве. Современники упрекают Достоевского в большой убедительности и притягательности его отрицательных героев. Это происходило, по всей видимости, потому, что рисуя образы своих героев, гении пытаются ответить на мучительные вопросы бытия, и в то же время решить противоречия своей многогранной личности. Для Достоевского — это отвержение мира, где слезинка замученного ребенка необходима для полной гармонии, в котором обращаются к претерпевшему муки Христу, испрашивая для себя успехов в накопительстве, несомненная вера в человека, мучительный поиск Бога, непереносимость чужого страдания, и в то же время невозможность, так как претит закон совести, донести на бомбиста, понимание того, что зло неистребимо в мире, вскрытие сути атеизма, и «если Бога нет, то все позволено», и «пусть весь мир рухнет, лишь бы мне чай пить» (Достоевский, 1970). Это те вопросы, которые ставит Достоевский перед собой и читателем в своих романах.

Заключение

Постоянная борьба внутри личности гениев похожа на жизненный эксперимент, результаты которого не могут предсказать даже сами экспериментаторы. Поэтому так сложен и порой необъясним их жизненный путь, непредсказуемо поведение, противоречив характер. Но насколько многогранна их личность! *Духовный поиск* — неотъемлемая ее часть. Без него они перестали бы быть гениями и скатились на путь обыкновенных талантливых литераторов, значение которых для современников и тем более для потомков заметно, значимо, но в целом не так незначительно.

Хочется также сказать, что духовный поиск — это неотъемлемая часть творческой биографии любого гения независимо от его национальной принадлежности и характера его творчества, и в этой связи можно привести Винсента Ван Гога. Вся его жизнь — это мучительный поиск своего творческого пути, бескорыстное служение людям и искусству. Личность, раздираемая внутренними конфликтами, безуспешно стремящаяся найти человека, захотевшего принять огромный и сложный внутренний мир этого художника, с помощью своего творчества беспрестанно преодолевающего все усугубляющийся недуг [9].

Для понимания феномена духовности гениев необходимо обратиться и к их взаимоотношениям с обществом. Они влияют на общество и становятся его рупором и провозвестниками нового. Но парадокс заключается в том, что как только гений начинает высказывать мысли, несогласные с общепринятыми или не свойственные для него самого, с точки зрения обывателя, они становятся изгоями, их провозглашают ненормальными. Как писал Дж. Байрон: «Титул гения достигается многими слишком дорогой ценой» (цит. по: [7, с. 13]).

Гении являются своего рода интерпретаторами событий жизни своих современников с позиции вечных ценностей. «Придерживаясь абсолютных нравственных норм и ценностей, переносимых через исторические времена, такие люди дают интерпретацию и моральную оценку происходящих событий и общественных явлений» [10, с. 14]. Обладая высокой духовностью, они прозревают будущее и ставят перед собой и обществом нравственные задачи, позволяющие человеку оставаться человеком. Являясь своего рода «нравственной элитой», они влияют на механизмы формирования нравственного сознания значительной части общества. Поэтому так насущна в современном мире необходимость обращения к жизни и творчеству гениев, особенно для молодого поколения. Гении вскрывают те несовершенства, которые существуют в обществе и человеке, и ищут новые пути их разрешения.

Литература

1. *Вересаев В.В.* Гоголь в жизни: систематический свод подлинных свидетельств современников. М.: Моск. рабочий, 1990.
2. *Гиппиус В.* Гоголь. СПб.: Изд-во «Logos», 1994.
3. *Гоголь Н.В.* Собр. соч. в 9 т. М.: Русская книга, 1994.
4. *Гоголь Н.В.* Духовная проза. Критика. Публицистика. Собр. соч. в 9 т. М.: Русская книга, 1994. Т. 6.

5. *Гоголь Н.В.* Письма. Собр. соч. в 9 т. М.: Русская книга, 1994. Т. 9.
6. *Гостев А.А., Борисова Н.В.* Психологические идеи в творческом наследии И.А. Ильина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
7. *Д'Израэли И.* История гения. Дубна: Изд-во «Международный Университет природы, общества и человека «Дубна», 2000.
8. *Достоевский Ф.М.* Пол. собр. соч. в 30 т. Художественные произведения. Т. 1–17. Л.: Изд-во «Наука», 1970–1975.
9. *Дробышева М.М.* Психолого — историческая реконструкция гениальной личности: динамика психологических характеристик Винсента Ван Гога на разных этапах его творческой деятельности // Психологические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2014. С. 60–73.
10. *Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б.* Роль нравственной элиты в российском обществе: постановка проблемы и возможности исследования // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 2. С. 5–19.
11. *Знаков В.В.* Духовность человека в зеркале психологического знания и религиозной веры // Вопросы психологии. 1998. № 3. С. 104–115.
12. *Карпинский К.В.* Бездуховный смысл жизни как источник кризиса в развитии личности // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2011. Т. 8. № 1. С. 27–58.
13. *Кольцова В.А., Холондович Е.Н.* Воплощение духовности в личности и творчестве Ф.М. Достоевского. М.: Изд-во «Института психологии РАН», 2013.
14. *Леонтьев Д.А.* Очерк психологии личности. М., 1993.
15. *Ломов Б.Ф.* Психическая регуляция деятельности: Избранные труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
16. *Методология комплексного человекознания и современная психология.* М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
17. *Неизданный Достоевский.* Записные книжки и тетради 1869–1881 гг. М., 1971.
18. *Ожиганова Г.В.* Психологические аспекты духовности // Психологический журнал. 2010. Т. 30. № 5. С. 39–53.
19. *Психологические исследования духовно-нравственных проблем.* М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
20. *Психологические исследования нравственности.* М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
21. *Психологические исследования проблем современного российского общества,* 2013.
22. *Психологические проблемы современного российского общества.* М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
23. *Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества.* М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
24. *Современная социальная реальность России и государственное управление: социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 год.* Том 1. М., 2014.
25. *Шувалов А.В.* Антропологический подход к проблеме психологического здоровья // Вопросы психологии. 2011. № 5. С. 3–16.

**Староверов В.И.,
Староверова И.В.**

КОНЦЕПЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ГЕНЕЗИСА ЖИЗНЕННОЙ СИЛЫ РОССИИ

В.И. Староверов — д. ф. н., проф., заслуженный деятель науки РФ, академик Международной Славянской Академии, главный научный сотрудник ИСПИ РАН

И.В. Староверова — к. с. н., доц. каф. социально-правовых и гуманитарных дисциплин ГУЗа, старший юрист ООО (Правовая группа — Интеллектуальная собственность), staroverov@list.ru

Аннотация: Рассматриваются историософский генезис славянофильства, его основные, сохраняющие исторический потенциал социокультурные смыслы и положения, связь их природного духовно-нравственного пространства с цивилизационным содержанием последующих социально-политических движений, современные проекции идей славянофилов в российской общественной жизни. Социокультурные смыслы и положения славянофильства анализируются через призму связи их с православием и деревней как резерва жизненной силы России.

Ключевые слова и словообразования: национальное сознание, социокультурная ментальность, духовно-нравственное пространство национальной ментальности, православие, вера, рассудок, разум, рационализм, почвенничество и вестернизация, общинность и деревня как исток жизненной силы России, монархия и самодержавный абсолютизм, модели государственного устройства, социокультурный интеграллизм, неославянофильство, православный социализм.

В пространстве становления и развития государственности того или иного народа первостепенное значение имеют процессы формирования *единых экономических основ* его жизнедеятельности и *целостности национальной сознания*. Институализация последнего представляет собой итог исторически длительного созревания социокультурного образа народа. Субъектно-объектную специфику и природу такого образа выражают глубинные качества духовно-нравственных скреп национальной ментальности.

Со времен зарождения Руси по сей день социетальная роль русской нации как культурного ядра институализации цивилизационной целостности российского народа отрицается различного рода русофобами. В лучших случаях — в Новое и Новейшее время — она лишь принижается супертolerантными отечественными

и зарубежными (в основном европейскими) этногуманитоидными интернационалистами и антисоветчиками, чей антисоветизм является в действительности современной формой слегка маскируемой русофобии.

В обоих вариантах это происходит под мощным давлением формируемого и управляемого культуртрегерами Запада потенциала ксенофобии, стимулируемой самим ходом управляемой ими глобализации его ущербных для народов инноваций, в том числе назойливо навязываемых нашему народу социокультурных ценностей вестернизации. А также, соответственно, под влиянием геополитического и вытекающего из него духовно-нравственного противоборства и ассимилятивных процессов в социокультурно-ментальной сфере взаимоотношений западно-католической и восточно-православной цивилизаций, либерального космополитизма и почвенничества.

1. Социокультурный источник жизненной силы россиян

Говоря о почвенничестве как природной основе проявлений социокультурной ткани значительного сегмента современного российского бытия, необходимо сказать, что эта основа имеет глубокие корни уже в протогосударственной дохристианской истории цивилизационной институализации русо-славянских народностей в целостную этнонациональную общность.

Цивилизационная, — когда социальные взаимосвязи в населении начинают доминировать над природными, и оно начинает развиваться на своих собственных социетальных основах, — история русо-славян началась, отнюдь не со времен призвания в Новгород Рюрика и его братьев. Ведь и до этого почти четыре века, 380 лет, с У по IX вв. ильменско-ладожскими (новгородскими) русо-словенами правила княжеская династия Гостомысла. Рюрик и его братья были сыновьями дочери Гостомысла Умилы, выданной замуж за князя славян ободритов Годислава, обитавших по соседству с франкскими племенами, затем королевствами.

Протогосударственность была присуща, согласно историку У1 в. Иордану (1), и другим славянским племенам, заселявшим по меньшей мере с III в. Европу от Ютландии до Среднего Поволжья. Социокультурные смыслы, порожденные в ходе институализации этих племен в этнонациональные общности, а она продолжалась и при первых Рюриковичах, зафиксированы рунами на дощечках — называемых славянским аналогом др.-инд. долетописных Вед (веды — санскр. — знание). В наши дни, по мере

их расшифровки, Веды становятся источником сведений о социально-экономической и культурной истории древних славян.

Однако, наиболее выраженное идеологическое и теоретическое оформление социокультурных идей почвенничества в нашей стране началось только со времен публикации в XI в. трактата «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, самочинно поставленного первым из среды русских на церковный престол киевским князем Ярославом Мудрым без традиционно вынужденного до того согласования с византийским патриархатом.

В процессе развития ментально-идейного потенциала этого трактата на Руси зародилась многогранная литература эпических сказаний, духовных проповедей, житий, цивилильно-правовых учений, пронизанных мировоззрением дохристианских славянских ведических нравственно-моральных смыслов и положений. В ходе многовекового ассимилятивного и вместе с тем ценностно-избирательного приспособления к ним постулатов византийского православного-христианского мудрствования в XIУ веке выросла идеологема монаха Филофея «Москва — третий Рим, четвертому не бывать».

Цари Романовы на первых порах строго придерживались приущего эпохе правления их предшественников Гостомыслов и Юриковичей почвеннического мейнстрима духовно-нравственного бытия их подданных.

Вплоть до царствования Петра 1 немногие противники «изоляции» России, — под которой они понимали ее духовное отстранение от западных стран, — подобные А. Курбскому во времена Ивана Грозного или фавориту Софьи В. Голицину, — ориентировавшиеся на сближение России с Европою не только в гражданских, но и в нравственных устоях, порицались как просвещенными россиянами, так и правителями. Например, А. Ордин-Нащокин осуждал высокомерные забвения некоторыми его современниками ради «полезностей с чужеземной стороны» своих столь же полезных порядков, а И. Посошков и Ю. Крижанич прямо называли такие заимствования «чужебесием».

Зато ориентированные на заимствование достижений европейского прогресса петровские реформы сопровождалась интенсивной, причем в основном насильственной, прививкой к российскому бытию не только «лучших», но и весьма ущербных для народной духовности образцов цивилизационно-ментальных ценностей культуры Запада. Этот мейнстрим социокультурной трансформации российского бытия активно насаждался в России и во время правления Анны Ивановны. Особенно в период засилья вокруг трона «немецкой партии» ее фаворита Бирона.

Впоследствии он был на некоторое время несколько смягчен Елизаветой Петровной и ее сподвижниками, однако, вновь активизирован Екатериной Великой, а затем по инерции продолжался в период правления ее внука Александра 1. Найдя наивысшее выражение во взглядах ряда декабристов, воспитанных западными гувернерами или заразившихся либеральным духом во время похода россиян в 1814 году в Европу с целью освобождения ее от полчищ Наполеона.

Кстати, некоторые современные российские «почвенники» монархистского толка безосновательно, на наш взгляд, попытались в связи с 190-летием со дня декабрьского восстания 1825 года, обвинить в радикальном западничестве всех его участников. А их вождей П. Пестеля и Н. Муравьева даже в участии в масонских интригах против России европейских держав и тогдашнего врага ее — Турции (2).

Достаточно почитать «Русскую Правду» П.И. Пестеля (3) и его частично восстановленную исследователями по показаниям декабристов работу «Конституция — Государственный завет», чтобы понять поверхностность суждений о нем, как о западнике на одном только основании знакомства его с идеями европейских просветителей. В ней автор предусматривает безвозмездное освобождение крестьян, создание резерва общинных земель и бесплатное наделение ими земледельцев, выказывает уважение к отечественным традициям и декларирует неразрывную связь вечаевого прошлого Северной Руси и будущего — после краткого периода революционной диктатуры — народовластия. При этом он подчеркнуто называет все должности в проектировавшемся им государственном устройстве России старинными русскими терминами — посадник, тысяцкий, Верховный собор и т. д.

Еще большим социокультурным традиционализмом и почвенничеством характеризуются три проекта Конституции Н.М. Муравьева (4), опубликованные академиком Н. Дружининым в его трудах.

Следует, впрочем, заметить, что даже во времена засилья в образе жизни правящих кругов нашей страны ориентаций на иностранные ценности, в среде лучших представителей ее Просвещения продолжалась упорная интеллектуальная шлифовка потенциальных духовно-нравственных смыслов народной ментальности, зародившихся еще в Руси времен правления Рюриковичей и первых Романовых. Причем этой шлифовкой занимались такие мыслители как гениальный М. Ломоносов, снискавший похвалы Пушкина и Ключевского автор «Истории Российской» В. Татищев, активный государственный и неистовый защитник чистоты русского

языка адмирал А. Шишков. Последний защищал ее не всегда, правда, умело, но это не отрицает его отечестволюбивых намерений. Равно, впрочем, как и других борцов с засильем европейской «немецкой партии», злонамеренно умалявшей социокультурные достоинства «варварской» России.

Однако полнокровное, социетально и вербально оформленное ядро ментально-социокультурной сферы народного бытия — *национальное сознание как духовно-нравственный источник жизненной силы русской нации* — было целостно выражено только в первой половине XIX в., когда на авансцену истории общественной мысли России вступили сложные по социальной природе движения *западников* и *славянофилов*. Те и другие, как дети сельского усадебного происхождения, пространство созревания потенциала этой силы видели в деревне, и особенно в общинном крестьянстве.

Сегодня нередко псевдоинтеллектуальные либералы вообще отрицают наличие в тогдашней и в более поздней России русской крестьянской общины (5). Однако верится не этим псевдознатокам, а сотням современников славянофилов, которые в своей прозе, публицистике, научных штудиях всерьез обсуждали вопросы и будущие судьбы общинной деревни. Скажем, А. Герцену, И. Тургеневу, А. Фету и Л. Толстому, а из публицистов — В. Селиванову, В. Энгельгардту, Н. Златовратскому, Г. Успенскому и другим радетелям деревни (6).

Западничество — это разнородное специфическое, этико-политическое оппозиционное к самодержавию течение «левого толка», представлявшее на самом деле «общую платформу, на которой по ряду вопросов отношения к Западной Европе объединялись в начале века тогдашние прогрессисты, прежде всего либералы и демократы разных оттенков» (7). Во многих вопросах внутренней жизни России они нередко были солидарны со славянофилами.

Более однородным было заявившее о себе в конце 30-х годов того же века славянофильство. Тоже *оппозиционное по духу*, но имевшее «некоторое сходство с теорией официальной народности в части идеализации монархической власти» (Там же) течение консервативного романтизма. Некоторые аспекты их мировоззрения свидетельствовали, что они своими жизненными корнями впитали в себя силу и слабости ментальности духовно-нравственного пространства деревенской общины. К примеру, как и западники, они высоко ценили опыт вечевых республик Новгорода и Пскова, но видели в нем разный потенциал. Западники видели в вече форму реализации индивидуальных политических свобод — чего

в нем, как известно, не было, — а славянофилы народоправство в местном быту при ответственном перед богом и населением управлении верхов.

2. Цивилизационный генезис движения российских славянофилов

В XX веке стало модным выводить духовно-нравственный генезис отечественных славянофилов из православия, а также из их приверженности самодержавию. Подлаживаясь и усиливая эту моду, автор фундаментальной двухтомной истории русской философии видный богослов В. Зеньковский отнес к основоположникам славянофильства А. Хомякова, И. Киреевского, К. Аксакова, Ю. Самарина (8).

Названные мыслители и адепты такого подхода отождествляли православие с церковными учениями, с рассматриваемыми ими нравственными скрепами Церкви как духовного организма и с православной Церковью как организацией. Однако Зеньковский игнорировал иных, более индеферентных, — чем эти основоположники славянофильства, — к догматической церковной религиозности идейных предтеч данного влиятельного течения общественной мысли России XIX в..

В действительности, духовно-нравственное пространство идей славянофилов проистекало как из пронизанной коллективистской моралью русской общины социокультурной ткани сельского бытия, так и из присущего их ментальности духа православия. Однако большинством их оно, отнюдь, не отождествлялось с церковными учениями. Более того лишь у немногих славянофилов православие характеризовалось приписываемой им Зеньковским *святоотеческой прецепцией* усвоенных ими на ментальном уровне смолоду в период обучения в западноевропейских университетах социокультурных идей платонизма, кантиазма, шеллингианства, гегельянства.., и даже ненавистного о. Зеньковскому материализма и тем более экономизма.

Равно как и опиравшееся на эти учения и постулаты православия абсолютистское самодержавие они считали иным феноменом, чем монархическая власть. Лишь правое крыло славянофилов — М. Погодин, С. Шевырев — смыкалось почти по всем позициям с официальной идеологией институализированного в тогдашней России абсолютистского самодержавия, большинство ее отвергало.

И, кстати, различение монархической власти с отвергаемым ими абсолютистским самодержавием, вытекало у остальных

ных славянофилов, также как и у их предшественников, отчасти из публикаций самой «матушки Екатерины П». В пору ее молодости, заигрывая с мыслителями Западного Просвещения, особенно с Вольтером и Дидро, которым положила солидное денежное вспомоществование, эта церственная лицедейка на всю Европу провозгласила в своем «Наказе Комиссии...» (9) цель облагодетельствовать Россию *правлением просвещенной монархии*, неуклонно опирающейся на законы и естественные нужды ее населения в благоденствии.

Однако ее проницательные зарубежные корреспонденты, особенно Дидро, без труда разгадали, что за ее самопиаром в действительности скрывалось проводимая ею политика укрепления основ самодержавного абсолютизма (10). И для славянофильской оппозиции абсолютному самодержавию, естественно, было бы непростительным слабодушием не использовать эту промашку императрицы с самопиаром в «Наказе...», распространение которого более проницательные ее сподвижники постарались вскоре не то, чтобы запретить, но весьма существенно ограничить.

Ряд историографов и публицистов общественной мысли дореволюционной России относят формальное начало возникновения славянофильства к историософскому диалогу 1839-го года И. Киреевского (1804–1856) с А. Хомяковым (1804–1860). Другие обществоведы в этом сомневаются.

В «Записках» (Берлин, 1884) активного славянофила А. Кошелева (1806–1883) утверждалось, что название их направление мысли обязано оценкам западников, измышлявших, будто их противники жаждали воскресить Древнюю Русь и всех превратить в крестьян, подчинив общинному устройству жизни. Тогда как они искали в крестьянине истинно русские черты, свойственные народу в целом, пытались открыть русский мир, найти русский, отличный от западного, путь в будущее.

Сам Киреевский порою тоже отрицал свою принадлежность к славянофильству, предпочитая именовать их мировоззрение как Славяно-Христианское или Православно-Славянское (11).

Тем не менее, именно этот диалог двух единомышленников вошел в историю российского обществоведения в качестве веховой заявки на новое для отечественных интеллектуалов, специфическое направление социокультурной мысли.

Визави этого исторического диалога были родственниками: набожная мать Хомякова происходила из соответствующей по набожности семьи Киреевских. Оба диспутанта, как и другие отпрыски состоятельных дворян, получили в детстве добротное семей-

ное образование, затем учились в российских элитных училищах. После этого в целях самосовершенствования знаний, они обучались в европейских университетах, где общались с Шеллингом, Гегелем, Якоби и другими видными мыслителями. Восприяли от них идеи немецкого романтизма и преромантизма, склонность к мистицизму, но, однако, проигнорировали их идеи рационального характера мышления по *разуму*, присущего немецким и близким к ним западным мыслителям того времени.

С подачи Канта — через Шиллера — в рациональном трансцендентализме Шеллинга, Гегеля, Фихте, Якоби решающее значение имело *гносеологическое* различие «рассудка» и «разума», — различие *Verstand*, как функции чисто логических операций, и *Vernunft*, как источника идеи. Тогда как Хомяков, Киреевский и примыкавшие к ним русские мыслители, отождествляя рационализм, как явление общекультурного характера с расудочным познанием, одновременно и вместе с тем расширяли пространство разума за границы логической связи с последним, пополняя это пространство *верой*, снабжающей рассудок всеми данными, необходимыми для целостности «живого знания». Поэтому в их представлении «разумность Церкви является высшей возможностью разумности человеческой» (12).

Временами И. Киреевский и А. Хомяков, в силу их набожности, вообще противопоставляли рационализму веру, полагая, что она сама есть функция разума как целостности. «Я называю верой, — писал Хомяков Ю. Самарину, рассказывая о диспуте с Киреевским, — ту *способность разума*, которая *воспринимает* действительные (реальные) данные, передаваемые ею на разбор и сознание рассудка». Далее, утверждая, что данные веры являются тем первичным материалом, из которого строится все наше знание, он пишет, что эти первичные данные «предшествуют логическому сознанию, они образуют «жизненное сознание, не нуждающееся в доказательствах и доводах» (13).

Из этих различий с философией немецких романтиков и преромантиков выросло у Хомякова-Киреевского и других, так или иначе связанных с церковными кругами славянофилов, особенно у Ю. Самарина (1819–1876), отождествление западного христианства с системой рационализма и неприязнь к порожденным последним секулярным аспектам в культуре Запада.

Однако генезис движения славянофилов и соответственно круг приверженцев славянофильства, не ограничивается вышерассмотренной ретроспективой. Даже у западников Карамзина и Жуковского, Пушкина, Пущина и других участников антишишковской

«Зеленой лампы», не говоря уже о Белинском, Писареве, Добролюбова, их симпатии к западной культуре носили избирательный характер, были пронизаны мировоззрением патриотизма и почвенничества. Приверженность их либерализму имела иную, социокультурно-гуманистическую природу, отличную от приверженности к ней у современных российских либералов, у которых она зиждится, если не на западных грантах, то преимущественно на коллаборационистской и вестернизаторской политико-идеологической платформе.

Для верного понимания непосредственных предтеч славянофилов, следует также принять во внимание критику Н. Гоголем западного рационального гуманизма в его публицистике — прежде всего, в «Выбранных местах из переписки с друзьями», — посвященной идеям православной культуры. Представляют интерес вариации славянофильских идей у Ф. Тютчева. Эти и другие факты свидетельствуют, что круг предтеч и приверженцев славянофильского движения не ограничивался выходцами из так называемой среды «архивных юношей», к кругу которых принадлежали Хомяков и Киреевский, а был весьма широк и многогранен своими социокультурными и социоправовыми проявлениями.

По ряду позиций его идеи разделялись на тех или иных этапах их деятельности многими видными западниками, в том числе А. Герценом, в «Колоколе» которого печатались не только западники, но и славянофилы. Многим из них — Киреевскому, Хомякову и другим — он дал в своих знаменитых мемуарах «Былое и думы» весьма сочувственные и позитивные характеристики.

3. Аксаковский совокупный портрет славянофилов

Когда речь заходит о духовно-нравственном и социально-правовом пространстве славянофилов, невольно вспоминается, прежде всего, семейная плеяда Аксаковых: патриарх Сергей Тимофеевич, братья Иван Сергеевич и Константин Сергеевич, внук Иван Константинович. В докладах на современных традиционных «Аксаковских чтениях», посвященных литературному наследию С. Аксакова, учению К. Аксакова о языке и социокультурных основах государственного права и власти, панславянству И. Аксакова и т. д. складывается многогранный интеллектуальный образ всего направления российского славянофильства.

Было бы неуместным говорить об их, стилизованной под органическое единство, славянофильской интеллектуальной общности: каждый из них был яркой индивидуальностью и вносил в па-

литру становления и развития мировоззрения, равно как и публичного выражения славянофильства, то или иное своеобразие. Что заставляет говорить не о выраженной в их творчестве славянофильской философии, политических или антропософских взглядах вообще, а о соответствующих идеях и позициях каждого.

И, тем не менее, именно творчество этой удивительной в духовно-нравственной цельности плеяды мыслителей наиболее многогранно, можно сказать, в естественно-органической исчерпанности, выражает экзистенциальную сущность противоречивого, исполненного энергией исторической в своих проявлениях действенности мировоззрения почвенничества, получившего в истории русского социально-антропософского и теолого-геополитического знания наименования славянофилов.

Наиболее отчетливо в их совокупном творении славянофильства как общественного интеллектуального и социетально-преобразующего течения выражены идеи православной культуры, исторической философии, этики, философии, политики и права, цивилистики, морали и нравственности.

Однако у каждого из Аксаковых превалирует та или иная сторона совокупного результата их творчества.

Строго говоря, причислить писателя Сергея Тимофеевича Аксакова (1791–1859) к числу идеологов и теоретиков славянофильства было бы неверно, он был проникновенным поэтом русского сельского быта. Однако из его писем к сыновьям с очевидностью просматривается, что и он разделял их идеи об особом пути развития России, отличном от направлений движения тронутой тлетворным духом западной цивилизации, не приемлил европейский либерализм, отвергал агрессивность европейского культуртрегерства в отношении русских.

Его позитивная программа социетального прогресса опиралась на фундамент духовно-нравственного совершенствования внутреннего мира людей. В этом аспекте любопытно сравнить его поэтическую, а особенно прозаическую практику с особенностью ее у других коллег. В частности, плодотворно сравнение характера разработки проблем диалектики формирования и возвышения социокультурной духовности молодежи в их соответствующих прозаических трилогиях «Детство. Отрочество. Юность», в которых отражена им, Л. Толстым и М. Горьким специфика процессов ее взросления.

Л. Толстой отражает эти процессы в духовно-нравственном пространстве должествующей этики морального импертива трудовых обязанностей как условия становления богоподобной че-

ловеческой личности. У М. Горького динамика диалектического совершенствования детской души на пути взросления протекает в пространстве преодоления препятствий в ходе усвоения ребенком социетально-нравственных ценностей человеческого общества. У С. Аксакова в его «Семейной хронике» и особенно в книге «Детские годы Багрова-внука» диалектика взросления юной души зависит от степени выражения в духовно-нравственном пространстве, в котором оно происходит, этических ценностей православия.

Представляет интерес и выражение патриархом Аксаковым диалектики зарождения любви в общеизвестной сказке «Аленький цветочек». Оно отражает «всеединство» человечества, императив всеотзывчивости антропологической природы людей, свидетельствует, что вытекающее из благодарности к доброте человека чувство может перерасти в душевную привязанность и любовь, и эта любовь способна преобразить человека настолько сильно, что чудовище под ее магическим влиянием становится красавцем.

Выраженное в творчестве старшего Аксакова, «лишенное доктринальности, допускающее размытость, таинственность и мистику форм и трактовок» (14), опирающееся на романтизм духовно-нравственное пространство человеческого бытия в той или иной степени присуще не только его сыновьям и внуку, но и прочим славянофилам, особенно таким, как поэт Ф. Тютчев. Более того, его смыслы стали культурным контекстом политического кредо славянофильства, что наиболее рельефно выражено в публицистике и практике крупного общественного деятеля, идеолога движения панславянства И.С. Аксакова (1823–1886).

Его политическая концепция, как и смысл обоснованной им «русской идеи» (15) кроются в глубинах не только православного сознания, но и общинного духовно-нравственного пространства. Он писал, что «личность в русской общине не подавлена, но только лишена своего буйства, исключительности... личность поглощена в общине только своей эгоистической стороной, но *свободна в ней, как в хоре*» и такая жизнь открывает перед ней *ее* особый путь, подчиняя его задачам, которые выполняет хор в целом. «На Западе же *душа убывает*, заменяясь усовершенствованием государственных форм, полицейским благоустройством: совесть заменяется законом, внутренние побуждения — регламентом» (там же).

Мейнстрим совокупного православного и общинного духовно-нравственного пространства выражается через мысль, которая со времен упомянутого трактата Илариона и Поучения Владимира Мономаха без малого тысячелетие гласит, что на Руси власть есть, прежде всего, долг, за выполнение которого верховные правители

ответственны перед Богом. Из этой мысли вытекает «особый дух русского народа», его необычная национальная психология, которая питает весь процесс становления и функционирования российской государственности.

Этим Россия коренным образом отличается от Запада, где государственность функционирует в инертном к духовности и нравственности пространстве иерархической соподчиненности на основе искусственно рожденных бюрократических регламентов и приказов.

И. Аксаков надеялся, что отмена крепостного права благотворно повлияет на духовно-нравственное пространство не только российского общества, но и самодержавия, повернет его от абсолютизма к нравственному служению народу, ответственности перед богом. В алгоритме сближения власти с народом будут восстановлены органические общественные связи, свойственные по убеждению славянофилов Древней Руси. Он предложил проект самоупразднения дворянства, отмены «искусственных разделений сословий», распространения дворянских привилегий на все сословия. В его воззрении «монархизм сочетался с признанием необходимости личной и общественной свободы и обоснованием несовершенства любых форм государственности» (16).

Естественно, что эти надежды И. Аксакова не оправдались, и он переключил свое внимание на отношения России с Западом, в частности на начатый старшими славянофилами спор с либеральным рационализмом, расцениваемом им, как логическое знание, «отрешенное» от нравственного начала бытия.

Вычленение «русской идеи», государственности из культурного процесса наводило И. Аксакова на осознание того, что этот процесс имеет истоком дух антропологической природы наций, и, следовательно, это явление в равной степени свойственно всем родственным славянским народам. А потому, геополитическое противопоставление духовно-нравственного пространства в политической сфере есть составная часть более широкого противостояния Востока-Запада. Отсюда вытекала стратегическая идеология этого мыслителя, оформленная им в понятиях панславянского геополитического единства, панславянского союза.

Идеи создания такого единства, мобилизации духовно-нравственной силы его в борьбе с Западом И. Аксаков попытался практически осуществить в ходе борьбы болгарского народа за освобождение от турецкого угнетения.

На стороне турок против России выступила практически вся элита западной Европы. Славянофилы возбудили энтузиазм

не только прогрессивных сил, но и масс русского народа, поднявшихся на поддержку справедливой борьбы болгар за национальную свободу. И. Аксаков, возглавив Московский славянский комитет, отдал все свои силы и даже немалую часть имущества на организацию помощи болгарскому ополчению. В Болгарии он стал наряду с генералом Скобелевым национальным героем.

Победа была украдена Западом путем бюрократических манипуляций на международной конференции. Во многом это произошло в результате двурушнической позиции зараженной западничеством российской правительственной бюрократии, которая отнюдь не поощряла борьбу за «свободы». Не случайно ходили упорные слухи, что немотивированная смерть генерала Скобелева была следствием боязни верхов его всенародной популярности в российском обществе.

Исходя из смысла «русской идеи», культурного контекста политической природы российской государственности, славянофилы утверждали, что петровские реформы исказили ее духовно-нравственное пространство, заразив его тлетворностью бюрократии и чиновничества, породили правящий класс, резко противостоящий православным ценностям народа. Что абсолютистское самодержавие «отчуждает» власть, которая ведет себя по отношению к народу как оккупационный режим. Однако, испытывая приверженность к монархической власти и чураясь призывов Чернышевского к Герцену «звать Русь к топору!», они активно искали мирные пути предотвращения такой метамарфозы самодержавной власти.

Особенно активен в этом поиске был старший из сыновей — и наиболее даровитый из них — философ и идеолог славянофильства К. Аксаков (1817–1860). Судьбой ему было отпущено меньше всех Аксаковых срок жизни — 43 года. Но именно он обогатил славянофильское учение наиболее целостной общественно-политической концепцией организации национальной власти.

Отстаивая монархический идеал власти, он обосновал аксиому ее неделимости. На это сподвигли его, очевидно, соображения необходимости противостояния России хищническим устремлениям Запада, искони зарящегося на российские богатства. Чтобы отстоять их, считал он, власть должна быть сильной, а следовательно, без ущерба ее делимостью. Последнее, кстати, необходимо и народу для обеспечения его большей свободы.

Эту парадоксальную дилемму К. Аксаков объяснял ненужностью для русского народа функций государственного властвования. У него-де свои более важные задачи духовного и религиозного порядка. Отстаивая свободу личности в «хоровой» жизни

русской общины, он полагает, что в западной социокультуре чрезмерно укоренились ориентации на развитие государственности, на выражение «правды», как внутреннего начала социетальности этой личности, в законах. «Запад потому и развил законность, писал он, что чувствовал в себе недостаток правды».

Для выражения сущности своей политической концепции он использует два понятия, наполненных им новым содержанием. «Земля», под которой он и более младшие славянофилы понимали «общественно-человеческое начало», неопределенное и мирное состояние народа», «душу народа». И «Государство» как власть, внешняя сила, охраняющая Землю, «дело государево». Его идеал: «Внешняя правда — государству, внутренняя правда — Земле; неограниченная власть — Царю, свобода мнения и слова — народу» и отношение между государством и народом на принципах взаимного невмешательства (17).

Будучи консервативным традиционалистом, К. Аксаков, уповает на важный для его концептуальной политической теории социальный институт — славянскую общину: «Союз людей, основанный на нравственном начале, управляемый внутренним законом... обычаем общественным». По его мнению, только внешняя угроза заставляет этот союз использовать для самозащиты внешние для него силы. Что не меняет, однако, отношение Земли к власти: «она по-прежнему продолжает свое общинное существование, развивая его до общенародного уровня, на котором вечевые собрания заменяются Земским собором».

Он утверждает, что русский народ, будучи по натуре не властолюбивым, не стремится к государственной власти, и не настаивает на наделении его политическими правами. «Не желая править, народ наш желает жить... Не ища свободы политической, он ищет свободы нравственной, свободы духа, свободы общественной... Он помнит слова Христа: «Царство Мое несть от мира сего» и потому, предоставив государству царство от мира сего, он как народ христианский, избирает для себя другой путь — путь к внутренней свободе и духу, к царству Христову: царство Божие внутрь вас есть» (18).

По мнению братьев Аксаковых истинно православному русскому народу негоже самому использовать бразды государственно-управления, дабы не отвлекаться от собственного внутреннего нравственного пути. Ведь ориентация народа на овладение государственностью и политическими свободами чревата утратой его высшей цели — внутренней правды и свободы. Как это произошло на Западе, где народы пошли в государственную власть, включа-

ясь в политическое и законодательное строительство, в поиски внешней правды.

Братья Аксаковы считали, что русского народа в отличие от западных наций драма «огосударствления» еще не коснулась, он по-прежнему воодушевлен идеалом социального православия (19). Поэтому мейнстримом их этических поисков стали поиски в духовно-нравственном пространстве Царства Божия и уяснение его смысла. В этом они видели *истоки* жизненной силы русской нации.

4. Деревня как резервный фонд жизненной силы россиян

Понятие «жизненной силы нации» впервые использовал К. Маркс. Отмечая ее ослабление в условиях буржуазного строя, он писал о необходимости *беречь* в условиях капиталистической трансформации социально-территориальной организации общественного бытия *деревню как «резервный фонд для возрождения жизненной силы нации»* (20). С этой идеологемой тесно связаны его мысли о необходимости в целях прогресса воспроизводства человеческого в человеке. И что для этого нужны гуманизация социальных отношений и духовно-нравственное совершенствование людей.

В этом, как видим, будучи западником-прогрессистом, Маркс по многим позициям смыкался с русскими славянофилами. Эта смычка оказывается еще более тесной, если рассмотреть отношение Маркса к русской общине, которая оценивалась славянофилами как организационная форма развертывания духовно-нравственного пространства перестройки не только политических и правовых принципов самодержавной государственной власти, но и культурной ткани совершенствования Земли-народа на пути в Царство Божие.

Не оправдав надежды И. Аксакова и его товарищей по течению славянофилов, отмена крепостного права, стимулировала капиталистическую трансформацию полуфеодальной абсолютистской самодержавной России по западному буржуазному пути. Тем самым она перечеркнула перспективы реализации надежд славянофилов на мирное, эволюционное решение общественных противоречий страны и породила движение народников, ассимилировавших многие социокультурные идеи славянофилов, но с ориентацией некоторых его участников на иные пути их воплощения в жизнь, а потому неоднородное.

Правая часть народников продолжала возлагать надежды на мирную эволюцию абсолютного самодержавия в идеализированную ими по примеру славянофилов монархическую власть. Левое крыло

стало искать пути и организационные формы кардинальной замены самодержавного абсолютизма и, как ему казалось, нашло таковые в политическом терроре и в столь же идеализированно представившейся им, как и славянофилам, крестьянской общине.

В связи с такими расхождениями между ними искрились дискуссии, не дававшие доказательства правоты той или иной стороны.

Сгладить эти расхождения мог бы А. Герцен, который доказывал, с одной стороны, ограниченность действенности политического террора, с другой, первый обратил внимание на социалистический социокультурный потенциал общинных форм организации бытия. Но, как известно, люди редко признают пророков в своем Отечестве. Известная народоволка В.И. Засулич обратилась по этому поводу к Марксу с просьбой выступить третейским арбитром.

Маркс внимательно следил за процессами в России. В частности, есть его Записки, в которых он полтора десятилетия отслеживал последствия отмены в ней крепостного права. И потому он ответил Засулич рефератом на нескольких авторских листах в его собрании сочинений, а также пространным письмом в «Отечественные записки». К. Маркс писал: «...община является точкой опоры социального возрождения России. Русская сельская община может стать предпосылкой более совершенного, чем капитализм, общественного строя. Современная русская сельская община отличается от вымерших во времена Средневековья западных аналогов тем, что она крайне жизнеспособна, поскольку живет не изолированно от современного мира» (21).

Отмечая, что после отмены крепостного права она начала интенсивно разрушаться и саморазрушаться, Маркс писал, что ей необходимо обеспечить «нормальные условия свободного развития» (22). Поэтому он советовал преемникам славянофилов в этом вопросе — народолюбцам энергично побуждать массы выступать в защиту русской крестьянской общины (23).

Следует добавить, что социально-политические и социально-правовые идеи унаследовали в дореволюционные времена не только народники, но и трудовики, анархисты, эсеры, а через них — некоторые фрагменты социокультурной значимости сельской общинности — и большевики. В частности, их противники нередко обвиняют эту партию, что она перехватила у эсеров социоправовую программу земельной реформы и социокультурную форму социализации крестьян, в том числе, знаменитый «Наказ крестьянских депутатов...». Верно, перехватила, но не свидетельствовало ли это, отнюдь, не о прагматичной беспринципности Ленина, а о его умении слушать народ, понимать его нужды и, соот-

ветственно, о способности корректировать проводившуюся им политику в соответствии с чаяниями масс, не поступаясь своей генеральной линией на завоевание социализма.

Кстати, возникает вопрос, не через эсеров ли унаследовал и развил некоторые славянофильские идеи, в том числе посылки его известной теории интегральной философии и социологии, активный деятель этой партии П. Сорокин? Но об этом мы поговорим подробнее в заключительном подразделе нашей статьи.

Обоснованная славянофилами, прежде всего Аксаковыми, прогрессивная роль сельской общины в совершенствовании социетальной организации российского общества подтверждалась на протяжении еще полутора столетий развития нашей страны. Полуразрушенная в годы Столыпинской реформы, она подобно фениксу, возродилась в годы НЭПа и проявила свою плодотворность — в ее новой модификации в форме колхозного строя — в практике успешного развития населения советской деревни в довоенные и послевоенные десятилетия. Во многом потому, что обеспечивала простор его не только социально-экономического, но также политико-правового и духовно-нравственного пространства.

Исторический опыт показал, что российская сельская община обеспечила фундамент для сохранения в бытии дореволюционной деревни традиционных национальных ценностей, а в советский период и для интенсивного развития человеческого и социального капитала сельских жителей как носителей жизненной силы России (24).

5. Современные проекции славянофильских идей

Идеи социетального общественного течения славянофилов по одним их позициям безвозвратно отошли в прошлое, по другим — через передачу и частичную трансформацию их преемниками как промежуточными звеньями трансляции общественной мысли — сохраняют актуальное звучание и жизнотворные смыслы.

В частности, на фундаменте обоснований славянофилами несовершенства любых форм государственности (см. напр. 16) в последние дореволюционные десятилетия популярным стали учения анархизма М. Бакунина и П. Кропоткина, получившее в году гражданской войны практическое воплощение в полубандистской махновщине. Казалось бы, они навсегда остались в прошлом, но это далеко не так. И сегодня их пытаются реанимировать некоторые обществоведы, разочаровавшись, как в марксизме и коммунизме, так и в либерализме и капитализме.

Отчаявшись найти пути для обретения российским народом составных его светлого будущего — социальной справедливости, свободы личности, державной субъектности и духовно-нравственного пространства развития всех этнических и национальных общностей, — они пытаются сдлатать это, реанимируя позитивы учения П. Кропоткина и движения Н. Махно, объявляемых ими «революционно-социалистическими» (25).

Другие обществоведы, вроде экономиста Ю. Яковца и ректора Сыктывкарского госуниверситета М. Истиховской и т. д., отчуждаясь от марксизма и либерализма, пытаются в противовес им возвести на вершины мировой мысли концепцию интегральной философии и социологии П. Сорокина (26). Между тем, посылки этой концепции Сорокин нашел — через правозервовскую и народническую социоправософию — в творчестве славянофилов, их предшественников и соратников. Например, близкого им геополитика и певца общины Н. Данилевского. И характер этих истоков не имел никакого противостояния с методологией марксизма.

Типичная позиция этих современных российских отступников от марксизма зиждется на примитивной посылке, что в противовес монистическому марксистскому пониманию истоков общественного развития, концепция интегральной философии и социологии исходит из множественности его начал. Однако, признание марксизмом *экономической доминанты социальной динамики на всю эпоху сохранения классового неравенства*, отнюдь, не означает, что за пределами этой эпохи функция такой доминанты не ляжет на иные детерминации. А именно, цивилизационные, антрапологические, культурные, мировоззренческие, геополитические, ноосферные... Они и сегодня сказываются на общественной динамике и порою, как это произошло в СССР в период горбачевской «перестройки», оказывают на нее решающее значение.

Монизм диалектического материализма же, как философская основа марксизма, утверждает лишь то, что все разнообразие природы, общества и человеческого сознания является продуктом развивающейся материи. А это ни в коей мере не противоречит плюрализму славянофильских подходов к пониманию общественного развития и междисциплинарной парадигме его, составляющей исходный постулат концепции интегральной социологии П. Сорокина.

Наряду со сказанным, необходимо заметить, что славянофильство, их идеи «русского мира» в принципе никогда не исчезали из ткани российской общественной мысли. Все советские десятилетия они присутствовали в ней в латентной форме, а порою

и прорывалось, как в «Ленинградском деле» Кузнецова и его соратников, в политическую и социокультурную практику.

Сегодня имеются все основания сказать, что в форме современного неославянофильства это течение общественной мысли все активнее влияет на социокультурное пространство российской жизни.

В начале 90-х годов прошлого столетия образовалась во многом унаследовавшая идеи славянофилов, особенно касающихся противостояния «Восток-Запад» Российская Славянская академия (президент Б.И. Исхаков), преобразованная несколько лет назад в Международную Славянскую академию (президент С.Н. Бабурин), на программу деятельности которой значительное влияние оказывают панславянские идеи И. Аксакова. Она издает журнал «Славяне» и осуществляет активную публикаторскую деятельность.

О деятельности современных неославянофилов один из соавторов этой статьи знает по собственным наблюдениям, поскольку свыше 20 лет был со-академиком-секретарем Отделения философии, социологии и демографии РСА, а сейчас является действительным членом МСА.

На начальном этапе мейнстрим деятельности РСА характеризовался усилиями по организации панславянского единства. Кстати, идея организации самой РСА была реализована на собрании славянской общественности в Тирасполе — столице Приднестровской Молдавской Республики. Затем, когда восточноевропейские «братушки» и кровники отшатнулись, было, от России, упор в деятельности академии был сделан на борьбе с норманистской концепцией происхождения российской государственности, которая с подачи заподоида академика-филолога Д. Лихачева вновь получила, было, широкое хождение среди либеральствующей интеллигенции нашей страны.

В настоящее время МСА ведется активная разработка сформулированной братьями Аксаковыми «русской идеи» и вытекающей из нее постулатов духовно-нравственного пространства православного христианства как базы развития русского человека, гипотезы формирования «православного социализма».

Кстати, и это направление общественной мысли ныне становится весьма популярным у левоопозиционной российской общественности. Вопросы формирования «Православного социализма» только в этом году уже многократно обсуждались на заседаниях известного Изборского клуба при газете «Завтра», причем на последнем апрельском заседании 2016 г. первыми выступили председатель КПРФ д. ф. н. Г. Зюганов и советник президента академик РАН С. Глазьев.

И конечно, очнувшись — под воздействием антироссийских санкций и геополитической агрессивности Запада по отношению к России — от пацифистских иллюзий об альтруистическом миролюбии вестернизаторов-глобалистов, отечественная общественность сегодня, как никогда, нуждается в выработанных славянофилами знаниях о духовно-нравственной подноготной, обусловившей геополитическое противостояние «Восток-Запад», «Россия-Европа».

Впрочем, сегодня активно реанимируются не только сильные, но и слабые стороны идеологем славянофильства. Не отрывкой ли славянофильских иллюзий о социетальной прогрессивности монархии стала эмоциональная защита на страницах «Завтра» А. Прохановым и публицистом Д. Тукмаковым эстравагантного шествия популистки Н. Поклонской с портретом Николая П в рядах «Бессмертного полка», как будто этот представитель абсолютистского самодержавия имел какое-либо отношение к Победе советского народа в Великой Отечественной войне? Или защитники глупости Поклонской, певцы «красной империи» согласны уже и на абсолютистское самодержавие?

Последний вопрос возникает в связи с их истеричной защитой тезиса «белые-красные — мы единый народ», надо всемерно крепить это единство (27). Спрашивается, на каких основах? Признание естественным состоянием национального бытия, как это было свойственно большинству старых славянофилов, социального неравенства? Ведь именно это защищали белые полчища Деникина, Врангеля, Колчака, и именно такое, ущербное для трудовых масс российского народа состояние утвердили сегодня в нашей стране либералы-западники...

Сказанное и оставшееся за его скобками свидетельствует, что тематика социокультурного генезиса и проявлений жизненной силы России не уходит в архив идей вчерашнего дня, а приобретает все большую злободневность.

Литература

1. Германия // Википедия ru/ wikipedia/ org>.
2. См., например. Валерий Бурт. Жертвы мысли безрассудной; Иосиф Линдер. Точка зрения; // Журнал Никиты Михалкова «Свой», декабрь 2015, с. 16–20.
3. Пестель П.И. Русская Правда. М., 1993.
4. Дружинин Н.М. Избранные труды: Революционное движение в России в XIX в. М. 1985.

5. Горянин А. Большое недоразумение с русской общиной. // Мифы о России. М., Penta Graphic, 2002, р. 29–40.
6. Герцен А. Былое и думы, и др. произв.; Тургеневский сборник. Л., 1968, т. 4; «Письма из деревни. Очерки о крестьянстве второй половины XIX века. М. Современник, 1987.
7. Антология мировой политической мысли в пяти томах, т. 3 // Политическая мысль России, X в. — первая половина XIX в. М. Мысль, 1997, с. 18.
8. В.В. Зеньковский. История русской философии. Т. 1, часть 1. Ленинград, «ЭГО», 1991, с. 194.
9. Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения, составленный Екатериной П // Конституционные проекты в России. ХУШ-начало XX в. М., 2000.
10. Дидро Д. Собр. соч. т. X. Произведения, относящиеся к России. М., 1947.
11. А. Хомяков. О целостном духе. Соч. т. П. М., 1900, с. 284.
12. А. Хомяков. Второе письмо к Ю. Самарину. Соч., т. 1, с. 327.
13. Киреевский И. Письмо Хомякову, 1844 г. // Соч. т. П, М., 1911, с. 133.
14. Idid. Соч. т. 1., с. 161 и с. 173.
15. Г.Ю. Семигин. Российские политико-правовые доктрины. М. Мысль, 2005, с. 484.
16. Аксаков И. Соч. т. У. М., 1887. с. 156.
17. Новая философская энциклопедия. Том первый. М. Мысль, 2000, с. 62.
18. Аксаков И. Соч. т. 1, М., 1886, с. 19; соч. т. У, с. 104, 156.
19. Аксаков К. Записки о внутреннем состоянии России // Теория государства у славянофилов. СПб. 1898. с. 24–27.
20. Аксаков И. Соч. т. 1У, с. 551.
21. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1., с. 105.
22. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 405.
23. Там же, с. 401.
24. См.: Сельский человек как носитель жизненной силы России // Состояние и перспективы аграрно-сельской России. Научный проект заслуженного деятеля науки РФ проф. В.И. Староверова. М. ИСПИ РАН, 2015, с. 384–396.
25. См., к примеру: А.А. Разин. Человековедение как практическая философия или учение о становлении человека. Ижевск, УГУ, 2014, с. 283–286 и др.
26. Питирим Сорокин. Социальная и культурная динамика. СПб, 2000.
27. См. передовицы «Завтра», май 2016, № 20 и 21.

**ПРЕДВЫБОРНЫЕ РЕЙТИНГИ,
EXIT-POLLS В ГИБРИДНОЙ ВОЙНЕ**

Андрющенко Евгений Григорьевич, доктор философских наук, профессор социологии, действительный член Академии политических наук и Международной академии информатизации, член Союза журналистов

Аннотация: Многие не подозревают, что прогнозы вообще, и тем более при выборах власти, вещь далеко не безобидная. Практика показала, что при публичном сравнении многих замеров (отдельно прогнозов) общественного мнения в едином Информационном банке возникает возможность добиться объективной картины не только в конце выборов, но, что много важнее, — и по ходу избирательного процесса. Чтобы выборы в России стали профессиональнее и честнее, необходимо в обязательном порядке иметь Комиссию независимой социологической экспертизы. Прогнозы при организации и соблюдении правил у профессионалов стали достаточно точными, создалась обстановка, при которой хитрецы стали рисковать не только своим добрым именем, но и отказом на получение в последующем заказов на коммерческие маркетинговые исследования¹.

Abstract: Practice has shown that during the elections the Unified Information Bank, the Commission for independent sociological examination contribute to the adequacy of the ratings and forecasts of sociologists

Ключевые слова: социология выборов, общественное мнение, власть, социальные институты, политические процессы в России, рейтинги, экзит-поллы, право говорить от имени народа, методы изучения общественного мнения, предвыборные кампании, электоральные предпочтения, социологические службы на выборах, факторы подтасовок, организация контроля и конкурса социологических прогнозов на выборах.

Key words: sociology of elections, public opinion, power, social institutions, political processes in Russia, ratings, exit-polls, the right to speak on behalf of the people, methods of studying public opinion, election campaign election campaign, electoral preferences, sociological service at the election, the factors of fraud, organization of control and competition of sociological forecasts in the elections.

¹ См. Андрющенко Е. Социологические прогнозы результатов выборов. Электоральная статистика. Выборы Президента Российской Федерации. М., 1996. С. 282–292.

*«На непроглядный ужас жизни
Открой скорей, открой глаза,
Пока великая гроза
Все не смела в твоей отчизне...»*
А. Блок¹

В единый день голосования 18 сентября 2016 года в Российской Федерации пройдут выборные кампании различного уровня: депутатов Государственной думы, глав субъектов Федерации² и выборы депутатов законодательных органов государственной власти в 38 субъектах РФ. 28 марта председателем Центризбиркома РФ стала Э.А. Памфилова. Перед выборами в состав Центризбиркома, Уполномоченная по правам человека в РФ (18 марта 2014 г. — 28 марта 2016 г.).

Примечательный факт: до избрания председателем ЦИК РФ в ноябре 2015 года по заказу Уполномоченного по правам человека Фонд «Общественное мнение» А. Ослона³ провел социологическое исследование о соблюдении прав человека в России. Широко представленное в итоговом докладе Фонда за 2015 год. Опрошено было при этом уникально большое число граждан — 60 тысяч 500 респондентов. Финансово, материально, организационно — неоправданно расточительно. Да и не рационально с точки зрения расчета репрезентативной выборки исследования. При том, что заказ социологических опросов (тем более столь дорогой), не входит в обязанности Уполномоченного по правам человека в России.

Однако именно вслед за Отчетом одной из новаций 2016 года было определено — контроль за избирательной кампанией, непосредственно голосованием и подведением итогов вести региональным уполномоченным по правам человека⁴. Создавалась вертикаль контроля избирательного процесса параллельного самими избиркомками. А 28 марта 2016 года в финале этой событийной цепочки Э.А. Памфилова и стала председателем Центризбиркома РФ.

¹ А. Блок. «Да. Так диктует вдохновенье». Дата написания: 1911–1914 годы.

² 4 очередных и 2 досрочных, а также 1 очередные и 1 внеочередные через голосование в парламенте субъекта.

³ Александр Анатольевич Ослон (р. 19 марта 1952 года), Родители родом с Украины, окончили Московский энергетический институт в 1950-х годах, в середине 1990-х уехали в Израиль. В начале 1988 года получил приглашение переехать в Москву для работы в только что образованном Всесоюзном центре изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в качестве заведующего отделом компьютерной обработки данных. Защитил диссертацию «Разработка, исследование и применение алгоритмов построения интегральных показателей функционирования сложных систем» на соискание степени кандидата технических наук в 1984 году в Институте проблем управления (Москва). Явился инициатором образования независимого Фонда «Общественное мнение», который в 1992 году отделился от ВЦИОМ и начал вести собственную исследовательскую деятельность. Со дня основания Фонда работает в должности генерального директора, а затем президента. В 1996 году Фонд «Общественное мнение» стал базовой социологической организацией избирательного штаба Б.Н. Ельцина на президентских выборах. Ослон входил тогда в состав известной Аналитической группы, которой руководили А.Б. Чубайс и В.В. Илюшин.

⁴ Единый день голосования 18 сентября 2016 года. <https://ru.wikipedia.org/wiki/%>

Избранному составу ЦИК РФ предстоят выборы и Президента России. В прежние времена в Российской Федерации выборы главы государства проходили в один и тот же год с нашими «партнерами» за океаном. Был схож и срок полномочий. Однако в ноябре 2008 года Государственная Дума утвердила поправки, в соответствии с которыми избранный глава российского государства наделяется полномочиями сроком на шесть лет. Следующие выборы президента должны состояться — в 2018 году. Однако наметился сценарий президентских выборов в России в 2016 году¹. На международном экономическом форуме в Санкт-Петербурге экс-министр финансов А. Кудрин в своем выступлении предложил принять во внимание пока только саму идею о переносе главных выборов страны. По его мнению, это даст толчок новой волне реформ².

Можно не сомневаться, что в 2016 году любые решения власти, хочет она этого или нет, придется рассматривать в контексте избирательной кампании. Даже, если забыть о большом значении этих выборов, о борьбе за новую расстановку сил общественных, политических, профессиональных групп и мощных кланов, уверенно можно прогнозировать захватывающее шоу, полное неожиданностей и драматических поворотов. Достаточно вспомнить, какие эксцессы имели место в связи с выборами в Белоруссии, Украине и других бывших республиках СССР, в странах «арабской весны», «степной» и центральной трассы Великого шелкового пути. До сих пор «умывающихся кровью». В итоге многоходовых политических спектаклей, «либерального» хаоса, ограбления страны, захвата власти «пятой колонной» — приводящих к внешнему управлению руками продажной «элиты». Иллюстрацией к тому — беды наших братьев на Украине!

В обстановке, когда миллиардерам в России с совокупным капиталом в \$297 млрд. позволено платить самые низкие в мире налоги (13%), что не снится их коллегам во Франции и Швеции

¹ Явно просматривается аналогия в технологии. 14 февраля 2015 года состоялось заседание совета Ассамблеи народа Казахстана (АНК), на котором делегаты единогласно проголосовали за инициативу проведения досрочных президентских выборов. В обращении членов АНК к населению говорилось, что «президенту страны Нурсултану Назарбаеву необходимо дать новый мандат общенационального доверия для успешного прохождения страны в период глобальных испытаний».

² Позже в интервью «Эху Москвы» Кудрин развил мысль. По его словам, главы государств перед выборами, как правило, не проводят серьезных реформ, равно как и спустя несколько лет после избрания. Обычно реформы начинаются сразу после выборов. «Все президенты все структурные реформы начинают в первые же месяцы. Не каждый президент в разных странах во время предвыборной кампании озвучивает все свои будущие структурные реформы. Он потом что-то доделывает или дообъявляет», — говорит Кудрин. Правда, есть и примеры обратного характера: «В этом смысле я привел пример с Назарбаевым. Назарбаев на полгода ускорил свои выборы и объявил программу структурных реформ». На какой именно год, по его мнению, целесообразнее переносить кампанию, Кудрин не ответил, сказав, что «всегда все нужно взвешивать».

(57%), в Дании (61%) или Италии (66%). Менее 10% населения «прихватазировали» 90% национального богатства! Когда деньги за российское сырье уходят в зарубежные банки и поддерживают не российского производителя, а зарубежную экономику. А после спектакля мирового финансового кризиса число миллиардеров в России увеличилось вдвое, а в российской столице проживают, по данным «Форбс», 79 миллиардеров против лишь 58 Нью-Йорке. Когда 92% крупной российской промышленности, банков и т.п. оказались иностранной собственностью. А Москва стала одним из самых дорогих городов в мире, а русские в столице России становятся меньшинством. Когда 117 миллиардерам в России противостоят 20 миллионов, живущих на 8–10 тысяч в месяц, которым не дано не только пользоваться естественными благами, нормально растить детей, прилично одеваться и отдыхать, покупать книги и выписывать газеты, а просто не доедающих. При том, что в Конституции РФ сказано: «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» (ст. 7 п. 1). Но почему богатые в таком «социальном» государстве становятся все богаче, а бедные все беднее?» Страна полна мигрантов и безработных. Минимальная пенсия в России, не обеспечивает нормальное существование пенсионеров. А ныне в дополнение пришли поборы на капитальный ремонт, транспортный налог, несправедливая система оценки имущества и земли, влекущие за собой рост соответствующих налогов в десятки и сотни раз. Нужно ли населению страны, чтобы в Госдуме и Совете Федерации заседали миллиардеры-сенаторы и мультимиллионеры-депутаты, состояние которых оценивается в 41 млрд дол., в период мирового финансового кризиса поддерживавших монополистов и банкиров-спекулянтов деньгами налогоплательщиков?

В. Чуров: «Мой прогноз был самым точным!»

Помнится, как будучи президентом России Д. Медведев в разговоре с председателем ЦИКа В. Чуровым, доложившим об итогах голосования в Госдуме, что «Единая Россия» лидировала с 49,3 процента голосов» произнес: «Вы же волшебник почти. Вас так некоторые лидеры партий называют». В свою очередь В. Чуров заявил президенту, что он еще только учится на волшебника, процитировав известное выражение из советского детского кинофильма «Золушка» (1947 год).

Отчитавшись президенту о работе своего ведомства, Глава ЦИК подарил Д. Медведеву вымпел со значками, после чего сообщил, что его прогноз по выборам был точнее, чем у ведущих социологических компаний. «Мы обычно проводим конкурс социологических прогнозов. В данном случае десять ведущих социологических компаний России приняли участие... Победителями стали Институт социологических исследований и Фонд исследований проблем демократии — это по явке. Мой прогноз был самым точным» — сказал В. Чуров¹. По его словам, он ошибся только на 0,2 процента.

В преддверии 18 сентября самое главное — обеспечить честное и прозрачное проведение выборов. Я убежден, что голосование будет честным, подчеркиваю — голосование, а не выборы. Но вот гарантия честных выборов — в способности граждан организовать контроль выборов. Контролировать всегда легче, чем фальсифицировать. Кто и как обеспечивает контроль выборов? Обладают ли доверием те, кто выступает от имени социологии?

На инвестиционном форуме «Россия зовет!» (6 октября 2011 года) премьер Владимир Путин на вопрос, как он относится к тому, что 22% российских граждан, судя по опросам, хотят уехать за границу, посетовал, что «делит цифры любого опроса минимум на сто». Что из этого следует? Можно ли ориентироваться на данные, которыми оперируют социологи? А иметь «барометр» общественных настроений и политической активности крайне важно. Особенно с учетом цунами прошедших «цветных революций» на территории Советского Союза, хлынувших уже с побережья Средиземного моря на улицы Лондона и Нью-Йорка? Тем более, когда в России уже началась избирательная кампания в Государственную Думу плавно переходящая в выборы президента страны?

К социальной напряженности, устойчивым негативным настроениям, чувствам, оценкам, наконец, к деструктивным взрывам, ведет ущемление важнейших социальных интересов населения, несовместимость условий общественной жизни с основополагающими духовными ценностями. Противостояние населения и власти толкает к хаосу, «войне всех против всех», ограблению страны, приходу к власти новых элит, нередко финансово и организационнодвигаемых из-за рубежа.

Отсюда важность решения ключевой общественной проблемы — формирования власти, ответственной за организацию жизни населения, способной встать на защиту человека и окружающей его среды. Трудно рассчитывать, что люди, не брезгающие

¹ Медведев назвал Чурова волшебником: Россия: Lenta.ru; lenta.ru/news/2011/12/06/magician/ Мой прогноз был самым точным»

методами в борьбе за власть, придя к власти, станут вдруг самоотверженно работать во благо тех, кто доверчиво отдал им на выборах свои голоса. А не станут злорадно грабить простаков и «лохов», которые, согласно их установкам, не достойны никакой другой участи.

К сожалению, политический макиавеллизм, включающий изощренные способы действия, не брезгующий использовать обман, хитрость, клевету, шантаж и другие аморальные средства, в борьбе за власть практикуется слишком широко. Что особенно безнравственно и опасно — с апелляцией к науке. Дискредитируя при этом и саму науку, являющуюся исключительно важной сферой деятельности, обеспечивающей развитие общества на пути прогресса к благоденствию граждан. В общественной жизни такого рода «ученые» ведут себя так, как если бы в медицине принципы клятвы Гиппократова были бы «улучшены» принципом «революционной целесообразности». Убежден: активно способствовать честным ВЫБОРАМ властных органов России, способных изменить ситуацию в лучшую сторону, могут и должны социологи, информируя население, поставив под общественный контроль, как избиркомы, так и прессу, став «санитарами» от вбросов бюллетеней, каруселей, подлогов протоколов избирательных комиссий и т. п. Так к кому же, по сути, могут быть отнесены слова В. В. Путина о социологах?

Подкладывание топора под компас

*«...он или к нам заброшен, или,
от нас?!»*
Михаил Жванецкий

Чудесные советские фильмы, об одном из которых вспомнил, назвав себя еще только учащимся на «волшебника» В. Чуров, дает повод вспомнить ситуацию из другого фильма — «Дети капитана Гранта». В котором бандит, прикинувшийся «своим», топором под компас отправил корабль наивных людей к берегу работорговцев Африки.

Для начала обратим внимание, что гражданам через прессу становятся доступны результаты опросов, рейтинги популярности претендентов всего двух, от силы трех социологических центров: ВЦИОМа, Фонда «Общественное мнение», Левада-центра. Может быть других просто нет? Как руководитель социологических служб Гостелерадио СССР, Верховного Совета и Съезда народных депутатов СССР, Центризбиркома РФ с 1993 до 1998 года ставлю в известность — общественности до недавнего времени

были доступны результаты многих десятков зондажей такого рода. А в Центризбиркоме они фиксировались в специально созданном общедоступном Информационном банке. Достаточно было Нугзару Бетанелли, работавшему на базе ФАБСИ, зависимому от «силовики», желавших «пугнуть» Ельцина и отменить выборы, чрезмерно завянуть рейтинг коммунистов, лукавство тут же выявили данные остальных социологов. Противники Коржакова-Барсукова пошли другим путем, что отразили \$15 млн. перехваченные 19 июня 1996 года у Аркадия Евстафьева и Сергея Лисовского, членов предвыборного штаба Бориса Ельцина, возглавляемого Анатолием Чубайсом, при выносе из Дома правительства в коробках из-под бумаги для ксерокса¹. Потом даже отменив статью, по которой они должны были бы получить наказание, хотя закон обратной силы не имеет.

Чем примечательны упомянутые центры? Вспомним, что в свое время ВЦИОМ (Ю. Левада—Т. Заславская) в «Комсомольской правде» от 6 марта 1991 года прогнозировал голосование на Все-союзном референдуме 17 марта 1991 г. по вопросу единства Союза ССР с ошибкой на 20(!) процентов меньше реального итога голосования граждан. Что г-ну Леваде по поводу уже других его лукавых «прогнозов» в журнале «Власть» адресовали статью с заголовком: «Врать не надо!» По поводу «рейтингов», непристойно возвеличивших президента — дирижера Б. Ельцина, спрашивали через газету «Рабочая трибуна»: «Можно ли запретить ишаку славить великого эмира?» Г-н Левада «удивительным» образом все время выступал с «ошибками» в пользу тех, кто разваливал страну и «прихватизировал» общественное достояние². Далее. В день выборов Президента Белоруссии 19 марта 2006 года руководитель пресс-службы избирательного штаба Александра Миленкевича Сергей Возняк сообщил, что, «по данным российского центра Юрия Левады, за Александра Лукашенко отдали свои голоса около 47% опрошенных, за Милинкевича — около 25%».

Не лишним, однако, заметить, что этому 26 февраля вечером предшествовал в эфире Первого национального телеканала Белоруссии сюжет об обыске в офисе незарегистрированной организации «Партнерство», в ходе которого были изъяты заполненные бюллетени exit-polls. Эти бюллетени относились к опросам, якобы проведенным вильнюсским представительством американской

¹ \$15 млн в коробке из-под ксерокса // Власть. — № 24 (527). — 23.06.2003.

² См. Е. Андрющенко. Право говорить от имени народа. Известия. 25.6.1991 г.; Врать не надо, «Власть», № 12, 1994; Можно ли запретить ишаку славить великого эмира? Рабочая трибуна. 12.4.1996 г.; Социологические прогнозы: результаты выборов президента Российской Федерации, «Электоральная статистика», 1996 г.

службы «Гэллапа», и на них была проставлена дата — 19 марта (день выборов). В эфире были показаны кадры оперативной съемки, согласно которым, по результатам опросов на выходах из 107 избирательных участков, Александр Милинкевич набрал 53,7 процента голосов избирателей, Александр Лукашенко — 41,3 процента, Александр Козулин — 3,8 процента, Сергей Гайдукевич — 1,2 процента.

28 февраля директор вильнюсского представительства службы Гэллапа («Балтик Гэллап») Раса Алишаускене сообщила, что «продемонстрированные протоколы не имеют никакого отношения к нам. На бланке написано название нашей организации, но бланк не наш». 1 марта руководитель КГБ Белоруссии Степан Сухоренко провел пресс-конференцию, в ходе которой сообщил о раскрытии сценария силового захвата власти радикальной оппозицией после президентских выборов. По его словам, после оглашения результатов выборов 19 марта оппозиция намеревалась объявить их фальсифицированными. «Точкой отсчета должно было стать провокационное заявление руководителей незарегистрированной неправительственной организации «Партнерство», якобы осуществлявших параллельное наблюдение за выборами». В ходе задержания четырех руководителей этой организации были изъяты «протоколы exit-polls¹, которые должны были подтвердить фальсификацию выборов». Сценарий предусматривал организацию в центре Минска массового митинга, в ходе которого в толпе планировалось привести в действие взрывные устройства. После этого должен был начаться захват зданий органов власти и вокзалов с целью полной остановки функционирования государства. Для осуществления силовых акций оппозиция, по словам руководителя КГБ, намеревалась задействовать «боевиков из Грузии, Украины, стран бывшей Югославии». А это и не было тайной. 16 марта президент Грузии Михаил Саакашвили на брифинге в Тбилиси заявил, что считает необходимым проведение «цветной революции» в Белоруссии. «Белоруссия — не какая-то прихоть Грузии, это фундаментальный вопрос, и этот вопрос будет решен освобождением белорусского народа и окончательным объединением Европы»². К этому готовились. 15 марта на погранпереходе «Урбаны» белорусско-латвийской границы был задержан гуманитарный груз из США стоимостью \$182 тыс., состоящий из бывшего в употреблении военного имущества и обмундирования. В состав груза входили спальные

¹ Экзит-полл (экзит-полл, экзит-пул) (англ. Exit poll — опрос на выходе) — используемая в мировой социологической практике процедура опроса граждан, производимого социологическими службами на выходе из избирательных участков.

² Саакашвили пообещал белорусам «цветную революцию» kalitva.ru/7801-8839.html. «Белоруссия не какая-то прихоть Грузии...

мешки, палатки, теплая одежда и обувь. 16 марта председатель КГБ Белоруссии сообщил о раскрытии планов четырех терактов в день выборов. По информации Сухоренко, теракты должны были произойти в школах, где обычно располагаются избирательные участки. На продемонстрированной видеозаписи задержанный признается, что «проходил обучение в грузинском лагере «Кмара», где учителями были четыре араба и офицеры бывшей Советской армии». По его словам, экзамены у них принимали «полковник службы безопасности МГБ Грузии и американские инструкторы». «Нам инструкторы из Америки говорили, чтобы мы организовали четыре взрыва в школах. Места и время терактов они должны были сообщить дополнительно. Конкретно места не указывались». Сухоренко также продемонстрировал видеозаписи, на которых грузинские граждане признаются в том, что должны были доставить в Белоруссию деньги и все необходимое для организации беспорядков 19 марта¹. Были ли выборы бесконтрольными?

По состоянию на 15 марта в стране было зарегистрировано 27 тыс. местных и 1 249 международных наблюдателей. Всего за президентскими выборами наблюдало 440 экспертов из 35 стран ОБСЕ и около 110 наблюдателей от Парламентской ассамблеи ОБСЕ. Правда, Центризбирком Белоруссии отказался аккредитовать в качестве международных наблюдателей лидера Союза правых сил (СПС) Никиту Белых и депутата Государственной думы РФ Владимира Рыжкова, поскольку они не были приглашены на выборы ни одним из уполномоченных на это государственных органов.

В ночь на 20 марта были обнародованы результаты предварительного подсчета 100% бюллетеней:

явка на голосование составила 92,6% (6 614 998 граждан), Александра Лукашенко поддержали 82,6% избирателей (примерно 5 460 000 граждан), Александра Милинкевича — 6% (около 400 000 граждан), Сергея Гайдукевича — 3,5% (около 250 000 граждан), Александра Козулина — 2,3% (около 154 000 граждан).

Так что же означали данные Левада-центра?

Это отрицало победу Лукашенко, предполагало проведение второго тура с участием Меленкевича, которого истово поддерживала западная пресса. «Научное» подтверждение заявлений о, якобы, фальсификации в подсчете голосов, следующая из этого не легитимность власти, моральное «право» митингующих негодо-

¹ Президентские выборы в Белоруссии (2006) — Википедия. ru.wikipedia.org/Президентские выборы в Белоруссии (2006)

вать, вплоть до того, чтобы в соответствии с установившейся практикой «цветных революций» брать штурмом здания органов власти. «Бархатно» или кроваво. Так как это было во многих государствах на постсоциалистическом пространстве. Потом уже не имеет значения, что студент на Вацлавской площади в Праге вовсе не был убит, а спрятался на время, хотя именно слух о его «убийстве» стал причиной массовых протестов и смены руководства.

Нет сомнения в том, что случись «революция» в Минске, никто среди тех, кто обрел власть, не стал бы интересоваться, были ли точны такие опросы или нет. Причем сообщение было рассчитано не только на жителей Белоруссии. Уже в день голосования из сообщений СМИ («Радио «Эхо Москвы», ТВЦ и др.) оно стало достоянием россиян, было рассчитано на мировую общественность.

Потом, явно пытаюсь пустить общественность по ложному следу, стали слышны самооправдания, что кто-то кого-то, возможно, опрашивал по телефону. В расчете на несведущих и растерянность, и что на тот момент «пипл схавает». Тогда как телефоны, особенно в сельской местности, есть не у всех. И выборка для опроса по телефону заведомо не может быть представительной («репрезентативной»)¹.

Социологическое обеспечение общественной деятельности, как любая профессиональная сфера, имеет много специфики, требует профессионализма. Мировая практика показывает, к примеру, что заинтересованное социологическое обеспечение на выборах партии или кандидата на мандат и, одновременно, стремление выйти с объективными результатами ко всей общественности редко совпадают. Так в свое время, руководитель американской службы «Гэллап» Эд Гоес поведал мне в личной беседе, что сам Геллап за всю свою жизнь ни разу не работал на конкретные партии и кандидатов на выборах. Считал это не только не этичным, но и опасным потерей доверия у публики. Единственным исключением был случай, когда на выборы в местные органы власти пожелала баллотироваться его жена.

Какова же существующая российская практика? Примечательно описание хода избирательной кампании и участия в ней одного из искусственно «популярной» тройки социологических центров у Михаила Полторанина, вице-преьера правительства при Ельцине: «Группа Чубайса скопировала у американцев и сам лозунг «Голосуй, или проиграешь!» и многое из сценария акции. Ельцина возили, как цыгане ручного медведя, по разным подмосткам и за-

¹ Е. Андрищенко. «Самосбывающиеся лжепрогнозы». «Литературная газета» № 14 2006 г.

ставляли, подобно Клинтону, развлекать публику. Вот уж действительно, где кобыле брод, там курице потоп: печальное было зрелище. В Новосибирске я оказался зрителем такого действа. Друзья притащили меня на стадион «Спартак», где проходила встреча с Борисом Николаевичем. Он несуразно пританцовывал под гремучую музыку, затем потянул в пляс испуганную жену Наину Иосифовну и от немоги едва ее не повалил. Сидевшая рядом со мной пожилая женщина в староверческом платочке перекрестилась, сказала: «Какой ужас! Зачем же так изгаляться над изношенным человеком. Дайте ему, ради Христа, сколько-нибудь голосов на выборах».

Кстати, там где Ельцин плясал, он проиграл даже официально — кроме регионов с вечно предсказуемыми результатами. Околочубайсовские социологи, естественно фиксировали отменные результаты работы штаба. При этом в штабе трудился руководитель фонда «Общественное мнение» Александр Ослон — уж он-то знал, какая цифра нужна Анатолию Борисовичу. Я представляю, как шефствовал Чубайс с бумагами социологов к Ельцину: «Борис Николаевич, ваш рейтинг растет не по дням — по часам. Но нужны еще деньжата, чтобы сильнее горел огонь народной любви». И Ельцин в очередной раз брел к сундукам¹.

В советское время трудно было даже предположить об использовании иностранных источников финансирования. Тогда как не стало тайной, что Левада-центр «получает зарубежное финансирование и ведет политическую деятельность». В силу чего было направлено и 20 мая 2013 года на сайте «Левада-центра» опубликовано предписание Савеловской межрайонной прокуратуры от 15 мая 2013 года, в котором центру указывалось на необходимость зарегистрироваться в качестве «иностранного агента». Против чего обеспокоенно выступили руководители ФОМ, ВЦИОМ, «Башкирова и партнеры», «ТНС Гэллап Медиа», «НИККОЛО М», «МАСМИ» и т. д.².

Подобное предписание прокуратуры также было сделано дочернему фонду ВЦИОМа — Фонду содействия изучению общественного мнения (ФСИОМ). Руководитель ВЦИОМа Валерий Федоров в комментарии «МН» отметил, что не связывал бы эти действия прокуратуры с публикацией неприятных для власти итогов соцопросов. Признав финансирование такого рода, он заявил, что отказ ФСИОМ от иностранных денег «не повлияет критическим образом на функционирование фонда».

¹ Полторанин Михаил. Власть в тротиловом эквиваленте. М., Алгоритм. 2011 с. 387–388.

² Фонд «Общественное мнение» и ВЦИОМ защищают руководители 16 социологических компаний. newsland.com/news/detail/id/1183287/

Как на местах? 16 мая 2013 года саратовский Центр социальной политики и гендерных исследований, которым руководит Павел Романов, также получил представление от прокуратуры Октябрьского района г. Саратова с требованием признать организацию в качестве иностранного агента. И т. д.

Но вот что еще любопытнее.

Лев ГУДКОВ — с 2006 года директор Аналитического центра Юрия Левады (Левада-Центра) и главный редактор журнала «Вестник общественного мнения»: «Социология сегодня на пороге кризиса доверия. «Не верьте социологам!» уговаривают вас не только политики-аутсайдеры, но и гламурные персонажи. Телевизионный повар спокойно заявляет: «Хуже [кулинарии как науки] только социология, которая даже не ложь и не наглая ложь, а что-то гораздо бесцеремоннее»¹. Что это за кулинары и политики-аутсайдеры? Новизна ситуации в том, что на этот раз досталось и «Левада-центру», который тоже был заподозрен в «работе на Кремль».

Бывший помощник президента России Бориса Ельцина, член партии РПР-ПАРНАС, сопредседатель Всероссийского гражданского конгресса, кандидат технических наук, постоянный эксперт и один из авторов «Новой газеты» Георгий Сатаров дважды обрушился на левадовцев: «Наука — это, прежде всего, люди, гордые своей профессией, отстаивающие ее честь. Нет таких людей в России. Если бы были, то коллеги из Левада-центра или, скажем, ФОМ не поддались бы давлению». Один текст был опубликован в «ЕЖ», другой — прислан в «Новую газету».

Президент Фонда прикладных политических исследований «ИНДЕМ» Георгий САТАРОВ: «Любому профессионалу ясно, что электоральная социология используется у нас властью как непотребная девка, прикрывающая срам их фальсификаций. Но молчат. Молчат основатели ВЦИОМа, еще того, нераздербаненного Кремлем; молчат основатели советской социологии. Молчит Юрий Александрович Левада — он умер. И это единственный российский социолог, молчание которого оправдано. Я не хочу молчать. И я не хочу опускать руки. А социологи могут молчать и дальше. Собственно, поздно поднимать голос. Грехопадение электоральной социологии уже произошло»².

¹ Политика — Новая Газета novayagazeta.ru/politics/696?р=238 Социология: кризис доверия 5526... Polemika социолога Льва Гудкова и председателя фонда «ИНДЕМ» Георгия Сатарова о настоящем и будущем электоральной социологии.

² Социология: кризис доверия — Политика — Новая Газета; Также: novayagazeta.ru/politics/51942.html Доклад Георгия Сатарова на VII Ходорковских чтениях. 22.03.2011; <http://www.memo.ru/d/2577.html>. В качестве экспертов выступали Сергей Алексахенко, Евгений Гонтмахер, Лев Гудков, Дмитрий Орешкин, Кирилл Рогов...

О грехопадении

«Индем» — это сокращение от «ИНформация для ДЕМОкратии». С конца 70-х годов Георгий Сатаров, который сейчас борется с коррупцией, и Сергей Станкевич, который до недавнего времени опасался возвращаться в Россию из-за обвинений в ней, в МГПИ вместе изучали расстановку сил в американском конгрессе с использованием математических методов и компьютерных технологий. Сатаров — как математик, «специалист по использованию математики в таких вот протivoестественных сферах». Когда Станкевич стал депутатом, появилась идея использовать эти технологии для изучения советской политики в рамках независимого исследовательского центра. Изучали в основном, кто из депутатов как голосовал за различные законы и постановления. И эти данные публиковали в прессе, чтобы избиратели видели по итогам голосования, кто есть кто. «ИНДЕМ» появился в 1990 году. Пока полгода регистрировали, работали у Егора Яковлева в редакции газеты «Московские новости» как исследовательский отдел. В «МН» публиковали и первые результаты. На его «публичную активность в СМИ обратили внимание в Кремле и сначала пригласили в аналитическую группу при президенте Горбачеве, а затем в Президентский совет Ельцина.

Пребывая там вместе с его «интеллектуальной» частью в составе: Юрий Батулин, Андраник Мигранян, Эмиль Паин, Фёдор Карякин, Сергей Караганов, Борис Грушин, Отто Лацис, — в том кровавом 1993 году, когда Б. Ельцин отдал приказ на расстрел танками здания Верховного Совета РФ.

Президентский совет состоял примерно из 32–35 человек, помимо «интеллектуалов», в него входили такие известные политики, как А. Собчак, Г. Попов, позже Ю. Лужков, а также некоторые популярные в демократической среде деятели культуры: например, Марк Захаров, Марат Гельман, Мариетта Чудакова.

Именно в этот период произошло ключевое событие, определившее поведение Б. Ельцина. 18 февраля 1993-го года им было подписано «Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Соединенных Штатов Америки об использовании высокообогащенного урана, извлеченного из ядерного оружия».

По нему наша страна за мизерные деньги (при стоимости всей массы зарядов в 8 триллионов долларов ее уступили за 11,9 миллиарда) обязалась передать американцам 500 тонн боевого урана с обогащением в 90 и более процентов!!

20 марта Б. Ельцин неожиданно выступил с телеобращением к российским гражданам и назвал свои разногласия со съездом «конфликтом между народом и античеловечной большевистской системой». Под народом он подразумевал себя, только что лишивший этот народ ядерной защиты. А под «античеловеческой большевистской системой» — молодую демократию, которая его, ЦКовского расстригу, вознесла сначала в члены Верховного Совета, потом и председателя Верховного Совета, расстрелявшего из танков голосовавших ранее за него народных избранников. И, наконец, президентом России. Б. Ельцин сообщил, что подписал указ об особом порядке управления страной и до референдума распускает съезд и Верховный Совет, а правительство берет под управление Кремля.

Выступление Ельцина транслировала и американская телекомпания CNN, она же вскоре передала заявление администрации США о ее полной солидарности с действиями президента России: «Мы поддерживаем демократию и реформы, и Ельцин — лидер движения реформ». Мгновенная реакция — такая без предварительной информации не бывает.

О другом указе Бориса Николаевича — № 1400, объявлявшем смертный приговор съезду народных депутатов РФ и Верховному Совету, лидеры Запада узнали задолго до ельцинского выступления по телевидению перед своим народом 21 сентября 93-го¹.

По признанию тогдашнего госсекретаря США Уоррена Кристофера, документ был заблаговременно доставлен послу Америки в Москве Томасу Пикерингу и послам Великобритании, Франции, Германии, Италии, Японии и Канады. Так сказать, на согласование верхним инстанциям².

Уже через 40 минут после телевыступления президента РФ Клинтон заявил журналистам: «Президент Ельцин сделал свой выбор, и я его поддерживаю полностью»³. Вслед за Хозяином планеты поклоны Борису Николаевичу отвесили другие зарубежные лидеры. Впрочем, администрация США поддерживала Бориса Николаевича не только на словах. Осязаемые результаты давала работа «неизвестных людей» из американского посольства.

В 1998-м году Спецкомиссия Госдумы РФ подбирала материалы для отрешения президента от власти — за геноцид русского народа, развал армии, войну в Чечне — и опрашивала многих свиде-

¹ Наследие царя Бориса. x-libri.ru:8005/elib/poltr000/00000280.htm

² Полторанин М.Н. «Власть в тротиловом эквиваленте. fedy-diary.ru/html/122010/13122010-03b.html

³ Михаил Полторанин — Власть в тротиловом эквиваленте... profilib.com/...vlast...trotilovom-ekvivalente...tsarya...

телей. Был среди них зам. командующего Воздушно-десантными войсками генерал Виктор Сорокин, который выдвигал утром 4 октября 93-го полк по приказу к осажденному Белому Дому. «Во время выдвижения, — сообщил Сорокин, — в полку погибло 5 человек и 18 были ранены. Расстреливали сзади. Я сам лично это наблюдал. Стрельба велась со здания американского посольства, с крыши. По посольству стрелять я категорически запретил»¹.

Без ведома посла никто не мог попасть на суверенную территорию США в Москве, тем более с оружием. Это чужая страна. И эта страна вела прицельный огонь в спину независимости России. Разве янки решились бы на такую акцию без договоренности с хозяином Кремля? Замысел стрелков понятен: убей несколько солдат на виду у других, и десантники озвереют, бросятся очертя голову на штурм Белого Дома².

Руслан Хасбулатов: «Еще в первых числах сентября 1993 известный международник Иона Андронов не побоялся предать гласности факты об операции по устранению вице-президента России — Руцкого³. А член Верховного Совета Андронов с парламентской трибуны привел известные ему факты по дискредитации Руцкого через «подкрышные» организации «Моссада»⁴.

Информация для размышления. У Ельцина был прием расставаться со своими даже самыми близкими сотрудниками как бы за глаза, и многие из них узнавали о своей отставке от посторонних людей, а то и просто из газет, но почти никогда от самого Президента. Исключением был только Г. Сатаров, с которым у Б. Н. были особые отношения. Г. Сатаров организовал «фабрику мысли» ИНДЕМ. М. Краснов ушёл к нему вице-президентом. Э. Паин уехал в США на научную работу. Ю. Батулин стал космонавтом⁵.

Приемы «подкладывание топора под компас», сбивающие ориентиры граждан в ходе выборов, распространили негативное отно-

¹ Полторанин Михаил Никифорович. x-libri.ru/eilib/poitr000/00000280.htm.

² Как Ельцин оставил страну без ядерной защиты. <http://www.rkrp-rpk.ru/content/view/5026/izyumov.ru>.

³ С 1991 по 1993 год Алексей Иванович Подберезкин (доктор исторических наук, тема диссертации: «Значение системы боевого управления в военной доктрине США») был советником, руководителем группы консультантов вице-президента России Александра Руцкого. С 1992 года издавал ежемесячный аналитический журнал «Обозреватель-Observer», возглавлял научно-издательский совет. Я, как член редколлегии этого журнала в это время регулярно приглашался в Кремль на совещания к А. Руцкому.

⁴ Доказано участие 6-й бригады НАТО и 4-й бригады изр. спецназа. 6-я бригада НАТО под командованием полковника Джейка Кенти расстреливала в октябре людей с той и другой стороны Белого Дома, чтобы «придать конфликту наиболее кровавое развитие», 4-я же бригада спецназа Израиля «Иерихон» и военнизированная организация «Бейтар» отличались особым зверством при расправе с невооруженным народом». См. «Независимая газета» и книга по результатам расследования событий октября 1993 года, заместителя генерала В. А. Ачалова. И. Иванов: «Анафема: хроника государственного переворота». Жанр: Биографии и Мемуары. ISBN: 5-86020-319-5. RoyalLib.com/book/ivanov_ivan/anafema_hronika.

⁵ см. Восемь лет «за зубцами» parkbelinskogo.ru

шение общества не только к социологии выборов (электоральной социологии) — отрасли социологии, изучающей комплекс проблем, связанных с поведением населения в избирательных кампаниях, в том числе исследованиях электоральных (от лат. *eligo* — выбирать), но и к социологии в целом. Хуже того, стали элементом в так называемой «гибридной войне», включающей в себя многочисленные «вбросы» и провокации при нелегитимных захватах власти. Под гибридной войной, как известно, понимается система военно-тактических и информационно-организационных технологий, выстроенных в единую матрицу, с целью сначала ментального, а затем и физического уничтожения врага. Принципиальным отличием гибридной войны является то, что в ней в рамках единого процесса органически сочетаются элементы и холодной, и горячей войн.

Комиссии независимой социологической экспертизы быть!

А влияют ли «прогнозы» итогов голосования от имени социологии на итоги голосования? Подумаешь: хочешь верь — хочешь не верь!

Многие не подозревают, что прогнозы вообще, и тем более выборов власти, вещь далеко не безобидная. Публикации в прессе о предстоящей оглушительной победе на выборах в немалой степени определяют формирование избирательных блоков. Финансовые счета избирательных блоков и партий пополнялись спонсорами лишь в тех случаях, если они имели шанс получить поддержку достаточно большого числа избирателей, пройти ценз 5%-го барьера и войти в Думу РФ. И это происходит именно сейчас!! Являясь предметом обсуждения прессы практически ежедневно, такие выступления формируют установки, заражают психологически, действуют на значительную массу людей с не критичным конформистским сознанием, в момент голосования нередко «прыгающих в общий вагон».

Общественное мнение чрезвычайно подвижно, на что и рассчитывают ловкачи, кормящиеся на ниве социологии. Но при всей сложности задачи выяснить, кто есть кто, кто работает профессионально и честно, а кто нет, — можно.

В интересах всего общества и профессионального уровня общественной науки необходимо признать и усвоить всем: при публикации материалов исследований (явно не противореча требованиям рыночной экономики), как и при продаже товара, нужен сертификат качества, гарантии от заведомой недобросовестности и халтуры.

Этот организующий механизм признает и нынешний руководитель Левада-центра Лев Гудков: «Как и любая пристрастность, политические интересы способны влиять на ход рассуждения и приводить к определенным искажениям выводов и заключений. В западных странах, где очень высок авторитет профессиональной группы (выделено мной — Е. А), публичная рефлексия чаще принимает во внимание аргументы и суждения исследователей. У нас, где таких групп нет, публика, как правило, стремится отвергнуть выводы специалистов, дисквалифицировав их по каким-то основаниям. В России авторитет социологов, очевидно, достаточно низкий, поскольку независимой от власти социологии почти нет, если не считать Левада-центра и немногих подобных ему исследовательских коллективов. И именно поэтому к нам, прежде всего, и предъявляются претензии»¹.

Итак, общественность вполне созрела, чтобы контролировать, особенно в период проведения референдумов и выборов, адекватность и профессиональность выступлений социологов в прессе от имени народа. В условиях формирующегося рынка конкуренция в сфере опросов общественного мнения хотя и стимулирует повышение их качества, но отнюдь не автоматически. Как всякий продукт в условиях рынка, для защиты общества от откровенной недобросовестности и халтуры работы такого рода предполагают наличие сертификата качества.

С этой целью, выступая против ненужных запретительных санкций, следует использовать механизмы другого рода — гласность результатов, открытость для проверки и экспертизы, создание информационных баз, доступных для депутатов, исследователей и граждан. Что и было в определенной мере проведено мной при поддержке Отделения философии, социологии, психологии и права РАН в избирательный закон через конкретных депутатов². Было время, когда норму о создании Единого информационного банка удалось провести в закон РФ. Практика показала, что при публичном сравнении многих замеров (отдельно прогнозов) общественного мнения в едином Информационном банке возникает возможность добиться объективной картины не только в конце выборов, но, что много важнее, — и по ходу избирательного процесса. При публичном сравнении многих замеров данных общественного мнения по сопоставимой методике в едином Информационном банке возникла возможность добиться объек-

¹ Социология: кризис доверия — Политика — Новая Газета;

² Отношение в Думу РФ за подписью Академика-секретаря Б.Н. Топорнина. Исх. 14200-1111/36 от 25.4. 1997 г.

тивной картины не только в конце выборов, но — что много важнее — и по ходу избирательного процесса. Когда удалось добиться альтернативности рейтингов на телеэкране, уменьшилась возможность манипулирования ими. Большую опасность обществу несло лишь несоблюдение найденных и проверенных на практике правил в сфере, касающейся прогнозов общественного мнения. Практика подтвердила, что прогнозы при организации и соблюдении правил у профессионалов стали достаточно точными, создавалась обстановка, при которой хитрецы стали рисковать не только своим добрым именем, но и отказом на получение в последующем заказов на коммерческие маркетинговые исследования. Реальное голосование показало: подавляющее большинство социологических центров тогда точно назвали именно те партии и избирательные объединения, которые имели реальный шанс пройти в Думу и даже их очередность¹. Были названы и группы риска. Обнаружились и те хитрецы, кто в разных газетах давал различные прогнозы, а после подведения итогов голосования ссылался на более близкие результаты. Именно благодаря социологам значительной части избирателей удавалось правильно сориентироваться, за кого имеет смысл голосовать, а поддержка каких избирательных объединений бессмысленна. Из-за непонимания этого, невнимания к предупреждению социологов «мимо урны» упали миллионы бюллетеней за избирательные объединения, не прошедшие тогда 5%-ный барьер.

Чиновники исполнительных органов и избиркомов, угадавших в точных социологических рейтингах опасность профессионального и общественного контроля их деятельности при подсчете голосов избирателей (!) увидели подрыв своего права монополично говорить «от имени народа». Мораторий на публикацию данных общественного мнения в России тогда увеличился до 6 дней, а на Украине до 14. В итоге в ходе выборов случилось то, что и должно было случиться: селекционером, цензором, интерпретатором имеющихся данных общественного мнения в значительной мере стали чиновники и деньги банков и хозяев СМИ.

Чтобы выборы в России стали профессиональнее и честнее, необходимо в обязательном порядке иметь Комиссию независимой социологической экспертизы. Лучше всего, пожалуй, при Федеральном собрании. Именно там она могла бы обеспечить общественность важной ориентирующей информацией. На Комиссии должна лежать обязанность, как пишется в аналогичном француз-

¹ См. Андрищенко Е. Социологические прогнозы результатов выборов. Электоральная статистика. Выборы Президента Российской Федерации. М., 1996. С. 282–292.

ском законе, «удостоверяться в том, что лица или органы, проводящие опросы, результаты которых предназначены для публикации и распространения, не проводят координированных действий, не вступают в соглашение, молчаливо либо умышленно не объединяются в какой-либо сговор, имеющий целью или могущий иметь своим следствием помешать или ограничить такую же деятельность других лиц или органов». «Честь» удаления этой правовой нормы из проекта закона принадлежит лично депутату от «Яблока» В. Шейнису.

Комиссию предлагалось сформировать в равном и нечетном числе на конкурсной основе из ученых и практиков изучения общественного мнения с момента назначения выборов, но не позднее, чем за 90 дней до дня голосования. В ее состав в Российской Федерации должны были бы войти представители Института социально-политических исследований РАН, Института социологии РАН, социологического факультета МГУ им. Ломоносова, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Гильдии исследователей общественного мнения. Разумеется, с открытыми базами данных исследований и соответствующими критериями отбора в Комиссию. Отказывая в членстве, отражающим интересы «оффшорной аристократии» и геополитических противников России. Убежденным недоброжелателям нашей страны, подобным главе Московской Хельсинкской группы Людмиле Алексеевой. Имеющей обязательства перед Великобританией (откуда получала гранты) и перед США (как гражданки этой страны). При этом, очень опасавшейся стать «муляжом гражданского общества» в Общественной палате.

Если не побеспокоится об этом, то на выборах россияне имеют шанс «наступить на те же грабли». Предпочтительнее вместо скверной альтернативы — укрепление во власти господствующих кланов или не легитимный захват власти кланами не менее опасными — выбрать контроль профессионалов и общественности итогов голосования граждан. Усовершенствовать избирательный закон, избавить его, прежде всего, от диктата денег. Ни один кандидат, ни одна партия, без требования в Программе установления принципа дифференцированного налогообложения и ЦБ РФ, подчиненного правительству, не ДОЛЖНЫ ПРОЙТИ в Государственную Думу! Центробанк РФ должен быть Государственным, а не частным, как сейчас!

Мельников И.А.

РЕФОРМИРОВАНИЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ — ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ

LOCAL GOVERNMENT REFORM – DEMOCRATIC TRANSFORMATION
OF RUSSIA

Мельников И. А. — аспирант кафедры политологии, управления и регионоведения Воронежского института экономики и социального управления (г. Воронеж), viesm@vmail.ru

Melnikov I. A. — Postgraduate of the Municipal autonomous educational institution of higher education “Voronezh Institute of economic and social management”

Аннотация: В статье рассматривается роль и место местного самоуправления как одного из институтов, влияющих на процесс демократических преобразований России через развитие принципа самоорганизации населения на муниципальном уровне, активизацию его участия в решении вопросов местного значения самостоятельно и под свою ответственность.

Abstract: The article discusses the role and place of local government as one of the institutions that influence the process of democratic transformation of Russia through the development of the principle of self-organization of the population at the municipal level. The degree of its involvement in resolving issues of local significance independently and under their own responsibility is also observed.

Ключевые слова: вопросы местного значения, демократия, местное сообщество, муниципальная власть, народовластие, реформа местного самоуправления

Key words: local issues, democracy, local community, municipal authorities, democracy, local government reform

Последние десятилетия XX века и начало XXI столетия стали для России периодом трансформации политической системы, вектор которой был задан масштабным проектом демократизации общества. И в этих условиях возрастает интерес к факторам устойчивости демократических традиций, где учреждение местного самоуправления представляется необходимым условием реформирования общества на демократических принципах, поскольку это позволяет актуализировать человеческий фактор политических преобразований и граждане, включаясь в реальный процесс принятия общественно значимых решений, формируются как полити-

ческие акторы. Происходит становление демократической культуры населения, необходимой для успеха демократических реформ, поскольку «чем меньше демократическая единица, тем выше потенциал участия граждан в управлении».¹

Правомерно считать, что именно создание института местного самоуправления позволит политически и экономически активной части населения включиться в проведение этих реформ на местах. При этом муниципальные органы власти воспринимаются в качестве гаранта основных демократических ценностей, т. к. они, во-первых, наиболее доступны для населения; во-вторых, наиболее приспособлены учитывать местные потребности и использовать имеющиеся ресурсы в их удовлетворении; в-третьих, укрепляют властно-управленческие отношения на местах, поэтому именно на этом уровне политика может освободиться от негативного имиджа, связанного с достижением клановых, групповых интересов и приобрести свой подлинный и изначальный смысл, который заключается в регулировании отношений между людьми и социальными группами, а также в создании наиболее оптимальных условий жизни для человека. Таким образом, местное самоуправление в проектах демократического переустройства общества выступает своеобразным имплантом, инициирующим перестройку всего общественного организма как бы «изнутри» и обуславливающим «врастание» России в демократический политический режим.

Поэтому развивая смысловое значение местного самоуправления, данное ему в ст. 12 Конституции РФ (1993 г.), можно определить его не только как один из уровней общественно-властного управления, влияющего на ход демократических реформ в стране, приобретающего важное политическое звучание как уровня публичной (выборной) власти, но и как основного элемента гражданского общества, позволяющего конструктивно согласовывать его интересы с интересами государства. Не случайно, отвечая на вопрос о необходимости современного реформирования системы местного самоуправления и принятия новой редакции Федерального Закона № 131 (2003 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», Президент РФ В.В. Путин отмечал, что «вопрос о будущем местного самоуправления — один из принципиальных вопросов развития российской государственности. Без сильных муниципалитетов не может быть сильного государства в России»².

¹ Даль Р. О демократии. — М.: Аспект — Пресс, 2000. — С. 103.

² Пресс-конференция В. Путина для российских и зарубежных журналистов. Москва. 20.06.2003. / Официальный сайт Президента РФ. Доступ: <http://www.kremlin.ru/transcripts/21097> (проверено: 12.04.2014).

Однако, несмотря на более чем десятилетний опыт реформирования местного самоуправления, проблемы его развития как института демократии и гражданского общества продолжают оставаться актуальными, решаются крайне медленно. Свидетельством этому является их обсуждение и участниками Всероссийского съезда муниципальных образований в 2013 г. и Совета при Президенте РФ по развитию местного самоуправления в 2014 г., где снова ставилась задача максимально приблизить этот уровень власти к людям, проживающим на конкретных территориях, отмечалось, что именно участие граждан в принятии решений может наполнить местное самоуправление подлинным смыслом¹. При это совершенно очевидно, что магистральный путь эффективной организации повседневной жизнедеятельности в интересах населения конкретных территорий — это переход от представительной демократии к прямой демократии, которая способствует востребованности умных и авторитетных людей для поддержания максимально высокого уровня и максимально привлекательного образа жизни на местах.² Но, по данным социологического опроса, проведенного Фондом общественного мнения, жители муниципальных образований страны (почти 80%) отметили, что не знают своих депутатов законодательных собраний как федерального и регионального уровня, так и местного. И здесь нельзя не согласиться с теми учеными, которые считают, что голосование по партийным спискам на муниципальных выборах не способствует сближению депутатов с народом, оно скорее решает партийные проблемы, порождает у значительной части граждан убежденность в невозможности влияния на избирательный процесс, формирует пассивное отношение к нему.³

Складывающаяся ситуация демократических преобразований в сфере местного самоуправления, на наш взгляд, сегодня связана и с преобладающим влиянием на местах исполнительно-распорядительного аппарата, который в большинстве случаев рассматривается населением как низовое звено государственной власти, обособленное от населения и действующее в своих корыстных интересах, далеких от интересов жителей. Муниципальная власть должна быть максимально адаптирована к местным условиям, специфическим потребностям и интересам населения, а ее функ-

¹ Стенограмма заседания Совета при Президенте РФ по развитию местного самоуправления / Официальный сайт Президента РФ. Доступ: <http://www.kremlin.ru/transcripts/21097> (проверено 08.12.2015).

² См.: Возьмитель А. А., Куконков П. И. Социальные факторы становления системы местного самоуправления в России // Власть. — 2014. — № 9. — С. 89.

³ См.: Антипов К. Политизация местного самоуправления в современной России // Власть. — 2012. — № 1. — С. 53–54.

ционирование адекватно отражать и реализовывать их. Представляется, что связка «формы непосредственной демократии народа — органы местного самоуправления» сегодня явно недостаточна для формирования подлинного местного самоуправления. Хотя в соответствии с Конституцией РФ, органы местного самоуправления — это самостоятельная форма народовластия, простое организационное их отделение от государственных структур власти не придаст им этого качества, если муниципальная власть не будет представлять из себя некий «сплав» из публичных и общественных институтов населения, например, в виде территориального общественного самоуправления, которое аккумулировало бы интересы и потребности населения, доводило их до органов местного самоуправления, одновременно решая на местах посильные для них вопросы местного значения.

Территориальное общественное самоуправление — это, прежде всего, самодеятельность граждан, состояние самоорганизации и готовности к самоуправлению не просто жителей, а людей, осознавших свои общие интересы, представляющих собой субъекты местного самоуправления. Конечно, понимая, что люди обычно имеют разные интересы, ответить на вопрос, каким образом эта разновидность может быть интегрирована в субъект местного самоуправления, имя которому «местное сообщество», не так-то просто. Ведь люди могут жить общими интересами, связанными с подъездом, домом, улицей, но очевидно, что существует масса интересов, выходящих далеко за их пределы и объединяющих людей не по признаку общегития, а как-то иначе. При этом, как отмечает А. Е. Балабанов, по характеру своих интересов такие сообщества не имеют территориальной окраски, но поскольку они живут и действуют на конкретной территории, то у них неизбежно проявляя интересы, связанные именно с местом проживания.¹ И здесь проявляется целый спектр сюжетов, связанных с механизмами общественного участия в местном самоуправлении, в котором местные сообщества представляют безусловный ресурс с точки зрения организации жизни и развития места проживания. Самой своей активностью они во многом могут выступать как референтные группы при решении многих вопросов, связанных с жизнью муниципального образования, а также связи с идеями, проектами, программами его развития. По нашему мнению, тема участия местных сообществ в местном самоуправлении имеет потенциал

¹ См.: Балабанов А. Е. Местное сообщество в местном самоуправлении. Сер. Библиотека местного самоуправления. — М.: Московский общественный научный фонд, 2009. — С. 9–10

своего развития, по меньшей мере, в трех разных, но взаимосвязанных направлениях.

1. Местное сообщество как субъект местного самоуправления дает возможность рассматривать население как единое сообщество, единый коллектив, живущий на данной территории, имеющий собственный территориальный интерес и сознающий его. Механизмы волеизъявления, согласования интересов, поиск наиболее эффективных форм организации их совместной деятельности с органами муниципального управления — это и есть устройство системы местного самоуправления.

2. Местные сообщества как единицы и социально-политические организации требуют внимательного анализа их формирования, развития и устройства, что очень важно для реального понимания механизмов, адекватных природе, формированию и развитию самих местных сообществ.

3. Формы участия местных сообществ в местном самоуправлении позволяют включить их интересы и потенциал в процессы принятия управленческих решений, вовлекать в управление воспроизводством и развитием жизнедеятельности территории.

Однако, как показывает анализ практики, муниципальному управлению пока еще не достает соответствующих форм обеспечения такого подхода. Отсутствует ясное понимание природы местных сообществ, их основных типов, динамических характеристик, владение набором инструментов, позволяющих вовлекать их в процессы муниципального управления, в разработку и реализацию стратегий, политик, программ и проектов муниципального развития. В свою очередь, сами общественные организации, действующие на территории одного муниципального образования, не кооперируются друг с другом, а наоборот, зачастую конкурируют. Причем предметом конкуренции, как правило, является муниципальный бюджет и именно с этих позиций выстраивается диалог между ними и органами местного самоуправления. Как правило, узость взаимодействия, понимания необходимости его развития приводит к торможению, препятствует реализации основного конституционного принципа местного самоуправления как власти народа, самостоятельного и под свою ответственность принимающего решения по обеспечению развития конкретного муниципального образования.

Все это со всей очевидностью ставит на повестку дня вопрос подготовки как муниципальных служащих, так и представителей местного сообщества к организации совместной деятельности в решении вопросов местного значения, искоренения сложив-

шихся стереотипов и отношений между муниципальной властью и местными сообществами, когда первые привыкли видеть в ответственности, в основном, просителей и даже помеху в управлении муниципальным образованием, а вторые часто видят в муниципальных управленцах, главным образом, корыстную бюрократию.

Исследование хода реформы местного самоуправления на территории Воронежской области показало неоднозначность и противоречивость отношений населения к местной власти и муниципальных служащих к вопросу об участии населения в муниципальном управлении. Так, умение работать с людьми, строить отношения с общественностью, согласовывать интересы различных социальных групп населения отметили только 18,5% респондентов из числа жителей муниципальных образований, при этом 62,8% отнесли это к характеристике профессиональных качеств, в наибольшей степени определяющей успешность муниципального управления. Практически столько же указали на налаживание работы с населением как первоочередную задачу, которую должны решать органы местного самоуправления.¹

Одновременно с этим муниципальные служащие отметили среди препятствий на пути развития местного самоуправления непонимание его сущности населением, отсутствие у него инициативы и пассивность (36%). При этом они указали, что органы местного самоуправления активно ведут работу с населением. В свою очередь, население оценивает как активную и положительную в общении с ними работу органов местного самоуправления только на 20%, а понимание приоритета своей роли в развитии местного самоуправления на территории своего муниципального образования только на 8,5%.

Все это требует отработки не только системы взаимодействия муниципальной власти с местным сообществом, но и обеспечения владения основными формами и методами этой работы как со стороны органов местного самоуправления, так и со стороны представителей различных социальных групп местного сообщества. К сожалению, как показал анализ тематики программ дополнительного образования, вопросам обучения по данному направлению в системе повышения квалификации муниципальных служащих уделяется очень мало внимания. Картина еще более неутешительная, когда речь идет о муниципальных сообществах, т. к. обучение практически не проводится ни в одном муниципальном образо-

¹ Исследование проводилось в 2014–2015 гг. среди муниципальных служащих Воронежской области, обучающихся на курсах повышения квалификации (N=564) и среди населения (N=320) по изучению состояния работы органов местного самоуправления с населением (рук. проф. Р.И. Мельникова).

вании. Это свидетельствует о том, что системная работа в этом направлении пока не получила своего развития. Хотя, справедливости ради, следует отметить, что за годы реформирования местного самоуправления практически во всех органах местного самоуправления Воронежской области актуализированы функции осуществления взаимодействия с населением, его различными социальными группами. Чаще всего это обеспечивается через комитеты по делам семьи и молодежи, образования, культуры, социальной защиты, а также создание подразделений по связям с общественностью. Но здесь также очень условно и схематично прослеживается система их взаимодействий, что требует внедрения координирующего начала, развития такой формы как социальное партнерство муниципальной власти и местного сообщества. Это, в свою очередь, требует наличия специально подготовленных кадров, умеющих разрабатывать и применять различные методы работы, которые должны исходить из природы и специфики отечественного общественного самоуправления, российского менталитета, традиционных мотиваций.

Вовлечение населения в систему местного самоуправления законодательно определено такими формами как референдумы, сходы, собрания граждан и другими формами их волеизъявления. Анализ практической деятельности показал, что их реализация обеспечивается не более чем на 30%, а что касается референдумов, то они проводятся в единичных случаях. Поэтому эти демократические формы требуют не только своего более активного развития, но и оптимизации на основе формирования групп, сообществ в качестве стратегических и тактических союзников, партнеров, участников в реализации краткосрочных и долгосрочных планов и программ развития муниципальных образований.

Способы поиска оптимальных социально-политических технологий и их результативности зависят от объективно сложившихся в муниципальном образовании процессов взаимодействия властных структур с населением на основе становления местного самоуправления, гражданского общества и социально ориентированного государства. Именно с этим связано создание и развитие демократических основ общества. Народ, как источник власти, главным образом имеет возможность проявлять ее на местном уровне через самореализацию территориального публичного коллектива как базового элемента общества в целом. Именно в этом заключается идея и смысл современного местного самоуправления как демократически развивающейся единицы, входящей в систему государственно-политического устройства современной России.

Список литературы

1. Антипов К. Политизация местного самоуправления в современной России // Власть. — 2012. — № 1. — С. 51–54.
2. Балабанов А. Е. Местное сообщество в местном самоуправлении. Сер. Библиотека местного самоуправления. — М.: Московский общественный научный фонд, 2009. — 182 с.
3. Возьмитель А. А., Куконков П. И. Социальные факторы становления системы местного самоуправления в России // Власть. — № 9. — С. 88–90.
4. Даль Р. О. демократии. — М.: Аспектпресс, 2000. — 208 с.
5. Деятельность ОКМО и советов муниципальных образований. Летопись МСУ-2013: факты и комментарии. — М.: Национальное агентство муниципальных образований, 2014. — 258 с.

Абрамов А. П.

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Александр Петрович Абрамов, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры философии и социологии ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», e-mail: abramov_ap@inbox.ru
Aleksandr Petrovich Abramov, reader of the department philosophy and sociology Southwest State University, e-mail: abramov_ap@inbox.ru

Аннотация: В статье раскрывается сущность социокультурного подхода как универсального инструмента, позволяющего рассматривать процесс модернизации среднего специализированного военного образования в комплексе определяющих его условий и факторов. Базовыми механизмами функционирования социокультурной системы военного образования служат процессы, образующие симметричную взаимобратимую пару «инновация — традиция»: изменение обеспечивается инновационными процессами, а воспроизводство — процессами поддержания традиций.

Abstract: The article reveals the essence of the socio-cultural approach as a universal tool to consider the process of modernization of the medium specialized military education in a complex determine its conditions and factors. The basic mechanisms of functioning of the socio-cultural system of military education are processes that form a symmetrical pair of mutually reciprocal «innovation — tradition»: the change is provided by innovative processes and reproduction — the process of maintaining traditions.

Ключевые слова: социокультурный подход, модернизация, среднее специализированное военное образование, традиционное и современное.

Keywords: sociocultural approach, modernization, specialized secondary military education, traditional and modern.

Социокультурный подход сложился в социологии на базе системного подхода, рассматривающего общество как единство культуры и социальности. Такое единство образует целое, свойства которого не выводимы из характеристик частей. Социокультурный подход трактуется как определенный уровень конкретизации принципа универсального эволюционизма, который представляет собой соединение идеи эволюции с идеями системного подхода.

Сущность социокультурного подхода раскрыл П. Сорокин в первой половине XX века, выделив триаду «личность, культура, общество», которая определяет структуру социокультурного взаимодействия.

При этом ни один элемент неразделимой триады не может существовать без двух других¹. «Ядром» триады Сорокина является культура, а личность при социокультурном подходе связана с обществом системой отношений и культурой, совокупностью ценностей и норм. Динамика культуры, по его мнению, находит своё выражение в постоянном изменении культур, в их волнообразном движении от одного типа к другому. Эти типы культуры извечны и универсальны, имеют примеры и в прошлом, и в настоящем.

В русле социокультурного подхода общество по Н. Лапину определяется как социокультурная система, возникающая и изменяющаяся в результате действий и взаимодействий людей. При этом автор выделяет два возможных его типа:

— общество с господством традиционалистских ценностей, где приоритетом являются предписанные субъектам социального взаимодействия нормы и правила (традиционные действия);

— общество либеральных ценностей с возможностями целерациональных (инновационных) действий².

Следуя методологии социокультурного анализа, А. Ахиезер выстраивает несколько иную модель общества, которое находится в «конflikте двух типов конструктивной напряженности (локального и общества в целом)» Преодоление этого конфликта, как полагает автор, должно быть достигнуто в культуре, в нарастании рефлексии истории России. Понимая культуру как текст (программу), А. Ахиезер проблему социокультурного подхода сводит к «актуализации» и «социализации» культуры, а вариантом воплощения этих процессов в жизни определяет селекцию культурных текстов и программ, повышающих способность общества к выживанию. То есть из всех текстов культуры должны быть отобраны наиболее эффективные программы развития, которые учитывают конкретно-историческую специфику общества³.

Несмотря на разные интерпретации, и Лапин и Ахиезер относят Россию к традиционалистскому обществу, в котором все время не удавалось осуществить глубокую и необходимую либеральную модернизацию.

¹ Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 218.

² Лапин Н.И. Пути России: социокультурные трансформации. М.: Ин-т философии РАН, 2000. С. 27–28.

³ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. 1. Новосибирск, 1997. С. 125.

Специфика социокультурного подхода состоит в том, что он интегрирует три измерения человеческого бытия (человека в его соотношении с обществом, характер культуры, тип социальности) именно как фундаментальные, каждое из которых не сводится к другим и не выводится из них, но при этом все они взаимосвязаны и влияют друг на друга. Как отмечает Н. Лапин, именно социокультурный подход не противостоит иным подходам, а дополняет их. Он связывает цивилизационный и формационный подходы в единое целое. Если цивилизационный подход охватывает устойчивые компоненты человеческой истории (антропологические, этнические, культурные), а формационный подход концентрирует внимание на более изменчивых (социальных, личностных) структурах, то социокультурный подход выясняет сопряжение устойчивого и изменчивого (личности и общества, культуры и социальности)¹. Кроме того, социокультурный подход достаточно совместим со структурно-функциональными, феноменологическими и антропологическими концепциями, поскольку все они включают культуру, как одну из важнейших элементов социальной структуры общества.

Эту роль подчеркивают и другие современные российские исследователи П. Романов и Е. Ярская-Смирнова отмечая, что методология современных отечественных исследований развиваются в русле социокультурного, феноменологического, этнографического и критического подходов, которые позволяют проанализировать повседневные практики различных профессиональных общностей и групп².

Признание множественности сосуществующих и конкурирующих между собой рациональностей и этических систем позволяет лучше понять мир конкретной профессии изнутри. Поэтому, по мнению Романова и Ярцевой-Смирновой, профессия становится не только основным параметром социальной структуры общества, но и идентифицирует личность, номинирует ее, накладывая социальный ярлык, носителем которого становится профессиональная группа. По сути, эта социальная реальность, которая конструируется в рамках той или иной профессии.

Чтобы отличить культуру профессиональной группы от более широкой ценностной системы, ее нередко называют субкультурой. К ней относят «как знаковые (символы, атрибуты, фольклор),

¹ Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 3–4.

² Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.П. Мир профессий: пересмотр аналитических перспектив // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 25–35.

так и социально-поведенческие (формы общения, нормы, стереотипы поведения) аспекты — то есть социальные отношения и их культурные коды»¹.

Носителями профессиональной культуры являются, прежде всего, социальные группы. Как отмечает И. Модель, именно профессиональная группа является монопольным обладателем качественного состава вида труда и способна создать условия для реализации сущностных сил человека, продуцирует ценности, отличные от ценностей других профессиональных групп. Поэтому актуализируется уяснение особенностей формирования профессиональной культуры воспитанников средних специализированных военно-учебных заведений, которая трактуется как субкультура, включающая в себя образ жизни, набор ценностей и норм, язык, ритуалы, символы, традиции. От воспитанников ожидается такое поведение, стиль жизни и образ мышления, которые предполагают мощную идентификацию со своей социальной группой.

Военная культура регламентирует поведение индивида, ориентирует его на определенный образ мышления. Закрепляется этот образ в ходе воспитательного воздействия. «Воспитание, — как отмечает отечественный философ Л. Сиднев, — это не только передача знаний, ценностей и норм, но и формирование определенного отношения к ним»². «Там где нет норм, нет и культуры...», — подтверждает позицию Сиднева Х. Ортега-и-Гассет³.

Среднее специализированное военное образование закрепляет у выпускников не просто навыки будущей профессии, а закладывает основы метапрофессии, как занятия на всю жизнь. Метапрофессия представляет собой не набор компетенций, а предполагает универсальные комплексные умения, которые сами по себе являются ценными. Универсальность предполагает их использование в разных профессиональных ситуациях. Комплексность выражается в том, что умения нельзя разделить на компоненты без потери целого. Категория «умение» шире, чем «навык». Навыки состоят из простых приемов деятельности, а также приемов контроля и регулирования. Умения — это владение способами применения усваиваемых знаний на практике. Умение, таким образом, включает в себя знания и навыки.

Профессиональные знания и навыки могут устареть, метапрофессиональные — вечны. Метапрофессия под своим «зонтиком»

¹ Щепанская Т.Е. Антропология профессий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. — № 1. С. 141.

² Сиднев Л.Н. Социально-философские проблемы формирования современной концепции воспитания и образования: автореф. дис...д-ра философ. наук. М., 1995. С. 15.

³ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Эстетика. Философия культуры. М.: Прогресс, 1991. С. 311.

объединяет общие принципы деятельности и опыт использования их на практике. Это целостное знание, поэтому в названиях мета-профессий нет указаний на конкретные разделы науки. Служившего в армии можно опознать по мельчайшим деталям выправки, стрижки, командному голосу. Это своего рода дрескод. Если дать отставному офицеру свободу действий, то через некоторое время «штатские» сотрудники обнаружат, что их деятельность построена на принципах военной организации. Профессиональные основы, как отмечают российские исследователи Л. Голубкова и В. Розин, не просто освоены, они «зашиты», интегрированы в личность и в то же время являются проявлением коллективного опыта¹.

Суть рассуждений авторов такова:

Во-первых, военная деятельность, лежащая в ее основе, отличается применяемыми средствами, результатами и последствиями для человека. Самые великие победы омрачаются горем тех, кто потерял на войне своих родных и близких, свой кров и свое имущество. Даже самая справедливая война сопровождается гибелью и страданиями людей, уничтожением материальных и духовных ценностей.

Во-вторых, в содержание военной культуры входят важнейшие государственные символы: государственный герб, государственный гимн, государственный флаг. Специфическими элементами военной культуры являются военные знамена и штандарты, знаки различия, награды, военная форма одежды, оружие.

В-третьих, военная культура не является биологическим явлением и не наследуется генетически, хотя попытки связать войны с инстинктом агрессивности человека продолжают и по сей день.

В-четвертых, по мнению К. Лоренца, военная культура носит ярко выраженный социальный характер, поскольку элементами военной культуры признаются лишь те, которые приняты в обществе, имеют распространение и оказывают влияние на индивида. Общественный характер военной культуры проявляется в том, что она привязана к определенному обществу, общности, социальной группе. Каждое общество создает и свою военную культуру².

Эти особенности характеризуют специфику культуры, формируемую в учреждениях среднего специализированного военного образования, задают воспитанникам ориентиры социализации и обозначают такие качественные характеристики, нуждающиеся в социологических замерах, как объекты идентификации и скла-

¹ Голубкова Л.Г., Розин В.М. Философия управления: монография. Йошкар-Ола. Марийский гос. техн. ун-т, 2010. С. 173.

² Лоренц К. Агрессия (так называемое Зло) // Вопросы философии. 1992. № 3. С. 21.

дывающаяся система ценностей, традиции, морально-этические коды; культура межличностных отношений; отношение к религии.

Исследования в различных областях научного знания свидетельствуют о том, что образовательная среда признается одним из главных факторов профессиональной социализации.

И. Шендрик определяет образовательную среду как систему культурных факторов, которая изобретается человеком, а образовательный процесс трактуется как процесс осмысления значения культурных фактов образовательной среды и превращения ее тем самым в образовательное пространство. Образование есть ни что иное, как процесс и результат освоения и созидания субъектом культурно приемлемых способов разрешения им проблем своего существования в некоторой среде, социуме, обществе, т. е. своего существования, прежде всего как личности¹.

В. Ясвин под образовательной средой понимает систему влияний и условий формирования человека как субъекта деятельности, личности, члена общества в соответствии с некоторым более или менее очерченным идеалом, образцом или хотя бы номинальным нормативом, а также возможностей для ее развития, содержащихся в социальном и пространственно-предметном окружении².

В. Бим-Бад отмечает: «Обучающая и воспитывающая среда — это постоянно расширяющаяся сфера деятельности человека. Она включает в себя все большее богатство его связей с природой и культурными объектами — вещами, созданными человеком для человека, социальной средой»³.

Социальная среда выстраивает социальное жизненное пространство, которое в свою очередь, по мнению В. Писачкина, образуется в единое целое посредством правового, нравственного, экономического пространства и обозначается как образ и ценность личности. Такое жизненное пространство образует особую форму объективной реальности — социальное пространство, обладающее свойствами саморегуляции, самоподдержания и оказывающее на людей различные виды воздействия, стимулирующее их активность, детерминирующее поведение и даже строй мысли⁴.

Современная социальная среда делает запрос на личность, способную вступить во взаимодействие с ней. И не просто всту-

¹ Шендрик И.Г. Самореализация личности в контексте проектирования образования // Педагогика. 2004. № 4. С. 36.

² Ясвин В.А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. М.: Смысл, 2001. С. 8.

³ Бим-Бад Б.М. Обучение и воспитание через непосредственную среду: теория и практика // Труды кафедры педагогики, истории образования и педагогической антропологии университета РАО. 2001. № 3. С. 28.

⁴ Писачкин В.А. Социология жизненного пространства. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1997. С. 40.

пить, но из всех возможностей свободы, что среда предлагает личности, выбрать ту, которая оптимально приближает личность к получению полезного для нее результата. Таким результатом, в конечном счете, становится профессиональная деятельность, основы которой воспроизводит образовательная среда.

Среда, обладая личностно-развивающим и педагогическим потенциалом, актуализирует познавательные потребности индивида, способствует его идентификации с определенной социальной общностью, а также личностной и профессиональной социализации¹.

В качестве представителей подобной социальной среды (по П. Бурдые — класса) может обладать класс индивидов, обладающих одинаковым габитусом, который понимается как система предрасположенностей, общих для всех продуктов одной и той же среды². При том, представители одного класса с большей вероятностью по отношению к представителям другого класса сталкиваются с типичными социальными ситуациями.

Поэтому, рассматривая в качестве такого социального класса воспитанников средних специализированных военно-учебных заведений, можно утверждать, что теория П. Бурдые может быть весьма эффективна при изучении процесса модернизации среднего специализированного военного образования. Тем более что в современной России в условиях кризиса и нестабильности культуры формируется тип личности с преобладанием ориентации на индивидуально-личностные нормы поведения и деятельности, формируя новый, западный габитус, отмеченный, по мнению Ю. Хабермаса, индивидуализмом, рационализмом и активностью³.

Многоаспектность существующих точек зрения позволяет определить, что социальная среда среднего специализированного военного образования, как совокупность элементов системы профессиональной социализации будущих офицеров и отношений между ними может рассматриваться как:

- сложная система, содержащая в себе многообразие содержания и способов профессионального роста,
- открытая система, испытывающая на себе влияние социальных отношений более высокого порядка,
- нелинейная система, т.к. разные субъекты, помещенные в одну и ту же среду, профессиональный выбор осуществляют по-разному.

¹ Петровская М. В. Образовательная среда военного вуза как пространство развития психологической культуры преподавателя // *Фундаментальные исследования*. 2013. № 1. Ч. 3. С. 632.

² Бурдые П. *Начала* / Пер с фр. Н. А. Шматок. М.: Socio-Logos, 1994. С. 76.

³ Хабермас Ю. *Расколотивый запад*. М.: Наука, 2008. С. 44.

Теория самоорганизации (синергетика) в настоящее время приобретает все большее значение для понимания социокультурной эволюции всех элементов социальной структуры общества. Как отмечает Н. Лапин, синергетика помогает описывать и объяснять процессы функционирования и трансформации кризисного социума при анализе выбора траектории его трансформации, а способность социокультурных систем «выбирать» свои орбиты, правила этого выбора требуют тщательных исследований¹.

В данном контексте образовательно-профессиональная среда среднего специализированного военного образования может рассматриваться, как гиперсистема синергетического порядка, имеющая фазовую структуру и представляющая собой взаимодействие двух сложных, открытых, самоорганизующих систем. С одной стороны — индивид и его адаптационный потенциал, с другой — макросреда как комплекс условий его жизнедеятельности.

В соответствии с синергетической концепцией социальная, образовательная и профессиональная среды определяются как среды одного подкласса — открытые, нелинейные, самоорганизующиеся. Профессиональное образование, построенное по этим принципам, наиболее эффективно отвечает потребностям всестороннего раскрытия способностей личности и способам непрерывного образования.

Самоопределяющаяся личность оказывается как бы помещенной в эту среду и вступает с ней в сложные взаимоотношения. Социальная среда становится источником, одним из основных факторов, определяющих направленность и адекватность профессионального самоопределения. Взаимодействие среды и личности осуществляются по определенным правилам, которые выступают в форме требований-регламентаций. Такими особыми правилами характеризуется военная образовательная среда, которая трактуется российскими военными педагогами, как:

— комплекс социально-педагогических обстоятельств, условий, кадрового, материально-технического, учебно-методического обеспечения,

— наличие правил, традиций, ценностных установок, корпоративных норм,

— состояние морально-психологического климата, отношений, оказывающих прямое или опосредованное влияние на разви-

¹ Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 4.

тие личности будущего офицера, на его вхождение в военную корпоративную культуру¹.

При этом сама военная образовательная среда представлена внешними и внутренними институциональными структурами, воздействующими на институциональные подсистемы и задающими им социокультурные практики.

Внешняя среда задает «правила игры», определяя социальные, политические, экономические, психологические и социокультурные условия профессиональной социализации. Кроме того, она обладает рядом социальных свойств:

- воспроизводит и трансформирует социокультурные практики, общие этические и моральные коды для различных профессиональных групп;

- стратифицирует профессию военного в социальной структуре общества, наделяет военных системой преференций в социальной политике;

- выдает оценочные суждения относительно престижа и элитарности на рынке труда профессии военного;

- выстраивает институциональный формальный и неформальный дискурс военно-гражданских отношений;

- определяет роль среднего специализированного военного образования как социального института, в трансформации социальной структуры общества.

Внешняя социальная среда задает общий вектор модернизации среднего специализированного военного образования, который выстраивается по трем основным направлениям: оптимизация количества военно-учебных заведений; повышение качества образования; сплав образования и последних достижений науки и техники.

Поэтому необходимо с одной стороны, чтобы динамика трансформации среднего специализированного военного образования обеспечивала соответствие лучшим мировым стандартам, а с другой — воспроизводила передовой отечественный опыт военной образовательной деятельности и отвечала требованиям объективного закона ментальной идентичности.

Внутренняя социальная среда воспроизводится военно-учебным заведением, в котором находится воспитанник. Диффузионное проникновение практик внешних структур в процесс профессиональной социализации оказывает существенное влияние на ее

¹ Межуев А.В. Формирование готовности к жизнедеятельности в образовательной среде военного вуза у курсантов младших курсов: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Астрахань, 2008. С. 10.

структурированность в рамках того или иного тезауруса личности воспитанника.

С конца XX века тезаурусный подход становится объектом пристального изучения многих исследователей.

Так, в теории представленной в работах Вал. Лукова и А. Ковалевой, тезаурус трактуется в качестве смыслового маркера, оказывающего решающее воздействие на социальные процессы, социальные институты и социальные структуры общества¹.

Социальные ценности выступают в качестве связующего элемента, базовой категории формирования тезауруса. Социальная реальность разделяется личностью на множество фрагментов, одни из которых она принимает, другие отвергает. В результате образуется тезаурус, как систематизированный, полный и необходимый состав знаний для ориентации в социокультурной среде.

Тезаурусный подход нашел свое отражение в авторских исследованиях, посвященных конструированию личности в условиях военной организации².

Тезаурусная концепция нашла свое продолжение в исследованиях Аграната для анализа вторичной социализации в условиях военизированной организации с применением теории тотальных институтов И. Гоффмана. К числу тотальных институтов отнесена армия, что позволяет применять гоффмановскую концепцию и к другим социальным институтам, построенным в нормативном плане по армейскому образцу, — к среднему специализированному военному образованию.

Специфика его функционирования предполагает некоторую дистанцию между ним и другими гражданскими социальными институтами. Разные регуляторы-правила конструируют такие уровни социальной реальности, которые по многим формальным признакам не совпадают, а иногда и противоречат друг другу. На уровне личности происходит формирование несовпадающих модусов, которые отличаются своей ориентационной направленностью.

Таким образом, социокультурный подход является универсальным инструментом, который позволяет рассматривать процесс модернизации среднего специализированного военного образования в комплексе определяющих его условий и факторов: структурных, институциональных, социально-политических, социально-

¹ Луков В.А., Ковалева А.И. Молодежь как социальная реальность // Социология молодежи: Теоретические вопросы. М., 1999. С. 126–189.

² Абрамов А.П. Военная метакультура и ее особенности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 6-1. С. 10–13; Абрамов А.П. Современное состояние и противоречия культурной социализации и самоидентификации личности в системе средних специализированных военно-учебных заведений // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 4-3 (43). С. 126–132.

экономических и социокультурных, с учетом динамики изменений ценностных структур, в свою очередь задающих границы трансформации личности в качестве активного субъекта образования.

Базовыми механизмами функционирования социокультурной системы среднего специализированного военного образования служат процессы, образующие симметричную взаимобратимую пару «инновация — традиция»: изменение обеспечивается инновационными процессами, а воспроизводство — процессами поддержания традиций.

Без опоры на ментальность, без учета особенностей национального характера россиян модернизация среднего специализированного военного образования превращается в вялотекущий процесс. Россия побеждала во все времена, объединившись на основе общей идеи. В современных условиях такая идея способна раскрыть огромный потенциал, заложенный в национальном характере россиян, одновременно придав конструктивную форму современным инновационным вызовам.

Литература

1. Абрамов А.П. Военная метакультура и ее особенности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 6-1. С. 10–13.
2. Абрамов А.П. Современное состояние и противоречия культурной социализации и самоидентификации личности в системе средних специализированных военно-учебных заведений // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 4-3 (43). С. 126–132.
3. Агранат Д.Л. Вторичная социализация личности в военизированной организации // Знание. Понимание. Умение, 2008. № 3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/3/Agranat/>. (дата обращения 15.08.2014).
4. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. 1. Новосибирск, 1997. 804 с.
5. Бим-Бад Б.М. Обучение и воспитание через непосредственную среду: теория и практика // Труды кафедры педагогики, истории образования и педагогической антропологии университета РАО. 2001. № 3. 26–34.
6. Бурдые П. Начала / Пер с фр. Н.А. Шматок. М.: Socio-Logos, 1994. С. 76.
7. Голубкова Л.Г., Розин В.М. Философия управления: монография. Йошкар-Ола. Марийский гос. техн. ун-т, 2010. 412 с.
8. Лапин Н.И. Пути России: социокультурные трансформации. М.: Ин-т философии РАН, 2000. 194 с.
9. Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 3–12.
10. Лоренц К. Агрессия (так называемое Зло) // Вопросы философии. 1992. № 3. С. 5–54.

11. Межуев А.В. Формирование готовности к жизнедеятельности в образовательной среде военного вуза у курсантов младших курсов: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Астрахань, 2008. 22 с.
12. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Эстетика. Философия культуры. М.: Прогресс, 1991. 311 с.
13. Петровская М.В. Образовательная среда военного вуза как пространство развития психологической культуры преподавателя // Фундаментальные исследования. 2013. № 1. Ч. 3. С. 632–635.
14. Писачкин В.А. Социология жизненного пространства. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1997. С. 29–43.
15. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Мир профессий: пересмотр аналитических перспектив // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 25–35.
16. Сиднев Л.Н. Социально-философские проблемы формирования современной концепции воспитания и образования: автореф. дис. ... д-ра философии. М., 1995. 40 с.
17. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 251 с.
18. Хабермас Ю. Расколотый запад. М.: Наука, 2008. 176 с.
19. Шендрик И.Г. Самореализация личности в контексте проектирования образования // Педагогика. 2004. № 4. 36–43.
20. Щепанская Т.Е. Антропология профессий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 1. С. 141–147.
21. Ясвин В.А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. М.: Смысл, 2001. 365 с.

Емельянова Т.П.,
Дробышева Т.В.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ КОЛЛЕКТИВНЫХ ЧУВСТВ К ЗНАЧИМЫМ СОЦИАЛЬНЫМ ЯВЛЕНИЯМ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГРУПП С РАЗНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИЕЙ

PECULIARITIES OF THE COLLECTIVE FEELINGS TO THE SIGNIFICANT
SOCIAL PHENOMENA: A COMPARATIVE ANALYSIS OF GROUPS
WITH DIFFERENT POLITICAL ORIENTATION

Емельянова Татьяна Петровна, доктор психологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник лаборатории социальной и экономической
психологии ИП РАН, t_emelyanova@inbox.ru

Дробышева Татьяна Валерьевна, кандидат психологических наук, старший
научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии
ИП РАН, tdrobysheva@mail.ru

Аннотация: В статье представлены результаты социально-психологического исследования коллективных чувств в отношении значимых социальных явлений. Анализ результатов показал, что коллективные чувства различаются в двух группах респондентов: ориентированных на крупнейшие политические партии и позиционирующих себя «вне политики». Социально-психологические и социально-демографические характеристики представителей двух изучавшихся групп также значимо различаются.

Abstract: The article presents the results of socio-psychological research of collective feelings about important social phenomena. Analysis of the results showed that the collective sentiments are different in the two groups of respondents: positioning itself “apolitical” and focused on the major political parties. Socio-psychological and socio-demographic characteristics of the studied representatives of the two groups also differ significantly.

Ключевые слова: коллективные чувства, политические ориентации, идентичность, ценностные ориентации, значимые социальные явления

Key words: collective feelings, political orientation, identity, values, significant social phenomem

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ, грант № 15-06-10394

Постановка проблемы

Сфера *коллективных чувств* и эмоций является важной составной частью психологии больших социальных групп, тесно связанной с ценностями, идеалами, групповыми потребностями, социальными представлениями, менталитетом в целом [4; 20; 25]. Истоки исследования коллективных чувств обнаруживаются в классических работах французских социологов. Э. Дюркгейм в своем учении о социальных фактах важное место отводил эмоциональным явлениям, возникающим в обществе. В связи с анализом самоубийств он связывал такие коллективные эмоциональные состояния общества как массовую агрессивность и апатию с негативными процессами в экономике. В свободной от анонии общественной жизни коллективные эмоциональные состояния, по Дюркгейму, выполняют функцию «социального клея», который обеспечивает общественную солидарность [5]. Коллективные чувства, в отличие от коллективных эмоций, связаны с относительно стабильными экономическими, политическими, региональными условиями жизни людей. Социальные явления, ставшие предметом дискурса в СМИ, переживаются группами общества, наделяются значимостью и приобретают аффективную составляющую [2; 15; 18]. Предполагается, что социальные группы, которые характеризуются разделяемыми их представителями ценностями, политическими ориентациями, социальной идентичностью и другими социальными и социально-психологическими особенностями, формируют в отношении таких явлений коллективные чувства, типичные для каждой из этих групп [6; 19].

Картина коллективных чувств россиян, как показывают массовые опросы, постоянно меняется. На первые места в рейтингах тревог и страхов выходили в последние годы преступность, коррупция, проблема мигрантов, здоровье, потеря работы, международная обстановка и др. [6]. Опросы начала 2016 года показывают, что страхи, связанные с международной напряженностью, снижаются. При этом растет тревога по поводу социально-экономических проблем и преступности. Об этом говорят данные мониторинга Ipsos Comcon за март 2016 г. [22]. 66% участников этого исследования назвали *экономический кризис* самым существенным для России событием.

Модальность коллективных чувств по выборке в целом представлена в нашей недавней статье [3], где была зафиксирована общая тенденция к переживанию чувств беспокойства, разочарования и несправедливости. Характеризуя актуальное состояние

массового сознания населения, отмечалось, что чувство страха в меньшей степени характеризует коллективные переживания респондентов в период проведения исследования. В наших исследованиях также было выявлено, что макроэкономические явления как источники тревоги связаны с эмоциональными и когнитивными компонентами образа будущего [7].

Исходя из данных массовых исследований тревог населения, его страхов, надежд и других коллективных чувств, можно утверждать [12], что *основными факторами* их возникновения являются, в частности: динамичный внутри- и внешнеполитический контекст, идеологические представления, доверие к различным СМИ, отношение к политико-идеологическим ценностям, уровень доверия к действующим институтам власти. По данным М.М. Назарова и Е.А. Кублицкой лидируют по уровню доверия населения Президент РФ, РАН, РПЦ, ФСБ. Наименьший уровень доверия заслуживают полиция, банковские и предпринимательские структуры, телевидение, радио, газеты. Минимальный уровень доверия получили политические партии и движения [12, с. 181]. Помимо низкого доверия к партиям и политическим движениям у россиян в целом обнаруживается и низкий интерес к политике и политическим событиям, а кроме того наблюдается и слабое желание улучшить свою информированность в этой сфере. Тенденция к снижению интереса к политике [1] наглядно проявляется в сравнении данных 1987 и 2013 гг. «Если в 1987 г. о своем активном интересе к политическим событиям заявляло 54,4% россиян, то в 2013 г. их доля сократилась в половину и составила 27,1%. Одновременно с этим произошло и увеличение числа людей, которые не следят за политическими событиями: таковых в 2013 г. было 12,9%, а в 1987 г. — чуть более 1%» [1, с. 18]. Приведенные данные, по утверждению И.В. Воробьевой, свидетельствуют о том, что подавляющая часть российского общества аполитична, склонна поддерживать сильную власть, и мало интересуется политической и социальной жизнью. Между тем, политические ориентации играют важную роль в политическом сознании людей, так как являются предпосылкой участия в политической жизни [1, с. 17].

В исследовании, проведенном авторами статьи в 2015 г. в Москве, ставились задачи проследить то, как коллективные чувства в отношении значимых социальных событий и явлений проявляются у представителей двух групп россиян с разной степенью выраженности интереса к политике. Предполагалось также дополнить социально-демографические портреты этих групп социально-

психологическими характеристиками, прежде всего ценностными ориентациями, типичными для представителей каждой из изучавшихся групп.

Программа исследования

На *поисковом этапе* исследования было проведено полуструктурированное интервью, включающее перечень вопросов, связанных с тем, какие именно явления респонденты считают социально значимыми и какие чувства они переживают относительно данных явлений. На этом этапе принимали участие 25 человек в возрасте от 19 до 60 лет, с разным социальным и образовательным статусом. Такая разнородная группа была сформирована в связи с поставленной в работе задачей выявления спектра переживаемых чувств, разделяемых респондентами не зависимо от их социально-демографических характеристик. В итоге с помощью *контент-анализа* [подробнее см.: 13; 17; 20] был получен перечень разнообразных по модальности переживаний, связанных с названными респондентами общественными событиями и явлениями.

На следующем этапе исследования принимали участие 94 человека в возрасте от 21 до 75 лет. Распределение выборки по возрастным группам: до 30 лет — 20%, от 31 до 40 лет — 22%, от 41 до 50 лет — 18%, от 51 до 60 лет — 11%, от 60 до 70 лет — 12%, остальные — свыше 70 лет. Все — жители Москвы. Из них: 60% — женщины, 40% — мужчины. 80% выборки — работающие, остальные — неработающие пенсионеры или студенты. Большинство состоит в официальном или гражданском браке (57,2%). По уровню ежемесячного дохода на каждого члена семьи респонденты распределились следующим образом: от 10 до 20 тыс. руб. — 19,8% выборки; от 20 до 30 тыс. руб. — 21%; от 30 до 40 тыс. руб. — 22%; свыше 40 тыс. руб. — 35,2%; 2% респондентов отказались отвечать на вопрос о доходе. По выраженности интереса к политике респонденты были сгруппированы следующим образом: первая группа (проявляющие интерес к политике) — 44,6%, из них 17,6% респондентов — приверженцы «Единой России»; 12,1% поддерживают КПРФ; 6,6% — сторонники ЛДПР; 3,3% — последователи партии «Яблоко»; 5% поддерживают другие политические партии и движения. 54,6% выборки не разделяют политических взглядов какой-либо партии.

Респондентам был предложен опросник, содержащий перечень событий и явлений социальной жизни российского общества, которые с наибольшей частотой упоминались на поисковом

этапе исследования. Респондентов просили поставить им в соответствие те чувства, которые они переживают по поводу названных событий и явлений: страх, беспокойство, унижение, разочарование, сожаление, чувство несправедливости, радость, надежда (наиболее часто упоминаемые на предыдущем этапе). Кроме того, была использована методика «Ценностные ориентации» Е.Б. Фанталовой и тест «Социальная идентичность» Н.И. Даудрих.

В соответствии с предпринятым группированием выборки, одни участники не зависимо от их приверженности конкретной политической партии, движению и т. п. рассматривались нами как политически ориентированные люди. Они вошли в первую группу (условное название «политически ориентированные»). Другие, отнесенные ко второй группе («вне политики»), характеризовались неоднородностью позиций. Для половины из них установка «вне политики» была сформирована предыдущим опытом взаимодействия с какими-либо политическими группами. Это люди, разочаровавшиеся в титульных политических движениях и партиях, потерявшие доверие к ним («нет такой партии, которой я бы доверял»; «вся политика — сплошное разочарование» и т. п.). Другая половина респондентов из второй группы проигнорировала вопрос, комментируя: «я не знаю ничьих взглядов, а потому и ничего не разделяю», «я далек от политики», «меня это совсем не интересует». Поскольку большая часть второй группы была представлена молодыми людьми, чье детство (юность) пришлось на 1990-е гг., то можно предположить, что данные респонденты являются представителями поколения социального слоя «аполитичных прагматиков», людей, разуверившихся в действиях политических сил.

Результаты эмпирического исследования

Социально-демографические и социально-психологические характеристики респондентов двух групп

В группу «политически ориентированные» вошли 42 человека (44,6% всей выборки), из них 52,5% — мужчины, 47,5% — женщины; 40% — от 55 и старше (примерно половина из них — неработающие пенсионеры), 15% — от 21 до 30 лет, 45% — от 31 до 55 лет. То есть, большую часть представителей этой группы составляли респонденты зрелого возраста, разделяющие взгляды партий: «Единая Россия» (40%), КПРФ (27,5%), ЛДПР (15%), «Яблоко» (10%). Также в этой группе присутствовали сторонники левых демократических течений, поддерживающие проект «Народный

кандидат» и движение А. Навального (7,5%). По уровню дохода респонденты первой группы распределились следующим образом: 30% из них имели доход от 10 до 20 тыс. рублей в месяц на каждого члена семьи, такую же долю составили респонденты с доходом от 20 до 30 тыс. руб. и 17% — от 30 до 40 тыс. руб. Доля обеспеченных респондентов (от 40 тыс. руб. и выше) составляла 20%. Число бедных (менее 10 тыс. рублей на чел.) в данной группе было минимально (3% от выборки). Среди работающих участников исследования 57% заняты в бюджетной сфере, 30% — в коммерческой. Выявлено, что 57% респондентов состояли в официальном браке, 5% — в гражданском, остальные в браке не состояли.

Большая часть респондентов из группы «вне политики» (54,6% выборки) была представлена женщинами (68,5%), преимущественно молодого возраста (от 21 до 30 лет — 39%; от 31 до 40 лет — 30% выборки). Более взрослые респонденты (от 41 до 55 лет) в этой группе составляли примерно 18% выборки, остальные 13% — люди пенсионного возраста. Значительная часть участников исследования в данной группе — работающие (78%), студенты — 18%, пенсионеры — 4%. Примерно половина работающих занята в бюджетной сфере, вторая половина — в коммерческой. Уровень дохода в данной подгруппе выше, чем в первой. Так, 46% респондентов отметили доход на человека свыше 40 тыс. рублей в месяц, 21% — от 30 до 40 тыс., 15% — от 20 до 30 тыс. и 13% — от 20 до 30 тыс. рублей. По семейному положению эта группа отличалась тем, что почти половина участников не состояла в браке (46%) и только 39% состояли в официальном и 15% в гражданском браке. Анализ структуры ценностных ориентаций (ЦО) респондентов выявил различия в двух группах (таблица 1.).

Как можно заметить, в обеих группах наиболее значимыми являются ценности личной жизни: любовь, счастливая семейная жизнь, здоровье. Однако, их представленность в группах различается. Так, у политически ориентированных респондентов на первом месте — любовь, затем — здоровье и счастливая семейная жизнь, в то время как для людей с установкой «вне политики» здоровье занимает первое место, затем — семья и только потом — любовь (см. также: [10]). Примечательно, что и наиболее динамичная группа ЦО (они изменяются в зависимости от ситуации) по структуре также различается у респондентов двух групп. Если в группе политически ориентированных участников на четвертом месте — наличие хороших и верных друзей, то в группе «вне политики» — это ценность познания. И далее в порядке убывания: на пятом месте в первой группе — интересная работа, во второй — ценность

Таблица 1. Ранговая структура ценностных ориентаций в группах «политически ориентированные» (группа 1) и «вне политики» (группа 2)

ЦО	Активная, деятельная жизнь	Здоровье	Интересная работа	Красота природы и искусства	Любовь	Материально обеспеченная жизнь	Наличие хороших и верных друзей	Уверенность в себе	Познание	Свобода как независимость	Счастливая семейная жизнь	Творчество
1 гр.	10	2	5	11	1	6	4	7	9	8	3	12
2 гр.	6	1	8	12	3	11	7	9	4	5	2	10

Примечание: 1 ранг — самый значимые ЦО, 12 ранг — самые не значимые

свободы как независимости в поступках и действиях; на шестом месте в группе политически ориентированных — ценность материально обеспеченной жизни, для людей «вне политики» — активная, деятельная жизнь; седьмое место в первой группе занимает ценность уверенности в себе, во второй группе — наличие хороших и верных друзей. Наконец, восьмое место в структуре ЦО политически ориентированных респондентов принадлежит ценности свободы как независимости, а в группе «вне политики» — ценности «интересная работа». В категории наименее значимых ЦО в двух группах — эстетические ЦО и творчество. Обращает на себя внимание и то, что к категории наименее значимых в первой группе была отнесена также ценность активной, деятельной жизни, а во второй — ценность материально обеспеченной жизни. Это может объясняться тем, что первая, политически ангажированная группа, не нацелена на активное проявление своих политических предпочтений, а вторая («вне политики»), не испытывая материальных проблем, ценит независимость и познание, значительно больше, чем первая группа.

Выявленные в группах различия по показателям социальной идентичности респондентов во многом согласуются с их ценностной структурой. Так, большинство политически ориентированных участников исследования чаще идентифицирует себя с семьей (70%), единомышленниками (67,5%), людьми той же профессии (60%), и той же национальности (42,5%). Большая часть респондентов с ориентацией «вне политики» идентифицирует себя с друзьями (79% выборки), единомышленниками (72%), семьей (66%) и с коллегами (50%).

Резюмируя, заметим следующее. Несмотря на то, что респонденты из группы «политически ориентированные» идентифицируют себя со своими единомышленниками, активная деятельная жизнь как ценность для них не значима (пенсионеры и студенты). Наличие друзей, интересная работа и материально обеспеченная жизнь являются для данных людей более значимыми ценностями, чем для тех, кто «вне политики». Идентификация с единомышленниками в группе «вне политики» намного выше, чем в группе с ориентацией на политику. Они выше ценят познание, свободу (независимость) и активную деятельную жизнь, т.е. те ценности, которые характеризуют их как *субъектов* (активных, независимых людей) [11; 14; 24]. Отстраненность от политической жизни наши респонденты (по данным качественных методик) объясняют предсказуемостью и стабильностью политической ситуации в стране и отсутствием острого политического диалога между партиями. Выявленные социально-психологические факторы (ценность семьи, интересной работы, заботы о здоровье, а также идентичность) указывают на ценностно-мотивационные основания мировоззренческой ориентации респондентов, объявляющих себя «вне политики». Будучи людьми в значительной степени обеспеченными (в большинстве своем это работающие респонденты), они ценят семейное счастье, любовь, здоровье, активный образ жизни, независимость, возможности познания. Именно группа, позиционирующая себя «вне политики», проявляет признаки коллективно-го субъекта [8; 9].

Политически ангажированные респонденты больше акцентированы на социальных связях с семьей, с единомышленниками, людьми той же профессии. Интересная работа для них выступает скорее в качестве средства достижения материально обеспеченной жизни, чем как ценность-цель. Вовлеченность этой группы респондентов в политическую жизнь связана, как показал анализ их ценностных ориентаций, не с желанием проявить себя в пространстве практической политики, а с потребностью символически аффилироваться с некими политическими силами, чтобы достичь понимания истоков собственных социальных проблем и их преодоления [16; 21; 23].

*Сравнительный анализ выраженности коллективных чувств
к значимым социальным объектам в двух группах*

Сравнительный анализ (по критерию Манна-Уитни) выраженности коллективных чувств в группах респондентов с разными по-

литическими ориентациями показал, что обе группы респондентов статистически значимо различаются (при $p < 0.05$) по переживанию таких чувств как страх, беспокойство, унижение, разочарование, чувство несправедливости, радости, надежды относительно происходящих в стране событий в области внешней политики (напряженные отношения с ЕС, Крым, военные действия на Украине и т.п.), в связи с работой городских служб, сокращением товарооборота с другими странами, автоматизацией и компьютеризацией всех сторон жизни и т.д. В нашей работе мы учитывали только максимально выраженную степень переживания чувств к значимым социальным объектам («значительно переживаю» или «сильно переживаю»).

Частотный анализ показал, что респонденты из двух групп по-разному переживают экономическую ситуацию, связанную с сокращением товарооборота с другими странами. Выраженное переживание *страха* в группе политически ориентированных присутствовало у 28% респондентов, в то время как в группе «вне политики» это чувство (в такой же степени) разделяли лишь 3,7% участников. Аналогичные результаты были обнаружены относительно переживания *беспокойства* (35% в первой группе, 7,4% — во второй), *унижения* (15% и 1,9%), *разочарования* (42% и 13%), *несправедливости* (20% и 5,6%). Чувство *надежды* относительно изменения сложившейся ситуации присутствовало у 10% политически ориентированных участников, в то время как респонденты с установкой «вне политики» не разделяли этого чувства совсем.

События внешней политики в группе политически ориентированных участников исследования вызывали чувство *разочарования* (22,5% респондентов), *унижения* (17,5%), *несправедливости* (17%) и в меньшей степени — чувство *беспокойства* (12,5%). В группе респондентов «вне политики», наоборот, внешнеполитические события (напряженные отношения с ЕС, экономические санкции и т.п.) переживались, прежде всего, как *беспокойство* (20,3%), но в меньшей степени как *разочарование* (18,5%), и *несправедливость* (16,7).

Повышение курса валюты и снижение курса рубля в первой группе вызывало сильное чувство *беспокойства* (32,5% выборки), *разочарования* (22,5%), *страха* (20%), *унижения* (12,5%). Во второй группе данные чувства разделяло меньшее число респондентов. Так, *беспокойство* переживало только 29% участников, страх, разочарование и чувство несправедливости — 14,9% респондентов, а унижение только 5% из них. Однако именно в этой группе число участников, выразивших надежду на позитивное из-

менение ситуации, было в два раза больше, чем в группе политически ориентированных.

Заметим, что телевидение в период проведения исследования активно продвигало идею целесообразности политики Центробанка и Минфина с регулированием курса валют для решения существующих проблем в российской экономике. Однако респонденты, разделяющие взгляды политических партий и движений, продемонстрировали низкий уровень доверия к этой информации. И это несмотря на то, что в данной группе присутствовало доверие к телевидению как каналу информации у половины участников (50%), чуть меньше, чем к интернету (57%). Респонденты с установкой «вне политики» проявили доверие только к интернету (68%) и друзьям (22%), полностью проигнорировав телевидение, радио и печатные издания. Можно думать, что в этой группе интернет служит средством получения разнообразной информации, изучения палитры мнений для размышления, а информированность о социально значимых явлениях увеличивает социальный капитал. В группе же «политически ориентированных» респондентов значительная их часть доверяет телевидению, предоставляющему, как правило, готовые рецепты и формирующему стойкие убеждения. Однако полученные данные указывают на то, что кредит доверия телевидению не бесконечен, особенно, когда речь идет о значимых социальных явлениях.

Выявлены различия и в переживании такого события в стране как *усиление военно-промышленного комплекса*. В группе политически ориентированных респондентов чувства *страха, беспокойства, разочарования, несправедливости* переживались больше, чем в группе людей, не разделяющих взгляды каких-либо политических организаций, партий. Так, в первой группе данное событие вызывало не только чувства несправедливости (15% выборки), беспокойства (15%), разочарования, страха (7,5%), унижения (5%), но и чувства радости (10%) и надежды (17%). Во второй группе чувства страха (3,8%), несправедливости (3,8%) присутствовали у ограниченного числа людей, а унижение не переживалось ими совсем. Позитивные чувства в этой группе также переживались ограниченно, чувство радости присутствовало у 7,5% респондентов, надежды — у 11%.

Среди менее динамичных событий и социальных явлений, вызывающих разные чувства у москвичей из двух групп, следует отметить *работу городских служб, автоматизацию и компьютеризацию всех сторон жизни*. Работа городских служб среди политически ориентированных участников вызвала различные по модальности чувства: *разочарование* (17,5%), *чувство не-*

справедливости (17,5%), *унижения* (10%) с одной стороны, и *надежды* (10% выборки), с другой. В то время как в группе с установками «вне политики» *работа городских служб* вызвала только *беспокойство* (22%).

Явление *автоматизации и компьютеризации всех сторон жизни* политически ориентированные участники переживали исключительно позитивно. Чувство *радости* разделяли 12,5% респондентов, а *надежды* — 25% группы. В группе «вне политики» данное явление, наоборот, больше вызвало чувство *радости* (29% выборки), чем *надежды* — (15%). То есть в целом, чувства респондентов носили позитивный характер.

Следует обратить внимание и на сходство в выраженности чувств представителей двух групп. Речь идет о коллективном переживании *страха* ($p=0.09$), *разочарования*, *сожаления* ($p=0.28$), *несправедливости* ($p=0.53$) в отношении *повышения цен*, а также *страха* ($p=0.25$), *разочарования* и *сожаления* ($p=0.114$) в связи со *снижением (или «замораживанием») уровня заработной платы, стипендий, пособий* в стране. Выявлена общность переживания респондентами *разочарования* ($p=0.31$), *беспокойства* ($p=0.031$) и *несправедливости* ($p=0.08$) в связи с проводимыми *реформами в области науки, образования и медицины*. Всех респондентов, не зависимо от их политических взглядов, беспокоило состояние дел в *области сельского хозяйства* ($p=0.23$), они разочарованы тем, что не наблюдается заметных изменений в этой области народного хозяйства ($p=0.19$). *Работа средств массовой информации* вызвала только чувство разочарования и сожаления ($p=0.08$). Те же чувства респонденты испытывали относительно *снижения морально-нравственных и культурных норм поведения в обществе* ($p=0.72$). Объединил всех участников исследования и широкий спектр чувств по отношению к явлениям, сохраняющимся в современном мегаполисе, т. е. *коррупции и преступности*. Речь идет о *страхе* ($p=0.53$), *беспокойстве* ($p=0.85$), *разочаровании и сожалении* (0.28), *чувстве несправедливости* ($p=0.91$), связанных с ростом преступлений в городе и стране.

Заключение

Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что более половины респондентов по разным причинам числят себя вне политики. В этой группе чувство страха в целом было менее выражено, чем в группе политически ориентированных участников. Однако беспокойство и разочарование у аполитичных респон-

дентов вызывали не только повышение курса валют, но и внешняя политика государства. В то время как сокращение товарооборота со странами ЕС не явилось источником сильных переживаний. Респонденты этой группы — материально обеспеченные и независимые люди, высоко оценивающие познание и активную деятельность. В их переживании такого явления как *усиление военно-промышленного комплекса* чувства страха, несправедливости присутствовали незначительно. Однако и позитивные чувства по поводу этой тенденции выражены слабо. В группе же политически ориентированных респондентов чувства *страха, беспокойства, разочарования, несправедливости* переживались значительно больше. Названная тенденция вызывала противоречивые чувства: несправедливости, беспокойства, разочарования, страха, с одной стороны, и чувства радости и надежды, с другой.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что социальные явления и события в целом сильнее переживались в группе политически ангажированных людей. Причем, наиболее выраженные чувства страха, беспокойства и разочарования эти респонденты (большинство имеет средний и ниже среднего уровень дохода) испытывали относительно финансовой (повышение курса валюты, снижение курса рубля) и экономической (сокращение товарооборота) политики государства. Примечательно, что чувства унижения и несправедливости в группе политически ориентированных также были выражены сильнее, чем в группе «вне политики». Объединили две группы лишь испытываемые ими позитивные чувства по поводу такого явления, как автоматизация и компьютеризация всех сторон жизни. Однако, если политически ориентированные респонденты скорее испытывали надежду, то люди «вне политики» — радость.

Дополнив портреты двух групп их социально-психологическими характеристиками, можно заметить парадоксальный эффект. В то время, как сторонники политических партий, т. е. люди, интересующиеся политикой, не разделяют ценностей активной, деятельной жизни, они подвержены страхам, идентифицируют себя прежде всего с семьей, аполитичные респонденты, в свою очередь, обнаруживают *субъектные качества*: тягу к активной деятельности, приверженность ценностям познания, свободы и независимости в большей степени, чем политически ангажированные респонденты. Вероятно, интерес к политике проявляется здесь не столько в плане потенциальной политической активности, сколько в контексте совладания с жизненными трудностями и попытками объяснить для себя происходящее в российском обществе.

Литература

1. Воробьева И.В. Противоречия и парадоксы политических ориентаций в структуре жизненного мира россиян // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 17–26.
2. Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996.
3. Дробышева Т.В., Емельянова Т.П. Коллективные чувства представительных групп общества в отношении значимых социальных явлений [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2015. №4 (июль—август). URL: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2015/4/Drobysheva_Emelyanova_Collective-Feelings/ [архивировано в WebCite] (дата обращения: дд. мм. гггг).
4. Дробышева Т.В., Журавлев А.Л. Город как объект исследования в социальной психологии: к истории вопроса // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Том 1. № 1. [Электронный ресурс] <http://www.soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document195.pdf>
5. Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995.
6. Емельянова Т.П. Феномен коллективных чувств в психологии больших социальных групп // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Том 1. № 1. [Электронный ресурс] <http://www.soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document195.pdf>
7. Емельянова Т.П., Дробышева Т.В. Образ будущего благосостояния в обыденном сознании россиян // Психологический журнал, 2013. Т. 31, №5. С. 25–41.
8. Журавлев А.Л. Теоретические подходы к исследованиям разных форм коллективного субъекта // Психология человека в современном мире. Том 5. Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 254–264.
9. Журавлев А.Л., Емельянова Т.П. Психология больших социальных групп как коллективных субъектов // Психологический журнал. 2009. Т. 30. №3. С. 5–15.
10. Журавлева Н.А. Динамика ценностных ориентаций личности в условиях макросоциальных изменений // Макропсихология современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 207–278.
11. Личность и бытие: субъектный подход: Материалы научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
12. Назаров М.М., Кублицкая Е.А. Социальные настроения в столичном мегаполисе: результаты сравнительного анализа // Наука. Культура. Общество. 2016. № 1. С. 171–188.
13. Психология XXI века: Учебник для вузов / Под ред. В.Н. Дружинина. М.: ПЕР СЭ, 2003.
14. Психология человека в современном мире. Том 4. Субъектный подход в психологии: история и современное состояние. Личность профессионала в обществе современных технологий. Нейрофизиологические основы психики: Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
15. Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / Отв. ред. В.С. Степин. М.: Наука, 2007.

16. С овладающее поведение: Современное состояние и перспективы / Под ред. А.Л. Журавлева, Т.Л. Крюковой, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
17. Современная психология: справочное руководство / Отв. ред. В.Н. Дружинин. И.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999.
18. Современная социальная реальность России и государственное управление: социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 году. Том 1. М., 2014.
19. *Соснин В.А., Журавлев А.Л.* Психология массового поведения: истоки и современные тенденции исследования // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 1. С. 49–61.
20. Социальная психология: Учебное пособие для вузов / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: ПЕР СЭ, 2002.
21. Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.
22. Стогней А. Экономический кризис оказался для россиян важнее вывода войск из Сирии. 2016. [Электронный ресурс] <http://money.rbc.ru/news/5717c7629a794712d694ba02>
23. Стресс, выгорание, совладание в современном контексте. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
24. Субъектный подход в психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
25. *Ушаков Д.В., Журавлев А.Л.* Образование и конкурентоспособность нации: психологические аспекты // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 1. С. 5–13.

Юревич А. В.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ВСТУПЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В ИГИЛ

Юревич Андрей Владиславович — член-корреспондент РАН заместитель директора Института психологии РАН, профессор, yurevich@psychol.ras.ru
Yurevich Andrei Vladislavovich — corresponding member of the RAS, Deputy director of the Institute of psychology, RAS, doctor of psychology, yurevich@psychol.ras.ru

Аннотация: На основе данных, имеющих в литературе, главным образом, Интернет-источников, рассматриваются причины привлекательности ИГИЛ для иностранной молодежи, вступающей в эту организацию. Особое внимание уделяется причинам привлекательности ИГИЛ для граждан России. Вычленяются социально-психологические факторы привлекательности этой организации: ненависть к Западу, западному образу жизни и его основным порокам; отсутствие смысла в жизни и потребность в его настойчивом поиске; романтические мотивы, влияние друзей и родственников; повышенная агрессивность и склонность к насилию; стремление к радикальному изменению своей жизни; суицидальные мотивы и др.

Abstract: The causes of the ISIS attractiveness for young people from abroad joining this organization are considered on the background of sources existing in the literature, predominantly Internet-sources. The special attention is given to the ISIS attractiveness for Russian citizens. The social psychological factors of this organization's attractiveness are singled out: hate towards the West, western way of life and its main sins; absence of the sense of life and the drive for its persistent search; romantic motives, influence of friends and relatives; high level of aggressiveness and inclination to violence; strive for radical renewal of one's life; suicidal motives, etc.

Ключевые слова: ИГИЛ, молодежь, вступление, причины привлекательности, терроризм, социально-психологические факторы, мотивы, психотехнологии

Key words: ISIS, young people, joining, causes of attractiveness, terrorism, social psychological factors, motives, psycho-technologies

Статья подготовлена при поддержке РФФ, грант № 14-18-0327.

Психологическая характеристика вступающих в ИГИЛ

Число граждан России, воюющих за запрещенную в России террористическую организацию ИГИЛ¹, в настоящее время оценивается как составляющее примерно 2,5 тыс., причем за последние полтора года это число утроилось. Данная проблема является одной из острейших в современной России, а деструктивные последствия вступления россиян в ряды ИГИЛ трудно предсказать. И все это происходит на фоне разрешения разного рода других проблем, связанных с современным этапом развития российского общества [4; 21; 22 и др.].

Хотя психологические особенности вступающих в ИГИЛ схожи с рядом характерных особенностей террористов [3; 15; и др.], они имеют и свою специфику, и в целом, несмотря на «террористический» имидж ИГИЛ, нельзя отождествлять эти две категории лиц. Один из бывших сотрудников американского Управления по борьбе с терроризмом дает такую характеристику иностранных боевиков ИГИЛ: «В большинстве случаев это искатели приключений. У которых дома, будь то в Бельгии, Манчестере, Алжире, Йемене или, допустим, в Грузии, не было ни гроша» [1, с. 168]. Отмечается, что превращение иностранных боевиков в современных саладинов, борцов с экспансией Запада и распространением западной культуры — это ключевой пункт вербовки ИГИЛ еще со времен аз-Заркави, одного из его основателей [Там же].

Отмечается и то, что свойственная Западу склонность к сенсациям успела сформировать *приукрашенный образ* ИГИЛ, придав ему зловещую привлекательность в глазах молодых и недовольных. По словам М. Вайса и Х. Хасана, авторов пока единственной вышедшей на русском языке книги об ИГИЛ, «Зрителей завораживает психопатическое представление, которое дает ИГИЛ, особенно когда они видят «таких же, как они сами», но приверженных «Исламскому государству» людей, готовых отказаться от комфортной жизни на Западе ради джихадизма» [Там же, с. 168].

С. Атран, антрополог из Мичиганского университета, провел исследование психологической и социальной *мотивации*, движущей джихадистами, и пришел к заключению, что ИГИЛ мало чем отличается от революционно-романтических движений, упивавшихся кровью на протяжении всей истории человечества. По мнению Вайса и Хасана, то, что привлекло сторонников ИГИЛ, также легко

¹ Исламское государство Ирака и Леванта. Используются также другие обозначения: ИГ (Исламское государство), ДАИШ (араб.). Однако обозначение ИГИЛ стало наиболее распространенным в отечественных СМИ и научных публикациях.

могло увлечь их в любом другом культе или тоталитарном движении, даже идеологически враждебном салафитскому джихадизму [Там же]. Как сказал один из лидеров ИГИЛ, он оказался «под влиянием интеллектуальности ИГИЛ и того, что она распространяет религию и борется с несправедливостью» [Там же, с. 198]. Очень многие приверженцы ИГИЛ, проинтервьюированные Вайсом и Хасаном, выразили те же самые чувства и высказали такие же оценки в отношении этой армии террора, «которая в совершенстве овладела умением воздействовать на психику тех, кого она хочет пополнить в свои ряды, и перекраивать людей так, как ей надо» [1, с. 199]. А по поводу «интеллектуальности» ИГИЛ эти авторы пишут, что такая характеристика может показаться странной и даже забавной любому западному эксперту, но «необходимо понимать, что речь идет о тщательно разработанном идеологическом нарративе, представляющем собой мощно воздействующую смесь исламской герменевтики, истории и политики» [Там же]. И даже те, кто сам пострадал от ИГИЛ, говорят о «силе ее убеждения» [Там же]. Однако неизбежно возникают и разочарования. Так, «Толпы иностранных джихадистов проникают в Сирию, а через несколько дней или недель они начинают жаловаться на вынужденное безделье и скуку. В фильмах все выглядит куда драматичнее и увлекательнее» [1, с. 220].

Отдается должное и такому фактору, как «насильственное внедрение демократии» [Там же, с. 51] в арабских странах, к которой значительная часть их населения с очевидностью не готова. Дает явные сбои прямолинейная установка западных стран, в первую очередь США, на то, что при любых обстоятельствах демократия «лучше», чем ее отсутствие. На месте свергнутых революционных путем тоталитарных режимов возникает не демократия, а хаос, вызывающий острое недовольство населения, проецирующееся на демократию, под лозунгами которой эти режимы были свергнуты. На этом фоне очень выгодными для ИГИЛ выглядят ее успехи в установлении «тоталитарного порядка» на подконтрольных ей территориях. В частности, отмечается, что ИГИЛ зарекомендовала себя как исключительно умелый посредник в разрешении межплеменных споров, преуспела в обеспечении стабильности и порядка — в его соответствующем понимании, конечно, в сборе налогов и разрешении ряда экономических проблем [Там же].

Недовольство активным внедрением демократии, не совсем согласующейся с менталитетом населения, играет свою роль и в случае россиян, вступающих в ряды ИГИЛ. Многократно описанные недостатки демократии в нашей стране [3; 7; 17; и др.]

тоже порождают потребность в альтернативах, которую удовлетворяет эта организация. Известно и то, что немалое число ее сторонников прежде придерживалось социалистических взглядов, а крушение социалистической альтернативы западной демократии создало у них мировоззренческий вакуум, который с успехом заполнила ИГИЛ [1].

Вообще следует отметить, что идеология ИГИЛ апеллирует не только к темным сторонам человеческой природы (хотя главным образом к ним), но и к таким, как *потребность в справедливости*, стремление к которой явно предпочитает значительное количество рядовых граждан.

Отмечается и религиозная безграмотность многих сторонников ИГИЛ: «Те, кто примкнул к «Даеш», едва ли помнят хотя бы несколько сур из Корана. У них нет никакой религиозной основы. Их просто заманили силой убеждения» [1, с. 200]. Один из теоретиков ИГИЛ Абу Бакр Наджи в своем манифесте «Управление жестокостью» пишет: «Тот, кто имел дело с джихадом, знает, что это не что иное, как насилие, жестокость, терроризм, устрашение (других) и убийства. Я говорю здесь о джихаде и борьбе, но не об исламе, и никто не должен путать одно с другим» [Цит. по: 1, с. 68]. Вайс и Хасан подчеркивают в данной связи, что «Все тоталитарные режимы выстраивают свою идеологию на мифах, стирающих национальные границы, — даже те, что возникают на почве национализма, а потом, задним числом, оправдывают неизбежное насильственное присоединение чужих земель» [1, с. 111].

Формула «Убей иноверцев, и ты приблизишься к Богу» обладает для радикальных мусульман высокой привлекательностью. А образ врага для них цементирован такими понятиями, как «крестоносцы и евреи», а также их союзники. По словам одного из приверженцев ИГИЛ, она «смотрит не на этническую принадлежность, а на приверженность истинной вере» [1, с. 203]. В то же время Вайс и Хасан отмечают, что чем дальше продвигалась ИГИЛ в реализации своих планов по захвату территорий, тем меньшую роль в привлечении новых адептов играла религия, а значительную часть ее бойцов сейчас составляют приверженные ей как *политическому* проекту [Там же]. Отмечается и то, что среди них часто встречаются высокообразованные.

Вайс и Хасан пишут: «ИГИЛ ... преуспела в мастерстве формулировать свои цели на языке мировой истории. Она обещает и смерть, и возвращение к древней славе ислама. Тысячи людей уже выстроились в очередь, желая присоединиться к Исламскому государству, но еще больше людей стали его жертвами» [1, с. 300].

Так, один из основателей ИГИЛ аз-Заркави рассматривался как продолжатель 700-летней традиции исламского сопротивления, в контексте которой татаро-монголы уступили место американским оккупантам, а также якобы стоящим за их спиной евреям, а собирательный образ западных стран до сих пор ассоциируется с крестоносцами [Там же]. Подобный образ мировой истории разделяется значительной частью исламских радикалов, среди которых есть и россияне, тоже готовящиеся к «грядущей битве цивилизаций на Ближнем Востоке» [1, с. 63].

Вообще же вступающих в ИГИЛ Вайс и Хасан делят на несколько *социальных типов*: «экстремисты», «выжидатели», «политиканы», «прагматики», «оппортунисты» и «иностранные боевики» (мухаджирины) [1]. Отсылая желающих познакомиться с их характеристикой к книге упомянутых авторов, подчеркнем, что в данном контексте наибольший интерес представляет последняя категория. А среди ее довольно разнообразных представителей обращает на себя внимание такая разновидность, как «искатели мученичества», которые ничего не желают так сильно, как погибнуть и таким образом прославиться в анналах джихадизма [1; 21]. Правда, зачем это нужно выходцам из европейских стран, Вайс и Хасан не объясняют. Отмечается и такой фактор, как «чистой воды авантюризм»: «Такие люди оправляются воевать в Сирию в поисках новых острых ощущений» [1, с. 214]. В то же время местные жители нередко отмечают и то, что иностранные боевики более дисциплинированы и ведут себя лучше, чем местные.

Личностно-психологическое разнообразие наблюдается и среди основателей ИГИЛ. Например, Аз-Завахири характеризуется как терпеливый организатор, а аз-Заркави — как безрассудный вояка, полагавший, что может сражаться с любым врагом и со всеми врагами сразу. А Аль Багдади, по мнению психологов, «был человеком, явно склонным к фанатизму, — не социопатом, но серьезной личностью, с серьезным планом [в голове]» [1, с. 116], при этом отличался задумчивостью даже во время пребывания в тюрьме, почти не нарушал тюремный режим, был «тихим и скромным парнем» [1, с. 117].

Подчеркнем в данной связи, что личностно-психологические характеристики лидеров ИГИЛ играют особую роль в связи с первостепенным значением в этой среде *межличностных отношений*. В частности: «Джихадисты больше выигрывают от дружбы и близкого знакомства, чем от нахождения в одном списке какой-то террористической ячейки» [1, с. 39]. Межличностные, в том числе и романтические отношения, играют большую роль и в привлече-

нии сторонников из других стран, в том числе, например, в случае Варвары Карауловой, из России.

В то же время отмечается и такая деталь, как повторяемость судебных террористов, в частности то, что отбывание тюремных заключений сыграло большую роль в приобщении их к радикальному исламу, а некоторые тюрьмы в арабских странах характеризуются как «настоящие академии терроризма» [1, с. 95]: «Если вам необходимо пополнить свою армию, то лучшего места, чем тюрьма, не найти» [1, с. 117]. «Тюрьмы в Сирии — это олицетворение исламского радикализма, это террористические университеты, расположенные в самом сердце Ближнего востока» [1, с. 188]. Высказывается даже мнение, что если бы Ганди провел там три месяца, «он стал бы джихадистом и экстремистом» [1, с. 188].

Причины вступления россиян в ИГИЛ

Фонд «Общественное мнение» провел опрос, направленный на выяснение того, что, по мнению россиян, побуждает российских молодых людей и девушек вступать в ряды экстремистских организаций, подобных ИГИЛ. По мнению 29% опрошенных, это связано с широкой пропагандой и зомбированием. Среди других причин респонденты указали на *социальные проблемы*: стремление юношей и девушек к лучшей жизни, деньгам (13%), неустроенность жизни, безвыходное положение (8%), а также особенности и проблемы в воспитании, семье (6%). В то же время 12% респондентов объясняют стремление молодежи оказаться в рядах боевиков такими *психологическими факторами*, как глупость, незрелость и юношеский максимализм, 6% нехваткой острых ощущений. Еще 8% винят в этом отсутствие заботы о молодежи со стороны государства, отсутствие идеалов, идеологии и слабость патриотического воспитания. При этом подавляющее большинство россиян (91%) исключает возможность того, что кто-то из их знакомых захочет вступить в ИГИЛ [18].

Об истории студентки МГУ им. М.В. Ломоносова Варвары Карауловой, которая пыталась перейти турецко-сирийскую границу, чтобы вступить в ИГИЛ, осведомлены 78% россиян. По их мнению, она — скорее, жертва обстоятельств (51%), чем преступница (17%), — показал телефонный опрос 1000 жителей РФ в 480 населенных пунктах, проведенный 27–28 июня 2015 г. Одни респонденты считают это исключительным случаем (18%), однако более половины (51%) полагают, что таких случаев, как история Карауловой, может стать больше [Там же].

Тысячи людей из различных стран, вступивших в ряды ИГИЛ, можно разделить на две основные группы. Одну из них образуют люди, которые попались на обман ИГИЛ и отправились в Ирак и Сирию с представлением о том, что данная группировка действует в целях возрождения Сунны Пророка Ислама (ДБАР). Большинство из тех, кто вступил в ряды ИГИЛ с этой идеей, или так и остались в своем невежестве и, как и другие члены данной террористической группировки, были вовлечены в ужасные преступления, или лишались жизни, если, осознав сущность ИГИЛ, хотели вернуться домой. Лишь немногим из них удалось бежать. Данные люди были из числа тех, кто раскрыл террористическую сущность и антигуманную природу группировки ИГИЛ. Регулярно появляются сообщения о казни членов ИГИЛ, которые хотели вернуться к себе на родину [23].

Другую группу членов ИГИЛ, которых также немало, составляют правонарушители и преступники, которые в своих странах имеют дурную славу или много лет своей жизни провели в тюрьме и присоединились к ИГИЛ в целях преступной деятельности и зарабатывания денег. Еженедельник «Экономист» в своей статье, указывая на мотивы граждан западных стран для вступления в ряды ИГИЛ и участия в войне в Сирии, пишет: «Никто не знает, возможно, европейцы, присутствующие в ИГИЛ, являются теми убийцами, которые ранее ходили по улицам Франции, Британии и США» [Там же].

ИГИЛ, вербуя молодых людей с неокрепшим сознанием в свои сети, использует *метод агрессивного маркетинга* и привлекает понятием «избранности». Такое мнение высказал психолог и специалисты по сектам, к которым, с определенной натяжкой, можно отнести и радикальную организацию «Исламское государство» [15]. По данным Международного общественного фонда «Российский фонд мира», в ряды террористической организации регулярно вступают россияне от 14 до 28 лет. Среди них есть и девушки. Последний такой случай был зафиксирован в Петербурге, где 22-летняя девушка отправилась в Турцию, и уже в самолете рассказала сестре, что собирается пересечь границу с Сирией и вступить в ряды ИГИЛ [15].

Акцентируются ярко выраженные *психологические причины*, побуждающие россиян вступать в ряды террористов. «Их точно не привлекает политическая платформа. Скорее, подростков и людей постарше, но инфантильного характера, манит желание принадлежать агрессивному большинству, показать, таким образом, свою силу. Мысль примерно такая: меня в моей жизни ничего не устраивает, примкну-ка я к террористам и разрушу тот мир,

который мне противен, вместо того, чтобы изменить что-то в себе и добиться реальных показателей», — комментирует руководитель центра психотерапии и психологических инноваций «The Sun» Н. Медведев [15]. По его словам, «Исламское государство» просто эксплуатирует *подростковый романтизм* — еще один психологический фактор [Там же].

Об отсутствии сформированных *ценностных ориентаций*, на которые может опереться подросток, рассуждает и психолог проекта помощи подросткам «Твоя территория» Н. Лебедева. Она обрисовывает психологическую ситуацию: «Чтобы как-то сориентироваться в этом мире, подростки находят в окружении каких-то значимых людей. В этом возрасте не очень развито критическое мышление, и они присоединяются к какому-то субкультурному и популярному движению. Здесь важен не смысл обществу и та идеология, что оно несет, а именно отношения, которые в нем завязались» [Там же].

ИГИЛ, как и большинство сект, использует сходные методы вербовки. «Мы называем эти методы «агрессивным маркетингом», когда новые люди вербуются через знакомых и рекламу. Стильные снятые видеоролики — тоже ведь, в своем роде, реклама. Примечательно, что там никогда не говорят правды — мол, идем, брат мой, воевать в Сирию. Вместо этого будут разговоры о боге, душе, здоровье и родственниках», — говорит сектовед В. Розенфельд. — Здесь важно учитывать понятие «избранности» и культ лидера. «Каждому вступившему внушается, что он избранный, и он получит то или иное спасение — религиозное или физическое. А остальные, конечно, погибнут, к общей радости и ликованию избранных. Кроме того, в ИГИЛ существует культ лидера, он непогрешим и непререкаем. Критика пресекается на зачаточном уровне. Любой востоковед скажем вам, что это нетрадиционный ислам, с отклонениями догматического характера», — резюмирует эксперт [15].

Рядовые граждане разных стран и даже дети покидают свои дома, чтобы присоединиться к организации ИГИЛ. Эти ситуации пытались объяснить самыми разными способами, в том числе использованием радикальной исламской пропаганды и подкупами. Однако при этом отмечаются трудности в объяснении того факта, что европейцы, воспитанные совершенно в другой культуре и, главное, вере, идут на войну за «Исламское государство». Предлагается также объяснение, состоящее в том, что так, как сегодня живут на Западе, люди не должны жить. Молодые люди — одиночки, которые не способны радикально изменить жизнь в своих странах, едут на Восток — воевать [11].

Среди причин привлекательности ИГИЛ отмечается то, что эксплотируется *образ* некоторого *нового мира*. Эта новизна, альтернатива привычному миру привлекает многих, особенно молодежь. Принимая решение присоединиться к ИГИЛ, молодые люди видят в первую очередь возможность построить иной мир, другую жизнь — не такую, какая их окружает, где многие не находят себе достойного места. Правда, все это существует главным образом в их воображении. Перспективы иного мира и новых возможностей, которые рисуют перед своими жертвами вербовщики ИГИЛ, обычно имеют мало общего с действительностью, но когда вступающие в ряды ИГИЛ это поймут, будет уже поздно [19].

За поступками 19-летних В. Карауловой и М. Исмаиловой, как считает психолог О. Маховская, стоит их *психологическая незрелость* [См.: 24]. Подростки склонны к побегам из дома, поэтому их демарши не становятся чем-то совсем неожиданным. Это возраст, когда необходимо разрешение конфликта между требованиями родителей и желанием жить своей жизнью. В 19 лет человек может принять какое-то радикальное решение, например, бежать [12].

Случаи последних побегов также вписываются в «синдромом второго курса». Подростки из семей с высокими амбициями поступают в вуз, после чего родители расслабляются. В результате ребёнок остаётся один на один с этой жизнью и понимает, что не справляется с ситуацией, — не хватает знаний, умений, мотивации. Такому ребёнку всё время хочется бежать. А юноши чаще вступают в организации, подобные ИГИЛ, потому что просто любят риск. Кроме того, родители девушек быстрее реагируют на изменения в их поведении [Там же].

Вербовщики обычно ищут одиноких, замкнутых юношей и девушек, с которыми работают 2–3 месяца. Но главное, любой вербовщик применяет психологическое насилие. Представители агрессивных религиозных культов понимают, что семья будет сопротивляться. Поэтому, выбирая молодых, 17–19-летних, которые сами настроены на эмансипацию, отделение от семьи, они начинают работать на разрыв с родными и внушать, что им досталась плохая семья [12]. При этом лето — самый опасный сезон для родителей. В данное время года существенно возрастает риск побега. Это связано с тем, что заканчивается учёба и у подростков появляется свободное время [Там же].

У каждого из наемников, вступающих в ИГИЛ, свои мотивы оказаться там, в том числе *идеологические*. По оценке экспертов, численность добровольцев, кроме россиян, прибывших в ИГИЛ

из разных стран, в том числе европейских (Швеции, Франции и других), от 25 до 28 тыс. При этом бóльшая часть прибывших — из семей представителей среднего класса, а вовсе не люди из низов, не сумевшие адаптироваться, как это иногда хотят представить [6].

В последнее время набирает обороты феномен европейских боевиков в Сирии — образованные молодые англичане, французы и русские сами вступают в ряды радикалов, считает исследователь технологий управления массами, публицист и политолог А. Жилин. Чаще всего адептами различных учений становятся люди, имеющие некую потребность в высшей идее, удовлетворить которую у себя на родине они не могут, поэтому уезжают воевать за сомнительные ценности [Там же].

Один из болезненных моментов, которые используют вербовщики, — это социальная несправедливость, которая установилась по всему миру, социальное расслоение общества, когда большинство населения влачит жалкое существование [25]. Где больше всего *социальное расслоение* — там больше успех у вербовщиков. А. Жилин пришел к такому выводу: вербовщики работают с людьми, которые только что перенесли какое-то горе, когда у человека сознание совершенно открыто для того, чтобы туда «вложить» псевдоценности. Для этого используются разные формы, и если раньше подобное делалось на уровне любителей, то сейчас этим занимаются профессиональные психологи, психиатры и люди, прошедшие специальное обучение [12].

Вероятно, среди причин приобщения к ИГИЛ следует упомянуть и *суицидальный фактор* [21]. В большинстве стран мира, в том числе и в современной России, существует немало людей, обнаруживающих суицидальные наклонности (о чем свидетельствует статистика суицидов). Для таких людей вступление в ряды ИГИЛ — возможность расстаться с жизнью «наиболее эффективным способом» и при этом замаскировать суицид под борьбу за идею.

Вербовщики редко идут на визуальный контакт. Их основная рабочая площадка-ловушка — Интернет, социальные сети, группы по интересам, сайты знакомств. Здесь они ищут себе собеседников и будущие жертвы [2].

Сложился стереотип, что вербовщиком ИГИЛ может быть только мужчина восточной наружности. Но это далеко не всегда так: среди террористов немало выходцев из США, Великобритании, Бельгии и других стран. Они прекрасно образованы, говорят по-английски, владеют IT-технологиями. Есть среди них выпускники престижных университетов, есть среди них и этнические славя-

не. Как правило, это люди с высшим образованием, которые знают не только русский, но и английский языки [Там же].

Вербовщики ИГИЛ являются искусными психологами-практиками и умело воздействуют на одиноких женщин, людей, попавших в сложную жизненную ситуацию. Больше всего на их «задушевные разговоры» поддаются молодые люди, не уверенные в себе, но увлеченные компьютерными играми и приложениями в различных гаджетах [Там же].

Большинство из них — это бывшие студенты или молодые люди, недавно окончившие вузы. Обычно их вербуют в ИГИЛ через Интернет [9].

Проведенный анализ показывает, что абсолютное большинство было завербовано в процессе получения именно *религиозного образования* как за рубежом, так и на территории России. Там у верующей молодежи и было сформировано экстремистское мировоззрение [10].

Из находящихся в ИГИЛ примерно 2,5 тыс. россиян большинство составляет молодежь. Одна из причин — это недовольство существующим положением, когда практически сложно законными методами повысить свое благосостояние. Данный довод широко используется и утрируется вербовщиками. Им говорят, что, уехав в ИГИЛ, они будут жить в исламском государстве, найдут справедливость, но если понадобится, должны будут воевать. Вербовщики весьма хитры и подготовлены, владеют приемами идеологической обработки, являются хорошими практическими психологами. До недавнего времени под их влияние попадали тысячи молодых людей. Переживание социальной напряженности, обусловленной неумением молодых людей адаптироваться к новым политическим и экономическим реалиям жизни [16; 20], плохое материальное положение могут проявляться в различных формах, в том числе в виде совершения различного рода экстремистских действий [10].

Еще одна проблема, способствующая возникновению напряженности в среде молодежи, это *отсутствие согласия* между приверженцами разных идеологий, верующими и неверующими, традиционалистами и салафитами. Для раздувания этих противоречий в Интернет-ресурсах регулярно размещаются материалы, оправдывающие деятельность террористов высокими религиозными идеалами [Там же].

Среди причин, которые побуждают молодых мусульман отправиться на «джихад» в Сирию, переехать жить в «халифат», эксперты отмечают желание участвовать в создании идеального, с их точки

зрения, государства, стремление послужить великой благородной идее построения справедливого общества, приключенческий азарт, поиск жениха-«правильного» мусульманина (одна из мотиваций для девушек), а для некоторых — страсть к физическому насилию. ИГИЛ привлекает еще и тем, что он, в отличие от многих ему подобных террористических группировок, уже на большой территории провозгласил «халифат», сумев от слов перейти к делу и воплотить в жизнь заветную мечту нескольких поколений исламистов, мечтающих о реванше исламского мира. Именно по этой причине, например, с территории Северного Кавказа значительная часть боевиков «Имарата Кавказ» перебралась в Сирию: одно дело долго и безрезультатно воевать партизанскими методами в горах и лесах за умозрительное исламское государство, совершенно другое — на конкретной территории реализовывать на практике этот идеал [8].

Исследователи полагают, что «социальная неопределенность – тревожность и риски, деформация общественных ценностей и правосознания — негативно влияют на нравственно-психологическое сознание и поведение молодежи, повышают уровень ксенофобии и нетерпимости. Молодое поколение (особенно в подростковом возрасте) не имеет достаточно твердой установки на неприятие идей экстремизма и терроризма и, тем более, противодействие им», и поэтому «при таких условиях деструктивным силам легче использовать мало просвещенную молодежь для пропаганды идей экстремизма и терроризма, раскачивания ситуации в регионе, вплоть до прямого негативного влияния на власть» [Там же].

Таким образом, среди *причин вступления* молодых людей, в том числе российских граждан, в ИГИЛ значительное место занимают психологические, а *основные* среди них следующие:

- 1) ненависть к Западу, западному образу жизни и его основным порокам;
- 2) отсутствие смысла в жизни и потребность в его настойчивым поиске;
- 3) романтические мотивы, влияние друзей и родственников;
- 4) агрессивность и склонность к насилию;
- 5) стремление к радикальному изменению своей жизни;
- 6) суицидальные мотивы;
- 7) частные личностно-психологические обстоятельства;
- 8) ненависть к окружающим и обиды на них;
- 9) потребность в самоутверждении;
- 10) идейные мотивы;

- 11) переживание нравственной деградации современного общества;
- 12) низкий уровень религиозной культуры населения, плохое знание ислама;
- 13) высокая эффективность психотехнологий, используемых ИГИЛ в процессе вербовки;
- 14) привлекательность образов ИГИЛ как «нового общества», «несчастливого государства», на которое «все набросились», и т. п.;
- 15) идеологический вакуум, то есть крушение конкретной идеологии и отсутствие ее удовлетворительной замены;
- 16) юношеское бунтарство, стремление во всем противоречить старшему поколению и др.

Литература

1. Вайс М., Хасан Х. Исламское государство: армия террора. М.: АНФ, 2016.
2. Дарсигов М. Ведется работа по противодействию вербовке молодежи в ряды ИГИЛ. 1 декабря 2015 г. URL: <http://www.kavpolit.com/articles/ig-21750/>.
3. Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2013.
4. Ениколопов С.Н. Терроризм и агрессивное поведение // Национальн. психол. журн. 2006, ноябрь. С. 28–32.
5. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Макропсихологическое состояние современного российского общества // Экономическая наука современной России. 2012. № 2. С. 137–140.
6. Кого в России вербует ИГИЛ... URL: <http://www.gazetaeao.ru/birobidjanskaya-zvezda/751735521.10.2015/kogo-v-rossii-verbuet-igil.html>.
7. Левашов В.К. Социополитическая динамика российского общества: 2000–2006 гг. М.: Academia, 2007.
8. Методы и формы агитации ИГИЛ в социальных сетях в Интернете. 15 декабря 2015 г. URL: <http://www.apn.ru/publications/article34201.htm>.
9. На стороне ИГИЛ в Сирии воюют два десятка жителей Ростовской области. 15 декабря 2015 г. URL: <http://yug.svpressa.ru/society/news/129080/>.
10. Ничего общего с исламом. 3 ноября 2015 г. URL: <http://mahachkala.monavista.ru/news/1086706/>.
11. Почему вступают в ИГИЛ? 16 ноября 2015 г. URL: http://medportal-online.ru/?ad=996860&site=72102___vBEJhS4Wuh&newsId=45&utm_source=72102&utm_content=996860.
12. Почему дети бегут в ИГИЛ. URL: <http://www.metronews.ru/novosti/pochemu-deti-begut-v-igil/Трооofq---8r344Jgтk9K1E/>.
13. Психологические исследования проблем современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
14. Психологические проблемы современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
15. Психолог: Петербуржцы вступают в ИГИЛ, потому что нажать на курок проще, чем проявить упорство. 2 октября 2015 г. URL: <http://nevnov.ru/>

- 138645-psixolog-peterburzhcy-vstupayut-v-igil-potomu-chto-nazhat-na-kurok-proshhe-chem-proyavit-uporstvo.
16. Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты. М.: Наука, 2007.
 17. Россия: Трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001.
 18. Россияне объяснили желание молодых людей вступить в ИГ зомбированием и жадой денег. 3 июля 2015 г. URL: <http://www.interfax.ru/russia/451466>.
 19. Русин А. Зачем уходят в ИГИЛ? URL: <http://tehnowar.ru/27565-zachem-uhodyat-v-igil.html>.
 20. Современная социальная реальность России и государственное управление: социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 году. Том 1. М., 2014.
 21. *Соснин В.А.* Психология суицидального терроризма: исторические аналогии и геополитические тенденции в XXI веке /Под ред. А.Л. Журавлева. И.: ФОРУМ, 2012.
 22. Соснин В.А., Нестик Т.А. Современный терроризм. Социально-психологический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
 23. Тайное и явное террористической группировки ИГИЛ. 7 марта 2015. г. URL: <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http%3A%2F%2Fruussian.irib.ir>.
 24. Феномен и категория зрелости в психологии. М.: ИП РАН, 2007.
 25. Юревич А.В., Журавлев А.Л. Социально-психологические последствия неравенства доходов // Вопросы психологии. 2013. № 4. С. 45–57.

Сигарева Е. П.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕКЛАМЫ

Сигарева Евгения Петровна, кандидат экономических наук, заведующая сектором воспроизводства населения ИСПИ РАН, sigarevae@mail.ru

Аннотация: В статье представлена роль рекламы, а также общего информационного климата, влияющих на демографическое состояние в разные периоды зарубежной и отечественной истории. Рассмотрены недостатки современной рекламы и СМИ в процессе реализации целей демографического развития. Выявлена необходимость более профессионально и комплексно осуществлять проекты, направленные на пропаганду здорового образа жизни, рост рождаемости, укрепление семейных ценностей, учитывая специфику восприятия российского населения и стратегические цели демографической политики.

Ключевые слова: Демография, реклама, имидж, СМИ, беби-бум, информация, пропаганда, демографическое развитие, коммерческая реклама, социальная реклама.

Усиление роли России на международной арене в новом тысячелетии обострило и информационную войну, существенным элементом которой является демографическая сфера. Как научная категория имидж (от англ. Image «образ», «изображение») представляет собой образ, создаваемый в общественном и индивидуальном сознании средствами массовой коммуникации, с целью формирования определенного отношения к объекту. По мнению многих специалистов, имидж является важным элементом для описания объективной действительности, но в тоже время может искусственно закрепляться благодаря специальной деятельности. Демографический имидж государства, являясь частным случаем общего имиджа страны, может и реально отражать специфику демографических процессов, и намеренно искажаться. В этом смысле современный образ демографического настоящего и будущего России является неустойчивым как во внешней, так и во внутренней ориентации.

Во внешней сфере, то есть на международном уровне, демографический имидж России подвергся серьезному пересмотру, обусловленному двумя факторами: развалу СССР и депопуляции. Геополитические позиции России, ее витальный показатель — соотношение территории и населения, — требовали нового позиционирования. Вместо СССР, являвшегося самой крупной

по территории и входившего в первую тройку стран по численности населения, с растущим населением, предстала страна, с огромной территорией, но стремительно сокращающимся населением и такими экономическими проблемами, которые «ломали» прежнее представление о ее геополитической роли. Вступление новой России в депопуляционную стадию демографического развития, вызвали шквал футуристических оценок ее исчезновения. Особенно бесперспективно выглядит народонаселение России за ее пределами, то есть, внешний демографический имидж. Даже, если только перечислить названия статей, которые появляются в средствах массовой информации ряда стран мира, то демографический образ России в них дает основание предполагать, что это страна с которой можно будет постепенно перестать считаться: «Россия вымирает» («Salon24», Польша); «Российский народ вымирает рекордными темпами от болезней, самоубийств, алкоголизма и наркомании» («Los Angeles Times», США); «А если Россия исчезнет?» («La Vanguardia», Испания); «Русские скоро кончатся» («The Wall Street Journal», США); «Смерть России» («Wprost», Польша); «Россия совершает демографическое самоубийство» («The Economist», Великобритания); «Слишком мало и слишком поздно для России» («Japan Times», Япония); «Демографическая пустыня России» («Le Monde», Франция); «Мужчинам России грозит вымирание» («Die Welt», Германия); «Все говорит о том, что Россия — недееспособное государство» («Japan Times», Япония).

После появления данных очередного прогноза Департамента экономических и социальных дел Секретариата ООН до 2050 г.¹ перспективы демографического развития России стали признаваться неутешительными.

Обладая огромными ресурсами и территорией, Россия обречена встать в оборонительную позицию за них в перспективе. Уже сейчас раздаются голоса в поддержку геополитических изменений в ущерб России. Так, авторы нашумевшей книги «Проклятие Сибири» Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди объясняют, что «огромные размеры России — не сила, а недостаток, который следует преодолевать. Они создают особые проблемы в сферах экономической конкурентоспособности и эффективного управления». И далее, «Русским необходимо начать считать огромные пространства

¹ Source: Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat, World Population Prospects: The 2006 Revision and World Urbanization Prospects: The 2005 Revision, <http://esa.un.org/unpp>

к востоку от Урала российскими, но не Россией».¹ Основная рекомендация этих специалистов — проводить «политику депопуляции» сибирских территорий и вывезти российское население в европейскую часть. Другой источник — «Российский региональный экологический центр», позиционирующий себя как «независимую российско-европейскую организацию, внедряющую передовые идеи, стандарты и лучший мировой опыт для экологического благополучия России» организовал конференцию «Ресурсное проклятие» для стран-экспортеров нефти», в пресс-релизе которого звучит: «Вместо экономического развития, поддерживаемого эксплуатацией природных ресурсов, в таких странах наблюдаются бедность, коррупция, политическая нестабильность и даже гражданские войны...».² В более серьезных источниках, докладе, который представил Национальный разведывательный совет (НРС) — главный консультационный орган директора Национальной разведки США Майкла Макконнелла, говорится, что в ближайшие десятилетия «стратегическое соперничество, вероятнее всего, будет происходить вокруг торговли, инвестиций и технологических новшеств, и мы не можем исключить того, что события станут развиваться по сценариям XIX столетия с его гонкой вооружений, территориальными экспансиями и военным соперничеством».³ Отмечая имеющийся потенциал России, Макконнелл признал, что России «нужно будет больше интегрироваться в мировую экономику, стать более открытыми для внешнего мира, противодействовать своим весьма негативным демографическим тенденциям, заниматься проблемами здравоохранения и нехватки капиталовложений».⁴

Попытки закрепить за Россией образ «умирающей страны» обосновываются различными теориями. Тотальность демографического «коллапса» связывается почти со всеми социально-демографическими показателями: сокращение численности населения; соотношение «коренных русских» и «покоренных народов»⁵; продолжительность жизни⁶; снижение рождаемости; политика в демографической сфере⁷; урбанизация, мигрантофобия, алко-

¹ Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Проклятие Сибири. О том, как коммунистическое планирование выставило Россию на мороз. Вашингтон: Институт Брукингса, 2003. 270 с.

² Сергей Лопатников Ресурсное проклятие / <http://www.profile.ru/items/?item=24050>

³ Разведка США пророчит России светлое будущее в ближайшие 17 лет / <http://news.mail.ru/politics/2185512/>

⁴ Разведчики США открыли будущее России / <http://www.dni.ru/polit/2008/11/1/152417.html>

⁵ Россия вымирает («Salon24», Польша): <http://www.inosmi.ru/stories/05/09/02/3453/241145.html>

⁶ Демографические парадоксы России («Washington ProFile», США): <http://www.inosmi.ru/translation/236430.html>

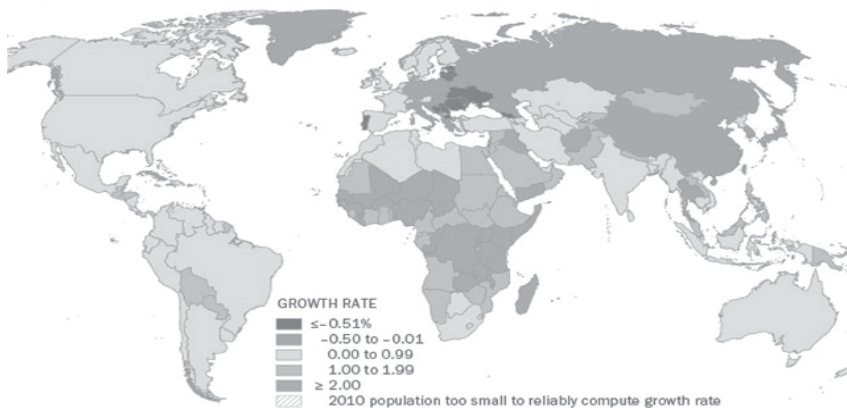
⁷ Русские скоро кончатся («The Wall Street Journal», США): <http://www.inosmi.ru/translation/227617.html>

голизм, распространение ВИЧ-инфекции, смертность в дорожно-транспортных авариях и т. д.¹ Находится любой повод, для того чтобы сформировать негативное представление о демографических перспективах России (рис. 1). Даже, когда имеются позитивные явления в современных процессах, акцентируется внимание на их исторических негативных максимумах.

Характер стереотипов, представленных в качестве внешнего демографического образа, а также интенсивность и актуальность воздействия на зарубежную аудиторию свидетельствует о том, что формирование определенного образа России в части ее демографического развития хорошо организовано и целенаправленно, но не самой Россией. Такая политика направлена на подготовку мирового сообщества к пересмотру геополитических императивов России.

Представления о демографической составляющей имиджа внутри России еще более неустойчивы и неопределенны. В общественном сознании нет представления о том, кто «мы», сколько «нас» должно быть, из кого «мы» состоим, надо ли «нам» численно расти? Все источники пополнения российского населения при актуализации демографических проблем подвергаются ревизии не только с позиций специалистов, но и простых обывателей.

Projected Annual Growth Rate of Country Populations, 2010-2050

Source: The Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010-2050

PEW RESEARCH CENTER

Рис. 1. Прогнозные данные американского аналитического агентства

¹ Смерть России («Wprost», Польша): <http://www.inosmi.ru/translation/216658.html>

Внутри российского общества нет аргументированных идей о том, сколько надо иметь детей, и надо ли это каждому, живущему в России, или государству? Несмотря на многочисленные социологические обследования, в которых дети и семья занимают первый ранг в системе ценностей россиян, в общественном транспорте не уступают место беременным женщинам и матерям с детьми. Многодетные семьи не вызывают должного уважения у окружающих (см. например, как увеличивается негативное отношение молодежи к семьям в зависимости от числа в них детей, рис. 2). И только сейчас в отношении них стал на государственном уровне формироваться позитивный имидж.

Наше взаимное равнодушие приводит к тому, что ежегодно от рук преступников погибает около 2 тысяч детей, а около 50 тысяч несовершеннолетних находится в розыске. Число детей сирот ежегодно прирастает тысячами человек. Нет технологий по сохранению семей. Единственной практикой государственных органов опеки до недавних пор было изъятие ребенка из неблагополучных семей. Позитивное общественное настроение по отношению к поколению детей (не только к своим, но и к чужим) не должно выражаться только в показательных акциях в честь Дня защиты детей, Дне любви и семьи.

Известно, детерминация имиджа обусловлена получаемой информацией, степенью важности и внимания властных структур к проблеме. И в период, когда перестанут действовать меры материального порядка, важным становятся меры идеологическо-

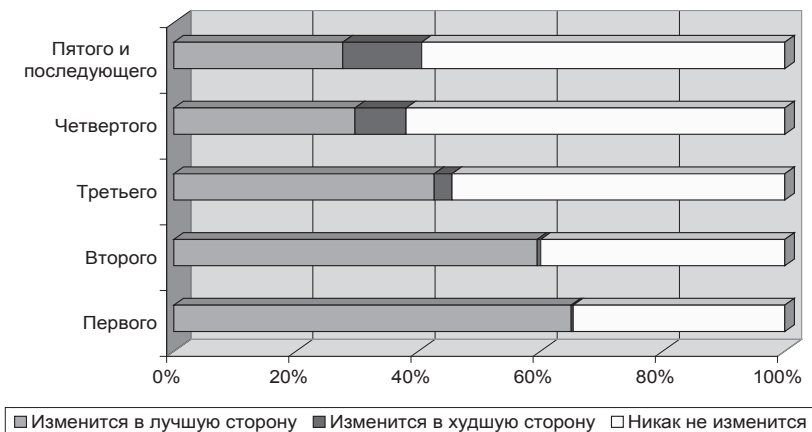

Рис. 2. «Изменится ли Ваше отношение к семьям Ваших знакомых, друзей, соседей после рождения в них очередного ребенка?»

го климата, в формировании которого существенную роль играет коммерческая и социальная реклама. Поэтому демографическое развитие, рост населения, благополучие семьи может лечь в основу национальной идеи России. А маркетинговые, рекламные методы могут способствовать ее продвижению.

Примером такого подхода может быть период беби-бума в западных государствах, в частности, в США. Вся идеологическая машина в период послевоенного беби-бума работала на прирост детского населения. Этому есть свои причины и последствия. В послевоенной Америке нужно было дать толчок экономическому развитию, а значит вызвать рост потребления, чем больше населения, а значит детей, тем больше потребителей. В это период соединились в своем взаимодействии несколько факторов. Маркетинг как наука вывел принцип: мы не должны производить то, что хотят купить, а должны вызвать спрос на то, что мы производим. То есть, благодаря маркетингу спрос формировался искусственно, а благодаря развитию ипотечного и потребительского кредитования возникла возможность удовлетворять спрос на все более новые товары.

Дети в этот период были выделены в особую группу потребления. Как только ребенок начинает говорить «дай», мы уже должны ему предложить товар — вот главный маркетинговый принцип того времени.

For a better start in life
start COLA earlier!

How soon is too soon?

Not soon enough. Laboratory tests over the last few years have proven that babies who start drinking sodas during that early formative period have a much higher chance of gaining acceptance and "fitting in" during those awkward pre-teen and teen years. So, do yourself a favor. Do your child a favor. Start them on a strict regimen of sodas and other sugary carbonated beverages right now, for a lifetime of guaranteed happiness.

The Soda Pop Board of America
1515 W. Hunt Ave. - Chicago, ILL.

basepando.com

"Merry Christmas, Grandma... we came in our new PLYMOUTH!"

Поэтому семейные ценности и повышение рождаемости в этот период стали иконой Америки. Работаящий папа, домохозяйка мама и дети, дом, купленный по ипотеке, машина, обстановка взятая в кредит, кухня с новыми техническими устройствами — вот национальная модель американской семьи в период беби-бума.

А Голливуд, как самый лучший пропагандистский инструмент способствовал расширению этой идеи.

Голливуд всячески пропагандировал эту американскую мечту. «Эта замечательная жизнь» так называется фильм Френка Капры, который воплощал и воплощает сокровенные желания американцев. Он для жителей США то же самое, что для россиян фильм Э. Рязанова «Ирония судьбы или с легким паром». Его так же показывают на каждое рождество до сих пор, и даже перевели в цветную версию.

Вообще тема рождества, дня благодарения в американском кинематографе играет особую роль. США относится к стране, где христианство возведено в государственную роль, кроме нее можно назвать еще Италию. Даже самый быстрый набор в Интернете «американские фильмы о рождестве» показывают более полусотни позиций. Это означает, что в последние пятьдесят лет в США выпускался почти каждый год фильм прославляющий семью, детей. Одни, из самых известных и любимых не только в США: Эта замечательная жизнь 1946 г., Чудо на 34 улице 1947 г., Три крестных отца 1948 г., Срудж 1951 г., Волшебное рождество 1985 г., Новая рождественская сказка 1988 г., День сурка 1993 г., Неспящие в Сиэтле 1993 г., Семьянин 2000 г., Требуется папа на рождество 2003 г., Миллион на рождество 2007 г. В таких фильмах не стеснялись сниматься звезды Голливуда Джеймс Стюарт, Керри Грант, Джон Уэйн, Шварцнегер, Бил Мюррей, Брюс Улисс, Николос Кейдж, Том Хэнкс и др.

Поэтому роль Голливуда в формировании послевоенного беби-бума трудно переоценить. Он создал образец национальной модели семьи Америки, где четверо или пятеро детей стали типичными.

Но кинематограф может и негативно влиять на результаты демографического развития. Так, телесериалы привели к снижению рождаемости в Бразилии. Из-за пристрастия жителей к сериалам в Бразилии за 20 лет рождаемость снизилась на 3 миллиона че-

ловек. Кроме того, повысилась частота разводов. Роль «мыльных опер» в этом процессе выявили по отрицательной динамике показателей в регионах, где начиналась работа транслирующей их телевизионной сети TV Globo.

Бразильские исследователи подвергли анализу демографические данные с 1971 по 1991 год. Оказалось, что в районах страны, где начиналась трансляция TV Globo, достоверно снижалась рождаемость и увеличивалось число разводов. Всего, по подсчетам ученых, из-за сериалов за 20 лет в стране родилось на 3 миллиона меньше детей и произошло на 800 тысяч больше разводов. По словам одного из авторов исследования Альберто Чонга (Alberto Chong), причиной такого воздействия могли стать «идеалы наживы», свойственные верхним слоям населения, о которых снимается большинство «мыльных опер». Женщины из этих слоев, с одной стороны, более богаты и образованны, чем поклонники сериалов, а с другой — они чаще разводятся и имеют меньше детей. Исследователи установили, что когда главная героиня популярного сериала по сюжету расставалась с мужем или возлюбленным, количество разводов в регионах, где транслировался сериал, увеличивалось в среднем на 0,1 процент. И хотя это число кажется небольшим, в пересчете на 190-миллионное население Бразилии и десятки лет оно выглядит весьма внушительно.¹

Примером пронаталистической политики может служить и советский период, когда стали осуществляться меры по сокращению заболеваемости детей и детской смертности. Учитывая, что, по мнению психологов, около 80% информации человек воспринимает через визуальную систему, в этот период широко стало распространяться плакатное искусство, посвященное пропаганде здоровья и заботы о детях, примеры которого представлены ниже.

Эта пропаганда, которую сейчас бы называли социальной рекламой, была широко поддержана на государственном уровне и стала тотальной.

В послевоенный период возникла необходимость повысить рождаемость населения для компенсационного роста численности из-за военных потерь. Одной из мер стало учреждение звания матери-героини, что также нашло отражение в рекламе того периода. Отметим, что в СССР почётное звание матери-героини (с вручением грамоты от Верховного Совета страны и ордена) стали давать ещё в Великую Отечественную войну, чтобы поощрить матерей, которые воспитали или родили десять детей или даже больше.

¹ <http://medportal.ru/mednovosti/news/2009/04/08/soap/>

открытках, кинофильмах, во всем информационном пространстве того времени.

Постсоветский период, прервав идеологическую связь времен, разрушив систему пропаганды, в рекламный «бизнес» привнес свои методы, которые слабо согласуются с целями демографического возрождения страны.

Во-первых, на законодательном уровне рекламную сферу регулирует Закон о рекламе, где в статье 6 сказано:

В целях защиты несовершеннолетних от злоупотреблений их доверием и недостатком опыта в рекламе не допускаются:

1) дискредитация родителей и воспитателей, подрыв доверия к ним у несовершеннолетних;

2) побуждение несовершеннолетних к тому, чтобы они убедили родителей или других лиц приобрести рекламируемый товар;

3) создание у несовершеннолетних искаженного представления о доступности товара для семьи с любым уровнем достатка;

4) создание у несовершеннолетних впечатления о том, что обладание рекламируемым товаром ставит их в предпочтительное положение перед их сверстниками;

5) формирование комплекса неполноценности у несовершеннолетних, не обладающих рекламируемым товаром;

6) показ несовершеннолетних в опасных ситуациях;

7) преуменьшение уровня необходимых для использования рекламируемого товара навыков у несовершеннолетних той возрастной группы, для которой этот товар предназначен;

8) формирование у несовершеннолетних комплекса неполноценности, связанного с их внешней непривлекательностью.¹

Эти ограничения для коммерческой рекламы в использовании образа детей настолько сложны для исполнения, что для рекламистов легче не использовать детские лица в рекламе, чем использовать. Это привело к тому, что в постсоветский период из визуального пространства исчезли дети и семьи с детьми, и до недавнего времени коммерческое рекламное пространство было заполнено лишь лицами молодого и среднего возраста, демонстрирующие свое благополучие. На подсознательном уровне это был посыл, который доказывал, что семьи и дети не «вписываются» в среду благополучных людей. С психологической точки зрения важна триада, которая формирует поведение и, в том числе, демографическое: ОБРАЗ — ОБРАЗЕЦ — МОДЕЛЬ ПОВЕДЕНИЯ. В этом отношении

¹ Закон «О рекламе» // <http://docs.cntd.ru/document/901971356>

такая коммерческая реклама, если и отвечает концепции бизнеса, то противоречит целям демографического развития.

Во-вторых, на методах пропаганды и рекламы советских времен было поставлено «клеймо» как на недостойных современного этапа развития новой России и в рекламном бизнесе стали широко использоваться методы западного рекламного образца, в частности метод шок-рекламы. Особенно выразительно эта тенденция присутствовала в социальной рекламе. Не учитывая культурные и ментальные особенности российского населения, рекламное пространство заполнили примеры действительно «шокирующей» рекламы, касающейся проблем материнства и детства, социальных болезней общества. Это, в свою очередь, вызывает проблему когнитивного диссонанса, что также не способствует формированию поведения населения страны, направленного на демографическое развитие. Более того, «благодаря» рекламному проекту про белочку, который был направлен на борьбу с алкоголизмом, заказанный Минздравом РФ и финансируемый бюджетом, появился новый алкогольный продукт — водка «Белочка» и новый бренд. То есть, эффект от такой рекламы прямо противоположный. Поэтому часто проекты социальной и коммерческой рекламы сопровождаются скандалами. Можно вспомнить скандал с рекламной кампанией вновь открывающегося магазина «Детский мир» в г. Москве, когда лучший и главный (в представлении всех детей страны и их родителей) мир игрушек использовал тему «застенок Лубянки». Такое «креативное» мышление рекламистов этого проекта справедливо вызвало протестный резонанс общества.

В-третьих, отсутствие понимания демографических целей страны, недостаточный профессионализм современных «рекламщиков» и журналистов приводит к тому, что появляется рекламная продукция, не соответствующая смыслу и духу демографического возрождения. Так, официальный логотип Года семьи в 2008 г. «нацелил» население на создание однопоколенной двухдетной семьи, что для демографического развития России недостаточно. И этот образ двухдетной семьи сейчас тиражируется во всех возможных рекламных проектах.

Такая некомпетентность рекламной среды с точки зрения демографических

**СОВРЕМЕННАЯ
РОССИЙСКАЯ
СЕМЬЯ!**

**Бережёт ресурсы
страны!!!**

**Уходя из дома,
выключает свет!!!**

целей страны сопровождается активизацией противоположных антинаталистских идей, все больше захватывающих информационное пространство. Так, например, в газете «Метро», которая позиционирует себя как «крупнейшую российскую ежедневную новостную газету» и которая реально могла бы стать «великим коммуникатором» позитивной информации, только в октябре 2015 г. дважды содержался «апоколептический» сюжет в отношении семьи и брака. «В общем, в будущем, институт секса, а, следовательно, брака будет находиться в затыжном кризисе» — так прогнозирует «эксперт по семейным отношениям» Н. Лисовенко.¹ Целый разворот посвящен движению «чайлдфри» в России у журналиста А. Ширинкина.² В общем, такой современный информационный и рекламный климат не может отвечать требованиям благоприятного отношения к современным демографическим проблемам.

В качестве предложения по изменению сложившейся ситуации хотелось бы предложить разработать концепцию социальной рекламы в области демографического развития, включающую унификацию целей и задач, методов и мер различных ведомств и представителей бизнеса в деятельности по пропаганде пронаталистического вектора в информационном и рекламном пространстве России.

¹ Секс выживет, но его будет мало // Газета «Метро», 21 октября 2015 г.

² Некоторым девушкам дети не нужны // Газета «Метро» 28 октября 2015 г.

Литература

1. Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Проклятие Сибири. О том, как коммунистическое планирование выставило Россию на мороз. Вашингтон: Институт Брукинга, 2003. 270 с.)
2. Сергей Лопатников Ресурсное проклятие / <http://www.profile.ru/items/?item=24050>
3. Разведка США пророчит России светлое будущее в ближайшие 17 лет / <http://news.mail.ru/politics/2185512/>
4. Разведчики США открыли будущее России / <http://www.dni.ru/polit/2008/11/1/152417.html>
5. Россия вымирает («Salon24», Польша): <http://www.inosmi.ru/stories/05/09/02/3453/241145.html>
6. Демографические парадоксы России («Washington ProFile», США): <http://www.inosmi.ru/translation/236430.html>
7. Русские скоро кончатся («The Wall Street Journal», США): <http://www.inosmi.ru/translation/227617.html>
8. Смерть России («Wprost», Польша): <http://www.inosmi.ru/translation/216658.html>
9. <http://medportal.ru/mednovosti/news/2009/04/08/soap/>
10. Закон «О рекламе» // <http://docs.cntd.ru/document/901971356>
11. Секс выживет, но его будет мало // Газета «Метро», 21 октября 2015 г.
12. Некоторым девушкам дети не нужны // Газета «Метро» 28 октября 2015 г.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ МНОГОДЕТНОСТИ В РОССИИ

Сивоплясова Светлана Юрьевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра социальной демографии и экономической социологии Института социально-политических исследований РАН, svetlankamos84@rambler.ru

Аннотация: Актуальная тема многодетности и ее структурного выражения в статистических базах рассмотрена в данной статье с позиций перспектив преодоления депопуляционных тенденций в современной России. Потенциал многодетности российских домохозяйств и семей анализировался в контексте региональных различий и сельско-городских особенностей. Предложенная в работе типология регионов по уровню многодетности позволит разработать более детализированные меры региональных демографических программ.

Ключевые слова: демография, рождаемость, многодетность, воспроизводство населения, депопуляция, домохозяйство, семья, регионы, демографическая политика.

Одной из самых актуальных проблем в современной России является демографическая проблема. После распада СССР и перехода экономики на рыночные «рельсы» развития в стране начала резко снижаться рождаемость и повышаться смертность. Более двадцати лет наблюдалась депопуляция. Однако, в 1990-е гг. этой проблеме не уделялось достаточно внимания. И, вероятно, это стало одной из причин того, что в 1999 г. показатели рождаемости достигли исторического минимума (1,16 ребёнка в расчёте на одну женщину репродуктивного возраста). В 2000 г. на проблему воспроизводства населения обратили внимание на всех уровнях государственной власти. Импульсом для этого стало Послание Президента России В.В. Путина Федеральному Собранию, в котором он сказал: «Мы привыкли смотреть на Россию как на систему органов власти или как на хозяйственный организм. Но Россия — это, прежде всего, люди, которые считают её своим домом. Их благополучие и достойная жизнь — главная задача власти. Любой! Однако сегодня в нашем доме далеко до комфорта. Ещё очень многим трудно растить детей, обеспечивать достойную старость своим родителям. Трудно жить.

Нас, граждан России, из года в год становится все меньше и меньше. Уже несколько лет численность населения страны в среднем ежегодно уменьшается на 750 тысяч человек. И, если верить прогнозам, а прогнозы основаны на реальной работе, реальной работе людей, которые в этом разбираются, этому посвятили всю свою жизнь, уже через 15 лет россиян может стать меньше на 22 миллиона человек. Я прошу вдуматься в эту цифру: седьмая часть населения страны. Если нынешняя тенденция сохранится, выживаемость нации окажется под угрозой. Нам реально грозит стать дряхлеющей нацией. Сегодня демографическая ситуация — одна из тревожных» [2].

К счастью, представленный прогноз не оправдался. Во многом благодаря тем мерам государственной демографической политики, которые реализовывались в 2000-е гг. в России. Однако, 3,2 млн. человек, на которые сократилась численность нашей страны за этот период — очень большая цифра. Она сопоставима с численностью жителей Нижегородской или Самарской областей.

И все же за первые четырнадцать лет нового тысячелетия демографическая ситуация в России изменилась в лучшую сторону. Повысилась рождаемость (на 0,6 млн. человек с 2000 г. по 2014 г.), снизилась смертность (на 0,4 млн. человек с 2000 г. по 2014 г.) [4]. В 2013 г. удалось переломить депопуляцию. В стране, впервые в новейшей истории, был отмечен естественный прирост населения. Важным позитивным моментом в динамике рождаемости является то, что значительную долю среди родившихся составляют вторые и последующие дети. Если в 2000 г. вторые и последующие рождения составляли около 41%, то в 2009 г. — 48% [1].

Однако, несмотря на позитивные тенденции в демографической сфере в настоящее время проблемы все ещё сохраняются. Суммарный коэффициент рождаемости не достигает даже уровня простого воспроизводства населения, а численность женщин, находящихся в наиболее активном детородном возрасте, сокращается. Поэтому для сохранения и развития положительной динамики демографических показателей требуется, чтобы всё большее число семей становились многодетными, то есть семьями с тремя и более детьми.

Согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 г. доля домохозяйств с тремя и более детьми составляет 3,1% от общего числа домохозяйств. Это на 0,5% выше, чем в 2002 г., но, вместе с тем, на 1,5% меньше, чем в 1989 г. (таблица 1).

Среди домохозяйств, имеющих детей до 18 лет, в 2010 г. многодетные семьи составляют 7%, что на 0,4% выше, чем в 2002 г., двух детей имеют 27,5% семей, одного ребёнка — 65,5% (рисунок 1).

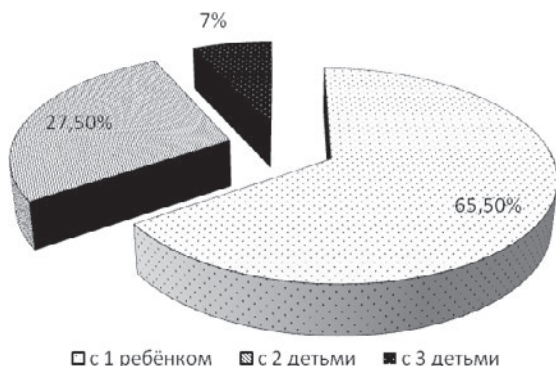
Таблица 1. Структура российских домохозяйств по количеству детей в 2002 и 2010 годах, %

Типы домохозяйств	Годы	1989	2002	2010
	Домохозяйства без детей		53,4	59,9
Домохозяйства с 1 ребёнком		23,7	28,2	28,9
Домохозяйства с 2 детьми		18,3	11,3	12,1
Домохозяйства с 3 и более детьми		4,6	2,6	3,1

Составлено по данным официального сайта Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс] // www.gks.ru

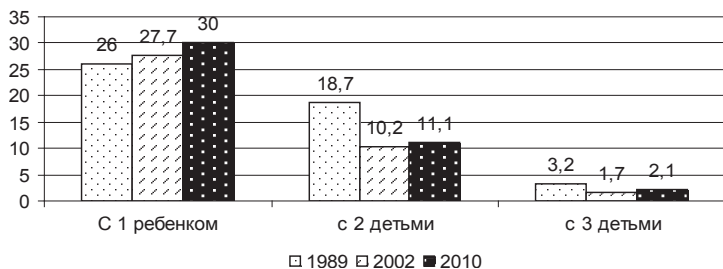
Среди городского и сельского населения многодетные домохозяйства имеют разную долю. Домохозяйства с тремя и более детьми наиболее распространены в сельской местности — 6,1%, в то время как в городе их доля составляет 2,1%. Причём в межпереписной период доля многодетных домохозяйств в городе увеличилась на 0,4%, а в сельской местности — на 0,6%. Вместе с тем, доля домохозяйств в двумя детьми увеличилась на 0,9% в городе и на 0,6% в селе. Исходя из этого, можно предположить, что меры демографической политики, реализуемые в 2000-х гг. стимулировали вторые рождения в городе и третьи — в селе (рисунки 2, 3).

Структура домохозяйств по числу детей в них крайне неоднородна в региональном разрезе. Анализ долей домохозяйств с детьми в общей численности домохозяйств показал, что доля домохозяйств с одним ребёнком слабо изменяется в зависимо-

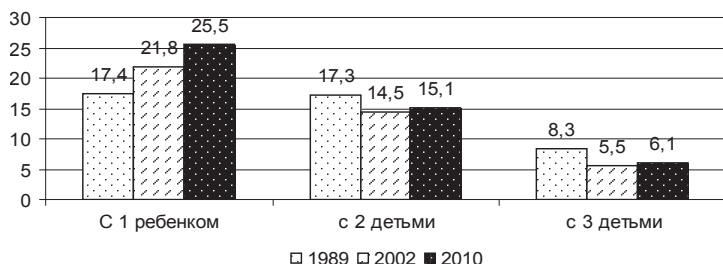
Составлено по данным официального сайта Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс] // www.gks.ru

Рис. 1. Распределение домохозяйств по числу детей до 18 лет в 2010 году, %

Составлено по данным официального сайта Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс] // www.gks.ru

Рис. 2. Доля домохозяйств с детьми в общем числе домохозяйств (городское население), %

Составлено по данным официального сайта Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс] // www.gks.ru

Рис. 3. Доля домохозяйств с детьми в общем числе домохозяйств (сельское население), %

сти от федерального округа. Совершенно иная ситуация складывается при анализе доли домохозяйств с тремя и более детьми. Их доля изменяется от 1,7% домохозяйств от общей численности домохозяйств в Северо-Западном федеральном округе до 14,6% в Северо-Кавказском (таблица 2).

Если объектом анализа будут семьи с детьми, то картина распространения многодетности окажется несколько иной. Так по данным Всероссийской переписи 2010 г. доля многодетных семей в России составляет 2,5% от общего числа семейных ячеек и 5,8% от численности семей с детьми до 18 лет (рисунок 4).

Таким образом, за межпереписной период доля многодетных семей практически не изменилась. Некоторое её увеличение, возможно, связано с ростом численности женщин в наиболее активном детородном возрасте, рождённых в 1980-х гг. и имеющих более высокие репродуктивные ориентации.

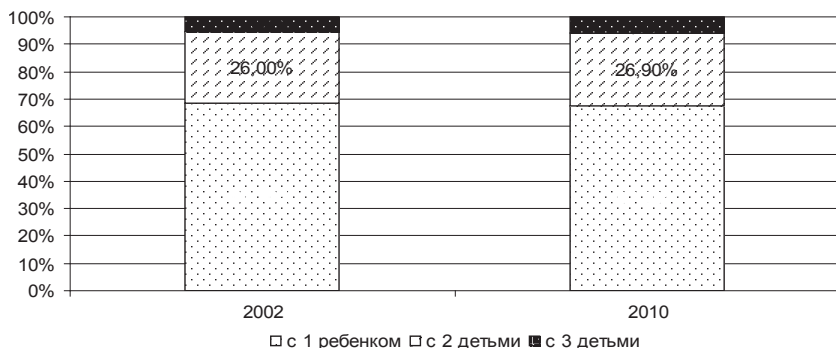
Также как и среди домохозяйств, среди семей существует дифференциация по уровню многодетности между городом и сельской

Таблица 2. Доля домохозяйств с детьми в общем числе домохозяйств в 2010 г. (федеральные округа), %

Федеральные округа \ Тип домо-ва	С 1 ребенком	С 2 детьми	С 3 и более детьми
ЦФО	28,2	9,9	1,8
СЗФО	30,0	10,1	1,7
ЮФО	28,2	13,0	3,0
СКФО	24,8	19,4	14,6
ПФО	29,4	12,5	2,5
УФО	28,6	14,7	2,9
СФО	29,9	13,1	3,3
ДФО	31,0	12,7	3,1

Составлено по данным официального сайта Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс] // www.gks.ru

местностью. Так, в городе доля семей с тремя и более детьми составляет 1,6% от общего числа семей и 3,8% от численности семей с детьми до 18 лет. В сельских населённых пунктах уровень многодетности в 3 раза выше: 4,8% от общей численности семей и 10,9% от числа семей, имеющих детей до 18 лет. То есть многодетные семьи преимущественно проживают в сельской местности.

Составлено по данным официального сайта Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс] // www.gks.ru

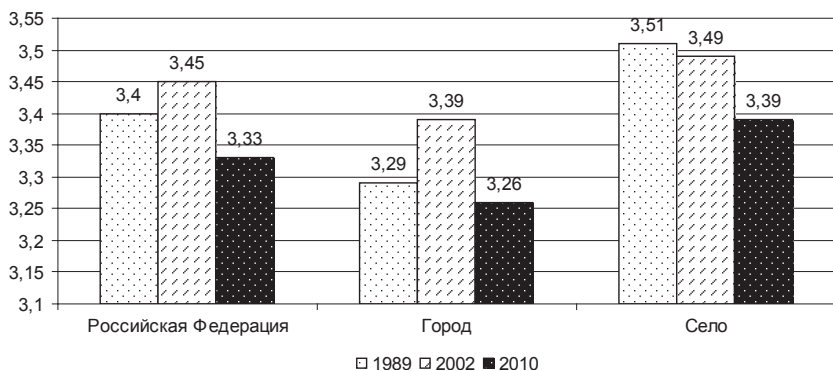
Рис. 4. Распределение семейных ячеек по числу детей до 18 лет в 2002 и 2010 гг., %

По данным переписи 2010 г. в многодетных семьях воспитывается 12,8% детей, что на 2,9% ниже, чем в 2002 г. и значительно ниже показателей 1989 г., когда каждый пятый ребёнок воспитывался в многодетной семье. Среднее число детей в многодетных семьях в 2010 г. составляет 3,3 ребёнка, что ниже не только значений 1989 г., но и 2002 г. (рисунок 5).

Таким образом, несмотря на несколько увеличившуюся долю многодетных семей в России, средняя детность снизилась как в городе, так и в сельской местности. Это означает, что семьи, желая создать многодетную семью, стремятся к созданию семьи с тремя детьми. Вероятно, причинами такого репродуктивного поведения населения являются не только экономические факторы (уровень доходов семьи), но и особенности семейно-демографической политики государства, предусматривающей равные льготы как для семей с тремя, так и большим числом детей.

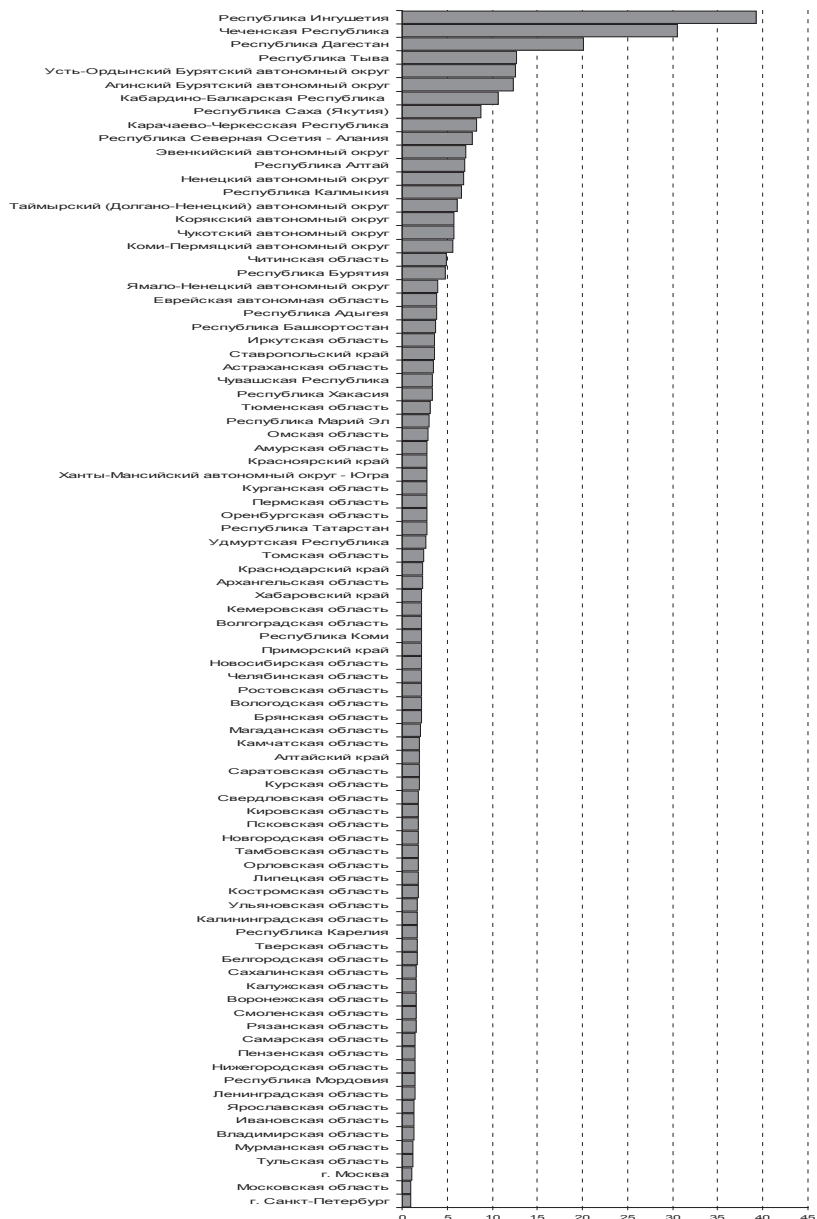
Данные переписи показывают, что многодетные семьи преимущественно являются полными, то есть семьями, где есть оба родителя. Неполные семьи составляют 16,6%, причём матери с тремя и более детьми составляют 15,1%, отцы — 1,5%.

Уровень многодетности существенно различается по регионам страны. Согласно данным переписи 2010 г. его дифференциация составляет от 29% в Республике Ингушетия до 0,9% в г. Санкт-Петербург (рисунок 6). Однако, данные переписи 2002 г. показывают, что в начале тысячелетия дифференциация была ещё больше: от 39% в Республике Ингушетия до 0,9% в г. Санкт-Петербург (рисунок 7). В связи с этим можно классифицировать регионы стра-

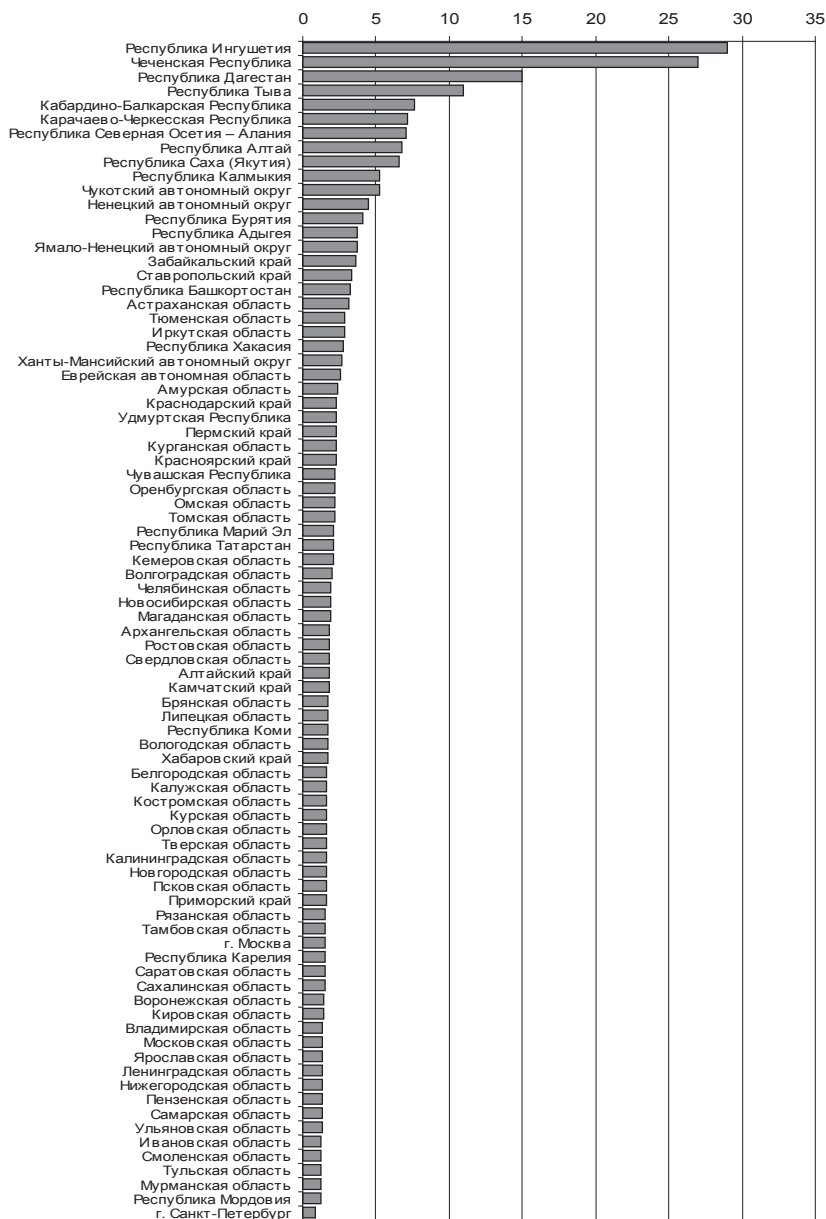
Составлено по данным официального сайта Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс] // www.gks.ru

Рис. 5. Среднее число детей в многодетных семьях

Составлено по данным официального сайта Федеральной службы государственной статистики
[Электронный ресурс] // www.gks.ru

Рис. 6. Доля многодетных в общем числе семейных ячеек в 2002 г. по регионам Российской Федерации, %

Составлено по данным официального сайта Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс] // www.gks.ru

Рис. 7. Доля многодетных в общем числе семейных ячеек в 2010 г. по регионам Российской Федерации, %

ны по уровню многодетности (то есть доли семей с тремя и более детьми в общем числе семейных ячеек) [3].

Выделяется группа регионов с **высокой** долей многодетных семей в общей численности семейных ячеек (рисунки 8, 9). К данной группе относятся субъекты, в которых более 10% семей имеют трёх и более детей. По данным переписи 2002 г. к этой группе относилось семь регионов: Республика Ингушетия, Чеченская Республика, Республика Дагестан, Республика Тыва, Усть-Ордынский Бурятский автономный округ, Агинский Бурятский автономный округ, Кабардино-Балкарская Республика. К 2010 г. в этой группе осталось только 4 субъекта: Республика Ингушетия, Чеченская Республика, Республика Дагестан, Республика Тыва (таблица 3). Такое сокращение связано, во-первых, с административной реформой (Усть-Ордынский Бурятский автономный округ 1 января 2008 г. вошёл в состав Иркутской области, а Агинский Бурятский автономный округ 1 марта 2008 г. вошёл в состав Забайкальского края), во-вторых, с сокращением доли многодетных семей в Кабардино-Балкарской Республике и переходом её в другую группу.

Основу группы регионов с высокой долей многодетных семей составляют республики Северного Кавказа. Они традиционно отличаются по демографическому развитию от других регионов России. В данных субъектах наблюдается высокая рождаемость.

Составлено по данным официального сайта Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс] // www.gks.ru

Рис. 8. Типология регионов по доле многодетных в общей численности семей в 2002 г.

Суммарный коэффициент рождаемости является самым высоким среди всех субъектов Российской Федерации. Так в Чеченской Республике на одну женщину репродуктивного возраста в 2009 г. приходилось 3,4 ребёнка.

В регионах группы отмечается низкий средний возраст населения. В Чеченской Республике он составляет 27,8 лет, что является минимальным показателем в России. Немного старше население в Республике Ингушетия (29,6 лет) и Республике Тыва (29,1 лет). Такое положение говорит о большом числе детей в возрастной структуре населения и высокой численности людей, находящихся в наиболее активном детородном возрасте.

Важно отметить, что в регионах с высокой долей многодетных семей среднее число детей в таких семьях редко превышает 4. Таким образом, в данных субъектах наблюдается скорее среднететность (по демографическим критериям), чем многодетность.

Высокие показатели рождаемости в данных регионах объясняются высокой ролью семьи в обществе, сильными религиозными традициями, поощряющими рождение большого числа детей в семьях.

Группа регионов, в которых уровень многодетности оценивается как **выше среднего**, то есть в которых доля многодетных в общей численности семей составляет от 5,6% до 8,7%, состо-

Составлено по данным официального сайта Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс] // www.gks.ru

Рис. 9. Типология регионов по доле многодетных в общей численности семей в 2010 г.

Таблица 3. Типология регионов по доле многодетных в общей численности семей

Тип региона	Доля многодетных в общей численности семей	Регионы, по данным Всероссийской переписи населения 2002 г.	Регионы, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.
С высокой долей многодетных	>10%	Республика Ингушетия, Чеченская республика, Республика Дагестан, Республика Тыва, Усть-Ордынский Бурятский автономный округ, Агинский Бурятский автономный округ, Кабардино-Балкарская республика	Республика Ингушетия, Чеченская Республика, Республика Дагестан, Республика Тыва
С долей многодетных выше среднего	5,6–8,7%	Республика Саха (Якутия), Карачаево-Черкесская республика, Республика Северная Осетия-Алания, Эвенкийский автономный округ, Республика Алтай, Ненецкий автономный округ, Республика Калмыкия, Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономный округ, Корякский автономный округ, Чукотский автономный округ, Коми-Пермяцкий автономный округ	Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия — Алания, Республика Алтай, Республика Саха (Якутия)
Со средней долей многодетных	3,1–5,5%	Читинская область, Республика Бурятия, Ямало-Ненецкий автономный округ, Еврейская автономная область, Республика Адыгея, Республика Башкортостан, Иркутская область, Ставропольский край, Астраханская область, Чувашская Республика, Республика Хакасия, Тюменская область	Республика Калмыкия, Чукотский автономный округ, Ненецкий автономный округ, Республика Бурятия, Республика Адыгея, Ямало-Ненецкий автономный округ, Забайкальский край, Ставропольский край, Республика Башкортостан, Астраханская область
С долей многодетных ниже среднего	2–3%	Республика Марий Эл, Омская область, Амурская область, Красноярский край, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Курганская область, пермская область, Оренбургская область, Республика Татарстан, Удмуртская Республика, Томская область, Краснодарский край, Архангельская область, Хабаровский край, Кемеровская область, Волгоградская область, Республика Коми, Приморский край, Новосибирская область, Челябинская область, ростовская область, Вологодская область, Брянская область, Магаданская область	Тюменская область, Иркутская область, Республика Хакасия, Ханты-Мансийский автономный округ, Еврейская автономная область, Амурская область, Краснодарский край, Удмуртская Республика, Пермский край, Курганская республика, Оренбургская область, Омская область, Томская область, Республика Марий Эл, Республика Татарстан, Кемеровская область, Волгоградская область,
С низкой долей многодетных	<2%	Камчатская область, Алтайский край, Саратовская область, Курская область, Свердловская область, Кировская область, Псковская область, Новгородская область, Тамбовская область, Орловская область, Липецкая область, Костромская область. Ульяновская область, Калининградская область, Республика Карелия, Тверская область, Белгородская область, Сахалинская область, Калужская область, Воронежская область, Смоленская область, Рязанская область, Самарская область, Пензенская область, Нижегородская область, Республика Мордовия, Ленинградская область, Ярославская область, Ивановская область, Владимирская область, Мурманская область, Тульская область, г. Москва, Московская область, г. Санкт-Петербург	Челябинская область, Новосибирская область, Магаданская область, Архангельская область, Ростовская область, Свердловская область, Алтайский край, Камчатский край, Брянская область, Липецкая область, Республика Коми, Вологодская область, Хабаровский край, Белгородская область, Калужская область, Костромская область, Курская область, Орловская область. Тверская область, Калининградская область, Новгородская область, Псковская область, Приморский край, Рязанская область, Тамбовская область, г. Москва, Республика Карелия, Саратовская область, Сахалинская область, Воронежская область, Кировская область, Владимирская область, Московская область, Ярославская область, Ленинградская область,, Нижегородская область, Пензенская область, Самарская область, Ульяновская область, Ивановская область, Смоленская область, Тульская область, Мурманская область, Республика Мордовия, г. Санкт-Петербург

Составлено по данным официального сайта Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс] // www.gks.ru

ит из пяти субъектов, среди которых республики Северного Кавказа, Восточной Сибири, а также Республика Алтай. В то же время в 2002 г. в данную группу входили одиннадцать субъектов. Помимо вышеназванных в неё были включены регионы Южного федерального округа, Севера Европейской территории России, Урала и Дальнего Востока (таблица 3).

Как отмечалось выше, для республик Северного Кавказа характерна высокая рождаемость и сильные семейные традиции, поэтому в данных регионах показатель уровня многодетности традиционно высок.

Сибирские регионы отличаются неоднородным этническим составом. Там высока доля коренных народов. Для них также характерна высокая неограничиваемая рождаемость и молодая возрастная структура населения. Вместе с тем, некоторое снижение доли многодетных семей по сравнению с предыдущей группой объясняется большей открытостью данных народов новым традициям и большим разнообразием проживающих на территории этносов, а также географическими особенностями размещения населения и ведением традиционной хозяйственной деятельности. В связи с этим наблюдается некоторое снижение рождаемости.

Только десять субъектов в 2010 г. имели **средний** уровень многодетности (3,1% — 5,5% от общей численности семей) (таблица 3). К ним относятся Республика Калмыкия, Чукотский автономный округ, Ненецкий автономный округ, Республика Бурятия, Республика Адыгея, Ямало-Ненецкий автономный округ, Забайкальский край, Ставропольский край, Республика Башкортостан и Астраханская область. В 2002 г. эта группа была несколько более многочисленной. В неё входили двенадцать регионов. В настоящее время субъекты, входящие в данную группу, преимущественно являются национальными республиками и автономными округами, или субъектами, граничащими с регионами с высоким уровнем многодетности. Таким образом, в данных регионах проявляются традиции высокой рождаемости, а кроме того, привносятся вместе с миграцией особенности репродуктивного поведения соседних регионов.

Особое место в данной группе занимают нефтегазовые регионы Западной Сибири. Их заселение и освоение было связано с трудовой миграцией. На настоящий момент они имеют достаточно молодое население. Однако, традиции брачности претерпели некоторые изменения. Количество браков снижается, а заключение первого брака откладывается, институт семьи подвергается делигитимизации. Вместе с тем, рождаемость в регионе находится

на относительно высоком уровне. Преобладают двухдетные семьи, а уровень многодетности соответствует среднему по стране.

Данные обеих переписей показывают, что в подавляющем большинстве регионов отмечается **низкий** уровень многодетности и **ниже среднего**. Причём, наиболее низкие показатели наблюдаются в европейской части России. Население данных регионов наиболее подвержено влиянию извне и легче всего перенимает традиции, в том числе репродуктивные, других народов. В связи с этим, в данных субъектах трансформация брачного и репродуктивного поведения началась одной из первых. В 1990-е гг. здесь произошёл существенный спад рождаемости, в 2000-е гг. намечилось её некоторое увеличение. Однако, достичь высоких показателей многодетности так и не удаётся. Отмечается ориентация населения на позднее заключение брака, часто вовсе отказ от его регистрации, и на однодетную модель семьи. Особенностью демографического развития сибирских и дальневосточных регионов является миграция молодёжи, что оказывает негативное влияние на динамику показателей рождаемости, брачное и репродуктивное поведение.

Таким образом, исходя из вышесказанного, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, многодетные семьи крайне неравномерно расселены по территории страны.

Во-вторых, в России выделяются группы регионов, имеющих традиционно высокую долю многодетных семей в общем числе семейных ячеек, и субъекты с низким уровнем распространения многодетности.

В-третьих, подавляющее число субъектов Российской Федерации имеют низкий и ниже среднего уровни распространения многодетности (64 субъекта).

В-четвёртых, несмотря на незначительное повышение доли многодетных семей в России в целом, в региональном разрезе наблюдается снижение уровня многодетности. За межпереписной период только в десяти регионах страны доля многодетных в общем числе семей не изменилась, и всего лишь в двух субъектах (г. Москва и Московская область) отмечался прирост доли семей с тремя и более детьми.

В-пятых, одной из причин изменения долей многодетных семей в регионах является административная реформа 2008 г., в связи с которой изменились территориальные границы субъектов.

В-шестых, уровень распространения многодетности зависит от действия социально-экономических и демографических фак-

торов. В связи с этим, при разработке государственной семейной политики, необходимо учитывать региональные особенности распространения многодетности.

Список использованных источников

1. Захаров, С.В. Рост числа рождений в России закончился? [Электронный ресурс] / С.В. Захаров // Режим доступа — <http://polit.ru/article/2011/03/14/demoscope453/>
2. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 8 июля 2000 года, Москва, Кремль [Электронный ресурс] // <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2000/07/28782.shtml>
3. Сивоплясова, С.Ю. Региональные особенности распространения многодетности [Текст] / С.Ю. Сивоплясова // Наука. Культура. Общество. — М.: ИСПИ РАН. — 2011. — №4. — С. 131–138.
4. Сайт Федеральной службы государственной статистики // www.gks.ru

**Григорьев Н.Ю.,
Родюков Э.Б.****СОВРЕМЕННЫЙ МОРСКОЙ
ТЕРРОРИЗМ (ПИРАТСТВО)
И БЕЗОПАСНОСТЬ ОБЩЕСТВА**

MODERN SEA TERRORISM (PIRACY) AND PUBLIC SAFETY

Григорьев Николай Юрьевич — кандидат философских наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью в медиаиндустрии, ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет печати» имени Ивана Федорова, г. Москва, nugrig@mail.ru

Родюков Эдуард Борисович — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ФГБОУ ВПО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, groro@mail.ru

Nikolay Grigoriev — the candidate of the philosophical sciences, assistant professor of the pulpit of the advertisement and relationships with the public in медиаиндустрии, FGBOU VPO «Moscow state university of the seal» name Ivana Fedorova, Moscow, nugrig@mail.ru

Eduard Rodyukov — a candidate of the sociological sciences, assistant professor of the pulpit to sociologies of the Military university, Moscow, groro@mail.ru

Аннотация: В статье предпринимается попытка анализа современного морского пиратства как разновидности терроризма. Морской терроризм представляет серьезную угрозу безопасности мореплавания, нарушает общепризнанный принцип свободы морей и представляет угрозу миру. Как и пиратство, он является преступлением международного характера. По методам и способам осуществления морской терроризм и пиратство очень похожи. Разница только в целях, которые преследуют исполнители: для пиратов главное — обогащение, нажива, а целью террористов является запугивание властей с целью выполнения своих, как правило, политических, требований. В современное время подобные действия, помимо непосредственного физического и материального вреда, имеют и психологическое влияние, так как подрывают ощущение безопасности людей, провоцируя не только страх путешествий по воде, но страх за своё состояние и состояние своих близких. Несмотря на то, что образ пиратов больше ассоциируется со временами великих географических открытий, в настоящее время существуют реальные пираты и морские террористы, которые, обладая современными технологиями, еще более опасны для государства и людей.

Abstract: Attempt of the analysis modern sea piracy is undertaken In article as varieties of the terrorism. The Sea terrorism presents the serious threat to safety of the navigation, breaks the общепризнанный principle of the liberty морей and constitutes a menace world. Either as piracy, he is a crime of

the international nature. On method and way of the realization sea terrorism and piracy much similar. The Difference in purpose only, which pursue the performers: for pirate main — an enrichment, lucre, but purpose terrorist is запугивание powers for the reason execution their own, as a rule, political, requirements. At modern time like actions, aside from direct physical and material harm, have and psychological influence, since undermine the sensation to safety of the people, provoking not only awe journey on water, but awe for its condition and condition their own close. In spite of the fact that image pirate is more associated with timeses great geographical opening, at present exist the real pirates and sea terrorists, who, possessing modern technology, else more dangerous for state and people.

Ключевые слова: морской терроризм, пиратство, морская террористическая угроза, пиратские действия, террористические акты на водном пространстве мирового океана, противодействие морскому терроризму.

Key words: sea terrorism, piracy, sea terrorist threat, pirate actions, terrorist acts on water space of the world ocean, reluctance sea terrorism.

Пиратство в своей первоначальной форме морских набегов появилось одновременно с мореплаванием и морской торговлей; такими набегами занимались все прибрежные племена, овладевшие основами мореплавания. С появлением цивилизации грань между пиратами и торговцами долгое время оставалась условной: мореплаватели торговали там, где не чувствовали себя достаточно сильными, чтобы грабить и захватывать в плен. Особенно дурную славу снискали и самые искусные мореплаватели древнего мира — финикийцы. В поэме «Одиссей» упоминаются финикийские пираты, похищавшие людей с острова Сира и продававшие их в рабство [3].

Античные пираты, в отличие от пиратов Нового времени, нападали не столько на суда, сколько на прибрежные поселки и отдельных путников, с целью захвата их и продажи в рабство (позднее также стали требовать выкуп за знатных пленников). Пиратство отражено в античной поэзии и мифологии (миф о захвате тирренскими (этрусскими) пиратами Диониса, изложенный в гомеровском гимне и поэме Овидия «Метаморфозы», а также некоторые эпизоды в поэмах Гомера).

По мере развития торговых и правовых связей между странами и народами, пиратство стало осознаться как одно из наиболее тяжких преступлений, и стали предприниматься попытки совместной борьбы с этим явлением. Расцвет античного пиратства приходится на эпоху анархии, вызванной Гражданскими войнами в Риме, причем базой пиратов была горная область Киликия с её крепостями; базами пиратов служили также острова, особенно Крит. Римское пиратство особенно расцвело после того, как Митридат VI Евпатор заключил союз с киликийскими пиратами, направленный

против Рима. В эту эпоху среди жертв пиратов оказался, в частности, молодой Юлий Цезарь. Дерзость пиратов возросла до того, что они нападали даже на порт Рима — Остию — и однажды захватили двух преторов вместе со свитой и знаками отличия.

В 67 году до н. э. Гней Помпей Великий получил чрезвычайные полномочия для борьбы с пиратами и флот в составе 500 кораблей. Готовясь к борьбе, он приказал строить такие же корабли, какие были у пиратов. Разделив Средиземное море на 13 районов и направив в каждый район эскадру, Помпей загнал пиратов в горные крепости Киликии, которые затем взял. Вместо трёх лет Помпею потребовалось три месяца, чтобы полностью ликвидировать пиратство в Средиземном море.

Оно возобновилось со следующим витком гражданских войн, причём на этот раз пиратов возглавил сын Помпея — Секст Помпей Магн, который после убийства Цезаря укрепился на Сицилии и пытался блокировать Италию. С концом гражданских войн море стало безопасным.

Пиратов в Риме казнили, как и разбойников, распятием на кресте.

Наиболее распространенным способом пиратского нападения был abordage (фр. *abordage*). Корабли противников сближались, как правило, борт в борт, сцеплялись abordажными кошками и снастями, и на корабль противника перебежали и прыгали пираты, поддерживаемые огнем с пиратского корабля.

Пиратство (от греч. *peirates* — грабитель, разбойник) — незаконный захват, ограбление или потопление торговых судов, совершаемые в открытом море частновладельческими или государственными судами. То есть это противоправные насильственные действия, совершаемые в открытом море и в другом месте вне юрисдикции какого-либо государства [3].

Таким образом, террористические организации давно прибегают к пиратству и морской контрабанде. Однако в последние годы они начали создавать собственные военные флоты и совершать теракты не только на суше и в воздухе, но и на море.

Морской терроризм представляет серьезную угрозу безопасности мореплавания, подпирает общепризнанный принцип свободы морей и нередко представляет угрозу миру. Как и пиратство, он является преступлением международного характера. По методам и способам осуществления морской терроризм и пиратство очень похожи. Разница только в целях, которые преследуют исполнители: для пиратов главное — обогащение, нажива, а целью террористов является запугивание властей с целью выполнения своих, как правило, политических, требований.

Количество террористических групп, которые специализируются на атаках с использованием акватории морей и океанов, резко выросло за последние десятилетия. Свои удары они наносят не только со стороны моря, но и с суши. Тактика этих акций варьируется от применения наземных групп, оснащенных подрывными зарядами, до действий подводных пловцов. Их снаряжение вполне современно: магнитные прилипающие мины, подводные транспортёрщики, скоростные катера, морские скутеры, даже мини-подлодки и торпеды, управляемые смертниками-шахидами.

В течение последнего десятилетия количество разбойных нападений на коммерческие суда утроилось [5]. Только в 2000 г. оно выросло на 40% по сравнению с 1999 г. Две трети таких атак приходится на Азиатско-Тихоокеанский регион, то есть на ту же акваторию, где оперируют морские террористы.

Основными районами пиратства сегодня считаются Юго-Восточная Азия, Южно-Китайское море, Западная и Восточная Африка, Южная Америка и Карибский бассейн. Как видим, их акватория примыкает к побережью стран, где базируются исламские и другие террористы и повстанцы самых разных направлений.

В прошлом году зарегистрировано 350 пиратских нападений у берегов Индонезии и Филиппин. Наконец, за последние пять лет значительно выросло количество пиратских атак в Средиземном и Черном морях, прежде всего в водах, омывающих берега Ливана, Сирии, Турции и Грузии.

Нападения пиратов сопровождаются беспредельным насилием, убийствами и издевательствами над теми, кто оказался на судне. Немало случаев, когда пираты берут в заложники наиболее состоятельных или влиятельных пассажиров с целью получения выкупа. Отдельные нападения совершаются именно для того, чтобы захватить таких богачей в заложники.

Кстати, такого же рода операции проводят и морские террористы. Им, так же как пиратам, требуются средства для покупки снаряжения и финансирования своих акций. И здесь они полностью смыкаются с пиратами, а потому все чаще тесно взаимодействуют с ними вплоть до того, что некоторые разбойные налеты проводят совместно.

Согласно данным британского агентства «Ллойд» [1, с. 30], прежде более 90% терактов на воде имели место в акватории морей у побережья развивающихся стран, руководители которых были некомпетентны в борьбе с экстремистами и не обладали для этого силами и средствами. Однако в последнем пятилетии морские террористы, используя все более современные суда и боевые

средства, стали переносить свои операции к берегам наиболее цивилизованных государств, вторгаясь порой в их территориальные воды, агрессивно атакуя в портах и на рейдах. Возникла опасность захвата и потопления гигантских круизных лайнеров в открытом море.

Вышеизложенное в высокой степени аргументированно свидетельствует — организация эффективного противодействия морскому терроризму, так же как и его проявлениям в других стихиях, уже вышла за рамки национальных и даже региональных проблем и стала объектом острейшей насущной потребности всего цивилизованного мира.

По мнению наиболее осведомленных экспертов, в ближайшем будущем международный терроризм может сосредоточить свое внимание на третьей природной стихии — водной и перейти к масштабным операциям против целей, характерных для нее: грузовых, пассажирских и военных кораблей, портов и судостроительных верфей.

Уязвимость военного и коммерческого судоходства для таких атак достаточно убедительно продемонстрирована 12 октября 2000 г., когда два шахида, члена организации «Аль-Каиды», на моторной лодке врезались в борт американского эсминца «Коул», ошвартованного у стенки йеменского порта Аден. Заряд взрывчатки весом около 300 кг пробил в борту корабля брешь площадью в 72 кв. м. Погибли 17 американских моряков и более 40 получили серьезные ранения.

23 октября, через 10 дней, два катера со смертниками из организации «Тигры Тамил Илама» врезались в пассажирские паромы Шри Ланки, один из которых затонул, а второй был сильно поврежден. При этом погибли более 400 человек. Через две недели боевики ХАМАСа атаковали израильский ракетный корабль и не уничтожили его только из-за преждевременной детонации заряда. Список такого рода атак содержит десятки наименований судов всех классов.

Наибольшее количество терактов на море совершила группировка «Тигры освобождения Тамил Иламы» сражающаяся за создание независимого государства тамиллов на северо-востоке Шри-Ланки. Как признанный лидер среди азиатских террористических организаций, она создала самую совершенную морскую составляющую — практически крупнейший в мире негосударственный флот, оперативно действующий в составе двух отдельных формирований.

Самое мощное из них — «Морские тигры» "[1, с. 31] — представляет собой амфибийную группу, насчитывающую 3–4 тыс. хорошо обученных и экипированных морских террористов и обладающую

возможностями для проведения терактов и пиратских действий в территориальных и прибрежных водах, а также в открытом море.

Организационно формирование «Морские тигры» состоит из 12 секций:

- боевых морских подразделений;
- подводных подрывных команд;
- ударных групп «Морские тигры»;
- инженерных и судостроительных структур;
- отряда радиолокации и телекоммуникаций;
- арсенала морских вооружений;
- мореходной школы;
- рекрутской;
- политической пропаганды и финансирования;
- тылового обеспечения исключительной экономической зоны;
- наблюдения и разведки;
- культурно-бытовой и регистрационной.

С «Морскими тиграми» тесно взаимодействуют еще три секции:

1. «Тигрицы» (до 30% террористов — женщины).
2. Военно-морской разведки (возглавляемая офицером военной разведки).
3. «Черные тигры» (команда смертников).

Ударные группы «Морские тигры» оснащены по последнему слову техники, имеют скорострельные орудия, гранатометы и малогабаритные установки залпового огня, японские средства связи и германскую оптику. Их мастерские самостоятельно производят плавучие и донные мины, подводные взрывные устройства и даже способны построить малую подводную лодку. В настоящее время ими ведутся эксперименты с торпедой, управляемой смертником.

«Морские тигры» ведут систематические боевые действия с ВМС Шри-Ланки. По данным западных средств массовой информации, «Морские тигры» уничтожили от трети до половины патрульных кораблей и катеров, а также ракетных и артиллерийских катеров ВМС Шри-Ланки. Члены группировки потопили самый большой боевой корабль ВМС Шри-Ланки «Сагаравардана» и захватили его командира. В операции принимали участие катера (в том числе со смертниками). При атаке они применяли тактику «волчьей стаи». «Морские тигры» успешно проведены многочисленные операции в северных водах, а также предпринята попытка уничтожения грузового транспорта, перевозивший израильские истребители в порт Коломбо. Однако, транспорт встал под разгрузку на день раньше намеченного срока, и операция смертников сорвалась.

В ближайшем будущем международный терроризм может сосредоточить свое внимание на водной стихии и перейти к масштабным операциям против целей, характерных для нее: грузовых, пассажирских и военных кораблей, портов и судостроительных верфей.

Анализ современной динамики и тенденций международного терроризма в целом, его многочисленных специфических аспектов, позволяя выделить следующие категории существующего контура угроз применительно к морскому транспорту»[4]:

— захват или угон морского судна или осуществление контроля над ним силой или угрозой силы или путем любой другой формы запугивания;

— совершения акта насилия против любого лица на борту морского судна (территории порта), если этот акт может угрожать безопасности плавания данного судна (безопасности порта);

— разрушение морского судна или нанесение ему или его грузу повреждений, которые могут угрожать безопасному плаванию данного судна или безопасности порта;

— размещение или совершение действий с целью размещения на борту морского судна (в том числе, находящегося на территории порта) каким бы то ни было способом устройств, которые могут разрушить это судно, нанести этому судну или его грузу повреждений, которые угрожают или могут угрожать безопасному плаванию данного судна или безопасности порта;

— использование кораблей и судов субъектами международного терроризма в качестве косвенного (непрямого) объекта террористической деятельности;

— использование морского транспорта фигурантами транснациональной организованной преступности в качестве средства реализации незаконной деятельности;

— разрушение морского навигационного оборудования, или нанесение ему серьезного повреждения, либо создание серьезных помех его эксплуатации, если любой такой акт может угрожать безопасности плавания судов;

— разрушение портового сооружения или нанесение ему серьезных повреждений, которые угрожают или могут угрожать безопасности плавания судов или безопасности порта;

— сообщение заведомо ложных сведений, которые могут создать угрозу безопасности плавания судов или безопасности порта.

Субъекты международного терроризма активно используют морской транспорт по его прямому назначению. Морской транспорт является наиболее удобным средством для скрытного тран-

зитного перемещения (по легализованным или поддельным документам) на значительное расстояние. При этом, суда и пассажиры опасности не подвергаются; собственно угроза реализуется на территории третьих стран, являющихся объектом проекции террористической деятельности.

Не исключается также перевозка морскими судами оперативной документации, пропагандистских материалов, оружия, боеприпасов, взрывчатых, радиоактивных и отравляющих веществ.

Другим аспектом является использование морских судов в качестве транспортного средства для доставки террористов и заложников в определенную географическую точку уже после теракта, совершенного вне сферы морского транспорта.

Морской транспорт объективно является сферой интересов фигурантов криминальной деятельности, задействованных на таких направлениях, как: маршрутизация нелегальная миграция; незаконный оборот наркотических веществ; незаконный денежный трансферт; контрабанда оружия, боеприпасов, культурных ценностей и произведений искусства, и т. д.

Невозможно игнорировать тот факт, что существенная часть операций и перемещений субъектов организованной преступности регулярными рейсами пассажирских судов осуществляется под прикрытием обычных пассажирского и грузового потоков. Кроме террористических актов, осуществляемых на море международными террористическими организациями и преследующими в основном политические цели, и пиратства возможны аналогичные акты, планируемые и проводимые конкурентами против судов крупных судоходных компаний и указанных выше объектов с чисто экономическими целями, направленными на устранение конкурентов с рынка соответствующих услуг.

В связи с постоянно возникающей в мире конкуренцией, угроза ведения конкурентной борьбы неадекватными, в том числе террористическими методами, будет возрастать. Поэтому необходимо вести аналитическую и профилактическую работу и в этом направлении.

Когда террористы захватывают судно, то срочные меры по его освобождению не всегда приемлемы. Ведь целью террористов все чаще становятся не вымогательство, а политические требования или акции устрашения. В таком случае под угрозой оказываются жизни пассажиров и экипажа, возникает риск экологической катастрофы.

Все настойчивее звучат предложения о формировании на судах специальных команд самообороны. Пока, правда, международный статус такой команды не определен. А затраты на ее со-

держание во многом будут зависеть от того, насколько эффективно организована защита от терроризма в морских портах.

Действия, предпринимаемые в формате противодействия терроризму на морском транспорте. Их возможно сгруппировать по следующим функциональным блокам» [1]:

1. Совершенствование системы обеспечения собственной безопасности на морском транспорте.

Включает в себя:

— ужесточение процедуры приобретения билетов, регистрации и досмотра пассажиров и грузов (с целью исключения доступа на борт физических лиц и предметов, представляющих малейшую степень угрозы);

— введение обязательного проведения психологического тестирования всех пассажиров («профайлинга») и их личного досмотра, в том числе с применением детекторов обнаружения следов взрывчатых веществ;

— наращивание средств технического контроля и охраны объектов;

— оборудование входов на причал пунктами досмотра, оснащенными досмотровой техникой для контроля пассажиров, провозающих лиц и посетителей, а также багажа и вещей, находящихся при них;

— разработка и внедрение системы обмена информацией между сотрудниками морских портов и представителями служб, ведущих оперативно-разыскную деятельность, о фактах подготовки террористических актов, а также о лицах, причастных к этому;

— создание в морских портах ситуационных центров мониторинга для обеспечения контроля и координации деятельности всех служб морских портов, правоохранительных органов и специальных служб, принимающих участие в обеспечении морской безопасности;

— формирование эксклюзивной зоны безопасности вокруг портовых средств;

— всесторонняя подготовка сотрудников ведомственных служб безопасности;

— повышение бдительности и сознательного отношения к террористической угрозе всего личного состава судов и руководителей судоходных организаций;

— грамотное выполнение планов охраны, а также использование технических средств позволяет повысить безопасность мореплавания, снизить опасность и последствия террористических актов, убытков от пиратства.

2. Совершенствование и внедрение технических средств защиты собственно судов, в первую очередь установка:

- систем охранной сигнализации; систем контроля и управления доступа;
- систем охранного телевидения;
- систем связи.

3. Внедрение комплекса мер упреждения в целях предотвращения террористических актов. Оценка угроз и рисков всей инфраструктуры с тщательной последующей проверкой всего личного состава с целью выявления преступных элементов и потенциальных террористов. Включает:

- создание банка данных на потенциально опасных пассажирах (включающего лиц, состоящих в радикальных политических организациях, религиозных сектах, преступных сообществах, склонных к употреблению алкоголя на борту, владеющих навыками рукопашного боя и т. д.);
- тщательная проверка благонадежности экипажей судов и технического службы портовых средств.

Организационные мероприятия по борьбе с терроризмом надо начинать, как с проектирования, ремонта, перестройки судна, так и с проектирования предприятий морского транспорта.

Каждый объект портового средства изучается специалистами по борьбе с терроризмом, которые разрабатывают организационные мероприятия, характерные только для данного объекта, характеристика которого подходит к объекту террористического акта. При разработке организационных мероприятий предупреждающих терроризм на предприятиях морского транспорта, необходимо учитывать:

- а) Результаты прогнозирования и моделирования тактики действий террористов, исключительно для данного объекта.
- б) Поэтапное проникновение на объект:
 - с морской стороны (включая дрессированных морских животных с подрывными устройствами);
 - по воздуху (включая дрессированных птиц);
 - с суши (включая дрессированных террористами животных);
 - из-под земли (по подземным коммуникациям);
 - тактику проникновения камикадзе на данный объект.
- в) Дистанционный терроризм: заминированные объекты, транспортировка на объект грузов с дистанционным подрывным устройством.

г) Террорист из числа персонала объекта, который может использовать внутренние возможности объекта для совершения террористического акта.

д) Разрабатывать дополнительные мероприятия по предупреждению терроризма в отношении мест складирования грузов, подрыв которых может вызвать экологические и другие бедствия.

е) Отдельный план входит общий план организационных мероприятий данного объекта. Проводимые на данном предприятии массовые мероприятия (памятные и торжественные даты и другие мероприятия с участием представителей массовой информации, чиновников).

ж) Составлять дополнительные отдельные мероприятия предупреждения терроризма, если на объекте расположены технические и другие подразделения осуществляющие безопасность судоходства, портовые холодильники с аммиаком и т. д.

з) Пути поступления, прохождения, хранения нужной информации на данном объекте. Носители информации.

и) Техническую защиту информации. Целесообразность применения технической разведки и контрразведки.

4. Противодействие терактам с использованием взрывных устройств на охраняемом объекте и т. д.

Наша страна занимает лидирующее место в мире по площади морских пространств [7, с. 67–68]. Протяженность морского побережья Российской Федерации составляет 38,8 тыс. км, что более чем в 2,5 раза превышает ее сухопутную границу. По морским каналам Россия может иметь связь со 126 странами, в то же время по суше она граничит только с 13 государствами.

России принадлежит одно из лидирующих мест в мире по протяженности судоходных речных акваторий (более 100 тыс. км).

Такие географические характеристики определяют важнейшее значение водных путей как в интересах обеспечения внутригосударственных перевозок, особенно в регионах, где морской и речной транспорт является безальтернативным видом транспорта, так и во внешнеэкономической деятельности.

В частности, к концу 2008 г. объем перевалки грузов через морские торговые порты России составил 451 млн. тонн, что на 12% превысило максимальный объем транспортировки грузов через порты Советского Союза в 1989 г.

Около 60% внешнеторгового грузооборота России сегодня осуществляется с участием морского транспорта.

Кроме этого, согласно Транспортной стратегии страны» [4] на период до 2030 г. планируется увеличить долю флота под Государственным флагом.

Российской Федерации в мировом морском флоте и значительно увеличить экспорт транспортных услуг. Наблюдается тен-

денция восстановления системы грузоперевозок по внутренним водным путям страны.

Повышается интенсивность разработки запасов континентального шельфа Российской Федерации, что приведет к увеличению количества стационарных платформ и повысит число судов в районах их добычи.

Россия обладает Северным морским путем, к использованию которого привлечено внимание многих зарубежных государств и международных организаций. Успешность его эксплуатации в интересах стабильного экономического развития страны во многом зависит от обеспечения безопасности судоходства по нему, в том числе и от угроз террористического характера.

Руководством страны принято решение о создании плавучих атомных электростанций для решения энергетических задач в отдаленных районах России. Планируется построить более 10 таких станций. Первый плавучий атомный блок должен быть запущен в эксплуатацию в акватории г. Вилючинск (Камчатка) уже в 2012 г.

Не исключено, что эти объекты могут стать целями как для террористических, так или иного рода преступных посягательств как в процессе эксплуатации в прибрежной акватории, так и при их транспортировке по водным путям.

По мнению некоторых исследователей, тенденции развития современной обстановки позволяют прогнозировать дальнейший рост вероятности совмещения террористических актов на водных пространствах Мирового океана, в том числе и в водах, находящихся под юрисдикцией Российской Федерации.

В качестве тенденций, обуславливающих увеличение вероятности проявления терроризма на водных пространствах Российской Федерации, можно выделить следующие [6]:

1. Усиливающиеся воздействие терроризма на политическую и экономическую жизнь государств, который в состоянии снизить инвестиционную привлекательность, дестабилизировать экономику и международные отношения, а также стать реальной угрозой их конституционному строю и территориальной целостности.

2. Ужесточение борьбы за право владения ресурсами в Мировом океане.

3. Использование некоторыми иностранными государствами терроризма в качестве инструмента вмешательства во внутренние дела России для оказания выгодного им влияния на российскую внешнюю политику, а также одного из способов реализации своих военно-политических, экономических и стратегических целей в ущерб национальным интересам России.

4. Стирание границ между внутри государственным и международным терроризмом.

5. Динамичная трансформация форм, методов, средств, целей, повышение уровня организации, оснащенности и конспирации в деятельности террористических организаций.

6. Сращивание организованной преступности с действиями террористов, в результате чего терроризм превратился в доходный бизнес.

В пределах территориальных вод России пиратство следует квалифицировать как разбой (ст. 162 УК РФ). Как указывалось выше, пиратские действия заключаются в захвате или угоне судна (ст. 211 УК РФ). Вместе с тем, эти действия сопровождаются захватом или удержанием лиц в качестве заложников, которые можно квалифицировать согласно диспозиции ст. 206 УК РФ, как совершенные в целях понуждения государства, организации или гражданина совершить какое-либо действие или воздержаться от него, как условие освобождения заложника.

В то же время в соответствии с ФЗ «О противодействии терроризму» и УК РФ (ст. 205-1), захват судна и захват заложников признаются преступлениями террористического характера [2].

По мнению авторов, с учетом возрастания масштабов пиратства в случаях, если пиратские действия по захвату судов и других объектов на акватории совершаются с применением оружия, демонстративно создают серьезную угрозу интересам общественной и государственной безопасности, то их целесообразно рассматривать как террористические. Это должно отражаться и на ходе проведения мероприятий по пресечению таких акций.

Знание мотивов и целей пиратской или террористической деятельности также позволяет глубоко изучить причины и условия существования этих общественно опасных явлений, а с точки зрения правоохранительной практики способствует своевременному выявлению, предупреждению актов терроризма и пиратства, проведению мероприятий по их пресечению.

Важнейшим условием борьбы с терроризмом является решительность, непримиримость и жесткость ответных действий, наличие хорошо обученных, натренированных, технически хорошо оснащенных и экипированных специальных подразделений (как государственных так и частных).

Проблема морского терроризма, относится к числу новых вызовов и угроз безопасности государств и их граждан. Действия террористов затрагивают интересы всего мирового сообщества, поэтому в настоящее время международное право призвано от-

вечать интересам решения глобальных проблем человечества, острота которых постоянно возрастает в современном мире.

Общественная опасность преступлений террористического характера на водных пространствах Российской Федерации чрезвычайно высока и определяется возможностью появления больших человеческих жертв и тяжелых экологических последствий, а также нанесения значительного ущерба в политической сфере.

С учетом этого, очевидна необходимость принятия дополнительных мер по обеспечению безопасности акваторий и объектов водного транспортного комплекса, в том числе за счет совершенствования системы подготовки специальных сил и средств, а также дальнейшее улучшение организационно управленческой структуры государственных органов по пресечению террористических и иных преступных акций на водных акваториях.

Библиографический список

1. Гайкович А.Н., Никитин Н.И. Морской терроризм: кораблестроительный аспект // Экспорт вооружений. 2003. № 2.
2. Горбунов Ю.С. Терроризм и правовое регулирование противодействия ему. М.: Молодая гвардия, 2008.
3. Демиденко В.В., Прусс В.М., Шемякин А.Н. Пиратство, терроризм, мошенничество на море: правовые аспекты. Одесса, 2-е изд., 1997.
4. Завьялов Ю.Л., Колпаков А.М., Трусов Н.К. Современный терроризм и морской транспорт. — СПб.: РИУС+, 2005.
5. Терроризм в современном мире. 2-изд. / Под ред. В.Л. Шульца; Центр исслед. проблем безопасности РАН. — М.: Наука, 2011.
6. Устинов В.В. Международный опыт борьбы с терроризмом: стандарты и практика. — М.: «Юрлитинформ», 2002.
7. Шемякин А.Н. Международное морское право в сложной самоорганизующейся системе морского права // Ежегодник морского права. — М.: 2003.

ПОЗДРАВЛЯЕМ НАШУ КОЛЛЕГУ ПРОФЕССОРА СИЛЛАСТЕ ГАЛИНУ ГЕОРГИЕВНУ С ЮБИЛЕЙНЫМ ДНЕМ РОЖДЕНИЯ

23 мая в Финансовом университете отметили юбилей нашего коллеги — Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора, доктора философских наук Галины Георгиевны Силласте. Г Силласте — основатель и 20 лет бессменный руководитель кафедры социологии в Финансовом университете при Правительстве РФ, Почетный профессор Университета.

В отечественной социологической науке Галина Георгиевна известна как социолог широкого профиля, высококлассный эксперт, публичный социолог, блестяще владеющий словом и пером. Проф. Силласте автор концепции гендерной социологии как частной социологической теории, а также социологии страхования, фискальной социологии и социальной конфликтологии финансово-экономической сферы. Ее перу принадлежит около семисот печатных работ. Галина Георгиевна Силласте — руководитель многих крупных социологических исследований, получивших признание, как в нашей стране, так и за рубежом. В 1995 г. она стала единственным российским социологом, награжденным премией Президента Российской Федерации «За цикл социологических исследований по проблемам положения женщин, семьи, социальных последствий распространения наркомании среди женщин и детей».

Г.Г. Силласте — Член Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания РФ. Председатель Исследовательского Комитета по гендерной социологии Российского общества социологов. Создатель и руководитель научной школы «Гендерная и экономическая социология». Учредитель ежегодной Именной стипендии Ученого — профессора Силласте студенту — социологу Финансового Университета «За научное творчество и исследовательскую активность».

Научная, педагогическая и общественная деятельность Галины Георгиевны Силласте высоко оценена в России и за ее пределами. Российская общественность, да и просто многочисленные телезрители знают профессора Силласте по ее регулярным и ярким выступлениям в телепрограммах по острым социальным проблемам. Многое еще можно добавить к научному и педагогиче-

скому портрету Галины Георгиевны. Но нельзя не отметить то признание — официальное и гражданское, которое заслужила Галина Георгиевна, награжденная Президентом РФ Медалью к ордену «За заслуги перед Отечеством» 2 степени, многочисленными наградами общественного признания, в т.ч. «Золотой медалью Российского общества социологов.

30 июня 2016 г. профессора Г. Силласте — Члена Научно-экспертного совета Совета Федерации — поздравила Председатель Совета Федерации В.И. Матвиенко.

К многочисленным поздравлениям в дни юбилея Галины Георгиевны Редакционный совет и редколлегия журнала «Наука. Культура. Общество» присоединяет и свой голос. Мы сердечно поздравляем своего талантливого и деятельного коллегу, яркую женщину — ученого, педагога, публициста и желаем дорогой Галине Георгиевне неиссякаемой творческой энергии, женского шарма, бодрости духа и крепкого здоровья, новых идей и последователей на ниве служения отечественной науке.

Редколлегия журнала

Силласте Г.Г.

ТРАНСПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ТИП СПЕЦИАЛИСТА: ФОРМИРОВАНИЕ В ОБЩЕСТВЕ РИСКА И МОДЕРНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Силласте Галина Георгиевна, Профессор, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, Член Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации РФ, Руководитель научной школы «Гендерная и экономическая социология» (Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва), e-mail: galinasillaste@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы формирования транспрофессионального типа специалиста, противоречия и сложности протекания процесса в условиях модернизации высшей школы. Особое внимание уделяется анализу вызовов социального времени, изменению социальных функций высшей школы, смене ее приоритетов, социальным рискам модернизации.

Ключевые слова: всеобщий риск, модернизация, общество риска, транспрофессиональный тип, вызовы социального времени, социальные риски, вузовское сообщество.

Общество риска и модернизация высшего образования

Современное российское общество можно характеризовать по-разному, разными эпитетами и разными эмоциональными красками. С позиций социолога поддерживаю определение современного общества, данное У. Бемом — «общество всеобщего риска». Этот «всеобщий риск» обуславливает высокая степень неопределенности общественного состояния, поддерживаемая изменчивостью экономических реформ, зависимостью национальной экономики от ситуации на мировом рынке и от финансово-экономических кризисов, которые неоднократно меняют «правила игры» хозяйствующих субъектов и социальных институтов, направленность реформ не на социальные, а на экономические цели.

Общество в состоянии неопределенности закономерно оказывается перед лицом новых угроз, вызовов и социальных рисков своей жизнедеятельности. Задача минимизации рисков вышла за пределы теоретической и стала остроактуальной проблемой социального управления, включая образовательную сферу. С од-

ной стороны, без риска нет поступательного движения общества, как нет инновационной и внедренческой деятельности. С другой, просчеты и ошибки человека в хозяйственной, финансово-экономической деятельности, в использовании техники и технологий (включая гуманитарные) порождают новые социальные риски и угрозы для существования самого общества, его финансовой системы, экономики, духовности.

Особенность социального риска в транзитивном обществе (каковым сегодня и является российское общество) заключается в том, что состояние транзитивности отличается неопределенностью и вероятностным характером развития событий.

Что вкладывается в содержание столь распространенной сегодня категории риск? Автор категории «общество риска» немецкий социолог У. Бек рассматривал риск как *«возможность наступления каких-либо событий в будущем, признаки которых можно обнаружить уже в настоящем»* (1). В контексте развития рисков общественной практики Альгин А.П. рассматривал риск как *«деятельность, связанную с преодолением неопределенности»* (2). С позиций экономической социологии риск рассматривается как *«ситуативная характеристика деятельности любого производителя, отражающая неопределенность ее завершения и возможные отрицательные последствия в случае неудачного исхода»* (3).

Социальные риски в сфере высшего образования в отличие от экономических и финансовых не поддаются точному количественному измерению и математическому расчету, но оказывают сильное воздействие на процесс модернизации высшего образования. Их действие можно сравнить с эффектом течения Гольфстрим, скрыто подмывающему ранее сложившиеся закономерности и традиции развития национальной высшей школы, вузовского сообщества как особого вида интеллектуального социально-профессионального сообщества.

У. Бек различал риски двух порядков (4). При рисках *первого порядка* их конкретных виновников (причинно-следственные связи) в принципе установить можно, но нет гарантий, что они действительно обнаружатся. Риски *второго порядка* У. Бек определял в качестве агрегированных рисков, являющихся комплексным результатом различных действий разнообразных социальных субъектов в зависимости от сферы действия и проявления. Именно отрицательные последствия агрегированных рисков демонстрируют сегодня устойчивый рост, в том числе, и в сфере образования. Последствия действия агрегированных рисков затрагивают функционирование всего общества, отдельных его институтов, со-

циальных общностей и групп. Например, риск безработицы среди выпускаемых вузами специалистов, риск феминизации сферы образования, риск «тотального манипулирования» человеческим поведением со стороны власти, риск перепрофилирования подготовленного вузом специалиста и т. д.

Завершенный в Финансовом университете при Правительстве РФ социологический проект «Социальные риски финансово-экономических кризисов в российском обществе» (*№ госрегистрации 01201363567. Руководитель — Заслуженный деятель науки РФ, профессор Г. Силласте) позволил выявить широкое типологическое многообразие социальных рисков, среди которых пристальное внимания заслуживают риски модернизации высшей школы.

Направления и социальные противоречия модернизации высшей школы

В условиях глобализации усилилось влияние образования на развитие мировой экономики. Оно заняло одно из ведущих мест, став самым дорогим и самым ценным товаром. Устойчивое развитие общества определяется не столько его природными ресурсами, сколько уровнем образования. Согласно Концепции модернизации российского образования, «Модернизация образования — это комплексное, всестороннее обновление всех звеньев образовательной системы и всех сфер образовательной деятельности в соответствии с требованиями современной жизни, при сохранении и умножении лучших традиций отечественного образования». (5)

Можно выделить два ведущих направления модернизации в системе высшего образования: 1 — кардинальное обновление содержания образования; 2 — повышение качества и эффективности образования. В практическом воплощении это означает:

1. пересмотр «принципов функционирования системы образования, унаследованных от ушедшей эпохи, равно как и принципов управления данной системой».

2. масштабные изменения в содержании, технологии и организации самой образовательной деятельности.

3. глубокие «изменения в образовательном мировоззрении».

4. изменения в образовательной политике, оторванной от потребностей личности, общества и государства.

Нынешняя модернизация продолжает реформирование системы российского образования, начатое еще в 1992 г. Но наряду

с этим призвана завершить этот сложный процесс и реализовать нерешённые задачи. На данном этапе система высшего образования перестала ограничиваться внутренней функцией общественной системы. Она вышла за её рамки и стала развиваться как внешняя функция социума, непосредственно связанная с престижностью государства, интенсификацией образовательной мобильности и интеграцией страны в мировое образовательное пространство.

Эта смена функции системы образования, его влияния на интеграцию национальной и мировой экономики, свободу перемещения в мировом образовательном пространстве выдвигают на первый план новую долгосрочную задачу: формирование **транспрофессионального типа специалиста** как представителя кадров новой генерации, отражающего общемировую тенденцию развития экономики знаний. Такая система предполагает возможности подготовки студента в рамках одного факультета сразу по нескольким специальностям, по нескольким образовательным программам, обеспечивая более эффективную, «эластичную» трудовую адаптивность студентов, повышение *реадаптации* выпускников и молодых специалистов к неоднократной смене места профессиональной занятости при высокой подвижности рынка труда, занятости и профессий; расширяя их образовательную мобильность.

Формирование такого типа специалиста сталкивается с рядом социальных противоречий в системе высшего образования, нуждающихся в поиске оптимальных решений. Выделим некоторые из этих противоречий.

Противоречие 1. Между общепризнанными преимуществами российской (как преемницы советской) системы образования перед «многочисленными зарубежными аналогами» — с одной стороны, и её неспособностью извлекать максимальную выгоду из наших преимуществ, — с другой.

Противоречие 2. Между большим количеством специалистов, выпускаемых высшей школой, — с одной стороны, и «дефицитом» высококвалифицированных специалистов современной генерации «качества», в которых нуждается реальный рынок труда, занятости и профессий, — с другой.

Отсюда стремление многих крупных компаний привлечь к себе за огромные деньги зарубежных специалистов, оставляя невостребованными российские кадры. Одновременно с этим — разрыв потребностей рынка труда и занятости в профессиональных кадрах определяет квалификацию — с одной стороны, и перепроизводство вузами специалистов «модных» профессий, трудности их трудоустройства — с другой.

Противоречие 3. Конфликт между экономическими интересами вузов и властных институтов, заинтересованных в расширении платности образовательных услуг — с одной стороны, и неспособностью значительной части населения обеспечивать детям платное образование, — с другой. Более того, за этим конфликтом социальных интересов большинства российских семей и экономическими требованиями образовательных институтов лежит, по сути, противоречие между конституционным правом на бесплатное образование, — с одной стороны, и «ползучей» коммерциализацией высшего и среднего образования, с другой.

В обществе продолжается поиск более эффективных форм финансирования учебных заведений, в целом образовательной деятельности. Попытки установить разумный баланс между универсальностью знаний, их фундаментальным характером и практичной ориентированностью образования на реальные потребности экономики.

В начале процесса модернизации происходила децентрализация государственного управления системой профессионального образования. Это нашло отражение в практике заключения соглашений между федеральными органами управления и регионами, которые касаются сферы образования и включают в себя обязательства по отношению к вузу. За последние годы региональные и местные бюджеты несли основную часть нагрузки по финансированию образования.

Процесс осложняется не только внутренними потребностями государства, исторически неожиданно ставшего государством с рыночной экономикой и капиталистическими отношениями. Но и исключительно важными внешними факторами, среди которых глобализация и глобальный кризис, вскрывший несовершенство либеральной доктрины экономического развития общества, финансово-экономической системы и многих международных финансовых институтов. В совокупности это привело к новой неординарной социальной реальности в высшей школе, к пересмотру взглядов на социальную роль государства и функции образования.

Социальные вызовы модернизации высшей школе и системе высшего образования

Начну с самого жесткого вызова высшему образованию. Его «бросил» рынок труда, занятости и профессий, а также основной критик качества подготовки выпускников вузов — работодатель. Недовольство выражают и сами производители образователь-

ных услуг — вузы. По данным социологов, четверть работодателей оценивают качество подготовки выпускников вузов негативно. Причем, независимо от того, диплом какого вуза имеет студент. Еще 25% работодателей считают, что с точки зрения карьеры образование сегодня значения не имеет. Все дело, по их мнению, в личных качествах человека (способности обучаться, проявлять инициативу, приобретать трудовые навыки.) Некоторые работодатели вообще придерживаются тактики набора специалистов «откуда угодно, кроме своих регионов». И при этом твердят о «кадровом дефиците на рынке труда».

В целом соотношение и взаимодействие рынков труда, занятости и профессий, с одной стороны, и рынка образовательных услуг — с другой напоминает слова известной песни: «*мы с тобой два берега у одной реки*» — без пересечения. Ориентации родителей на трудоустройство юного специалиста в реальном секторе экономики явно не просматривается: всего 16% родителей ориентированы на трудоустройство своего чада в реальном секторе экономики. Еще меньше тех, кто ориентируется на работу в торговле и в обслуживании — 8%, минимум — 3% — ориентирующихся на трудоустройство в сфере сельского и лесного хозяйства.

Вызовы триединого рынка трудоустройства молодых специалистов подкрепляются мифами в массовом сознании россиян. Один из них — отражает *представления россиян о потребностях рынка труда в специальностях юриста, экономиста, финансиста* (почему-то обязательно в образе банкира) как якобы самыми востребованными. Другой социальный миф: *диплом — показатель общей культуры* специалиста. Однако как показывают социологические исследования, на первом месте значимости у выпускников — цель и вера в «хорошее» трудоустройство, которое могут обеспечить «родители и влиятельные знакомые».

Говоря о вызовах рынка труда, надо учитывать изменения его гендерной структуры, усиление асимметрии «в пользу женщин». Дело в том, что рынок образовательных услуг в системе высшего образования кардинально изменил свое *гендерное лицо*, учитывая, что абсолютное большинство обучающихся в России — женщины. Формируется новое гендерно асимметричное образовательное и научное пространство с не просчитанными последствиями для развития региональных рынков труда и занятости; для запроса на конкретные профессии и специальности, для развития рынка научных разработок, фундаментальных и прикладных направлений в науке.

Другой вызов состоит в том глубинном трансформационном реформировании высшей школы, которое происходит не по оте-

чественным, а по западным лекалам и должно привести к созданию системы образования совершенно нового типа и формата. Но, активно копируя западный опыт (кстати, далеко не всегда лучший) полезно. Заниматься не самобичеванием, а лучше знать свой собственный опыт и обратиться не к столь уж далекому прошлому, к собственному историческому опыту. Ибо для России это отнюдь не первая реформа, критерии и оценки которой были выработаны и ранее, но отнюдь не устарели и сегодня.

Нет необходимости доказывать, что новые знания сами по себе являются новаторскими, революционными и служат источником для прогресса и развития науки и общества. Отечественная история убедительно подтверждает: в периоды самых ярких успехов, научно-технологических прорывов наше государство занимало лидирующее место в мировом сообществе. Несколько фактов из отечественной истории.

1900 год. Всемирная Выставка в Париже. Россия получила много наград, среди которых 212 гран-при (иначе говоря, каждый десятый от общего количества гран-при). 13 лет спустя (в 1913 г) промышленная продукция в России выросла в 20 раз. Расходы на образование и культуру — в 8 раз и превысили в два раза соответствующие расходы в Англии и Франции. В 1908 г в России введено бесплатное начальное образование (6).

В Книге Рекордов Гиннеса первые девять основополагающих рекордов в области науки и техники принадлежат Советскому Союзу. Первый из них: запуск искусственного спутника Земли, ставший триумфом советского образования и науки, несколько позже — полет человека в космос. Бердяев называл запуск искусственного спутника Земли триумфом советского образования... Фактически признав этот успех СССР, Конгресс США в 1958 г. принял Закон об образовании, резко увеличив расходы на преподавание естественно — научных предметов, на программу отбора молодых талантливых людей.

Третий вызов — качество высшего образования, без которого немислимо ни прогрессивное развитие науки, ни ее высокий материальный, экономический и технический эффекты. Сегодня разговоров о падении качества отечественного высшего образования много. Главная причина — объективная, связанная с резкой асимметрией между количеством вузов и в них обучающихся — с одной стороны, и реальных запросов рынка труда, занятости и профессий — с другой.

Как следствие сформировавшийся в вузовском сообществе **фракционализм** преподавательских кадров. Кто обслуживает

коммерческие вузы и их образовательный процесс? Профессорско-преподавательские кадры государственных вузов. Их вынужденное «размножение» по десяткам коммерческих вузов и курсов в поисках более высоких заработков и гонораров приводит к *оптическому обману*: вузов все больше, а кадры в большинстве случаев все те же, но со значительно большей учебной (аудиторной) нагрузкой. Какая в таких условиях наука, научная работа с ее запросом на самоотдачу, творческий поиск? Время для занятия наукой у таких преподавателей просто не остается.

Другая сторона вопроса, исключительно важная для развития интеграции образования и науки также объективная: вузовское сообщество вступило в сложный процесс **поколенческой смены профессорско-преподавательских кадров**. Подошла к выходу из поля активной преподавательской деятельности советская генерация ППС. А это, как правило, не просто преподаватели высшей школы, а в своем большинстве преподаватели-ученые. Это когорта опытных, идейно разборчивых специалистов высшей школы, возглавляющих многие научные школы, обладающих профессиональными методическими навыками и воспитательными практиками. Заменить такую генерацию, тем более равноценно, крайне сложно. Процесс поколенческой смены вузовского ППС продлится как минимум пять лет до выхода из действующего вузовского сообщества пост-военного поколения профессорско-преподавательского состава.

Приходящие новые кадры отличаются молодостью, менеджерской психологией и минимальным уровнем методического и воспитательного мастерства. По М. Веберу, это тип человека — *рационального* и далеко не альтруистичного. У него сильнее связь с рыночной практикой и производственной деятельностью в условиях рыночной экономики, но не хватает профессиональных навыков работы с аудиторией, участия в воспитательной работе и научной деятельности, а трудовой самоотверженности и профессионально-научного альтруизма, и говорить не приходится. Необходима продуманная система *поколенческой смены ППС* в вузах, сохранение научных школ и лонгация научной деятельности опытных кадров, независимо от «возрастного звонка».

Вновь встают вопросы научно-педагогической преемственности в вузах, поддержки института педагогического и научного наставничества, расширение научных школ, секций и персонифицированных мастер-классов, научных кружков и творческих лабораторий для студентов под руководством постепенно выходящих из аудиторной работы вузовских педагогов и ученых. Возраст ни-

когда не был в науке ограничителем сплава научного и образовательного опыта преподавателя.

Чтобы в вузах развивалась наука, нужны хорошие образовательные и научные школы. На одних призывах они не образуются. Их развитие должна стимулировать сама политика государства и внимание вузовской администрации.

Четвертый вызов — подмена западным форматом ЕГЭ мотивации расширения доступности образования. Ситуация противоречивая. Нас много лет (начиная с 1996 г) пытаются убедить в том, что Болонская модель с ее тестированием, единым госэкзаменом — чуть ли ни панацея в борьбе за качество и доступность высшего образования. Что имеем? Массу нареканий и справедливой критики относительно содержания экзаменационных материалов и самой организации проведения ЕГЭ. Крупные престижные российские вузы неоднократно утверждали, что ЕГЭ не может и не должен быть единственным способом проверки знаний и способности школьников. В качестве воплощенной альтернативной идеи, а скорее взаимодополняющей составной, развивается **олимпиадное движение**, ставшее частью системы российского образования. В 2011 г в 79 всероссийских олимпиадах приняло участие свыше 700 тыс. школьников. (7)

Почему связываю этот вид школьного творчества с дальнейшей интеграцией науки и образования в вузе? Потому, что за время существования олимпиад качественные показатели их участников возросли втрое. Молодежь привлекают интеллектуальные соревнования. Другой путь — гранты мэра Москвы для поддержки талантливых ребят, создание специализированных учебно-научных центров при университетах., работающих с одаренными детьми, формируя научную смену. Аналогичные векторы научной поддержки в формате внутривузовских грантов развивают и многие российские вузы.

Пятый вызов: международное рейтингование отечественных вузов как форма конкурентной борьбы. Сегодня часто можно услышать упреки в адрес российских вузов (причем, крупных и престижных) по поводу их низких международных рейтингов. Вы скажу свою позицию и позицию очень многих моих сторонников. Для этого вначале ответим на вопрос: «А судьи кто?». Чьи рейтинги, кто их разработчик, какая оценочная традиция, в том числе — национально-культурная, закладывается в эти рейтинги? Образование сегодня — это рынок услуг и их производителей. На этом рынке, как и на других, действует рыночный закон конкуренции. Международные рейтинги, выставляемые и рассчитываемые западны-

ми экспертными агентствами, разрабатываются и осуществляются в соответствии с западными образовательными и культурными стандартами на базе критериев и традиций западных вузов.

Это в основном наукометрические показатели, выставляемые западными службами российским и зарубежным вузам. Рассматривать эти международные рейтинги следует в контексте борьбы и конкуренции двух мировых систем, хотя мы пока плетемся в западном обзоре учеников капиталистической экономики.

На одном из заседаний Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации РФ, членом которого являюсь, была выдвинута идея разработки рейтинга, основанного на критериях, отражающих основные черты классической гумбольдтской системы университетского образования. И главным в этом рейтинге должно стать именно качество образования. Кстати, ряд ведущих вузов Германии год назад официально вышли из международных рейтингов, заявив о своем нежелании участвовать в рейтингах по англосаксонским моделям (Например, Мюнхенский технический Университет, входящий в десятку лучших университетов мира, заявил, что не будет больше представлять материалы для этих рейтингов).

Ошибочно сводить социальное неравенство только к неравенству уровня доходов. Оно многообразнее и проявляется, например, в разном качестве различных жизненных возможностей: физическом состоянии, социальном положении, психическом настрое, имеющихся финансовых возможностях в получении качественного высшего образования; в выборе профессии и форм проведения досуга и отдыха, в повышении своего социального статуса и в целом, в восприятии жизни и в определении своего места в ней.

Особое место занимают образовательные неравенства, имеющие как минимум два измерения. **Первое** — реальное: «сегодня и сейчас» — определяется ограничением доступа к высшему качественному образованию. Россия отличается противоестественным по европейским масштабам ростом социально-экономического неравенства, что привело к возникновению в обществе двух систем образования: одна для обеспеченных и образованных (преимущественно-городских), вторая — для малообеспеченных, преимущественно семей сельских и из малых городов (а они, как известно, составляют в России 80% территориальных образований).

Второе измерение образовательных неравенств — отложенный характер образования. Наличие сегодня диплома о высшем образовании больше не является гарантом пропуска в полноценную жизнь и профессию, гарантом получения интересной работы, высоких доходов и условием социального процветания.

Третье измерение — территориальное. Примерно 17% российских школьников не имеют возможности выбирать школу, учитывая отдаленность своего населенного пункта проживания (территориальный барьер). Это усугубляет селекцию школьников на разных этапах их обучения, вводит дополнительную платность, ограничивает перспективы талантливых детей. По данным образовательной статистики, в российские вузы поступает в 2,5 раза больше выпускников «сильных», чем слабых школ.

Социальные последствия трансформации высшей школы

Трансформация высшей школы проявляется в целом ряде социальных изменений, происходящих в высшей школе.

Во-первых, в изменении социальных функций высшего образования, социальных ролей его участников. В системе рыночных отношений, где бал правит прибыль. Высшая школа стала одним из сегментов рыночной экономики, *рынком производства и потребления* наиболее специфического вида услуг: *образовательных*. Представителям советской генерации профессорско-преподавательского состава трудно принять эту рыночную лексику на примере сферы образования, когда духовность и интеллект, знания и обучение кардинально меняют свою социальную сущность на расчетно-прибыльную и материальную. Но это социальный факт нового социального времени и с ним приходится считаться.

Исходя из него, обратимся к количественной характеристике емкости рынка образовательных услуг, к динамике роста его производителей (действующих вузов). По сравнению с советским временем их стало в несколько раз больше: 3 тыс. (с филиалами) вместо 680, а количество потребителей образовательных в лице студентов в 2 с лишним раза: 7.5 млн. чел.

Тенденции развития этого рынка весьма своеобразные, если не сказать алогичные: количество населения в стране сократилось, число потенциальных студентов (по возрасту) по объективно-демографическим основаниям снижается, но количество производителей образовательных услуг неуклонно расширяется.

Бесконтрольное увеличение в государственных вузах количества студентов, обучающихся на платной основе, расширение сети негосударственных вузов привели к снижению качества образования. Особенно учитывая резкое снижение качества образования выпускников школы. Для получения дополнительных доходов многие вузы осуществляют обучение по специальностям, которые не являются для них профильными. В итоге обучение по юридиче-

ским специальностям в обществе с ярко выраженным криминализированным характером осуществляют более 1200 вузов! В Советском союзе таких было 52 (8).

При этом Россия остается мировым рекордсменом в области высшего образования, ибо занимает первое место в Европе и второе в мире по количеству студентов на душу населения.

Во-вторых: Вуз в современных условиях уже не только образовательный социум интеллектуального производства и воспроизводства, но и **рынок временной занятости молодежи** (рынок отложенного экономического спроса на трудовые молодежные ресурсы).

Кто получает главную прибыль? — Собственник, каковым является государство и производители образовательных услуг: коммерческие (негосударственные) вузы, составляющие сегодня 7% от объема государственных и обучающие 250 тыс. студентов; плюс разнообразие «дополнительные образовательные учреждения», существующие за счет развития коммерческих услуг. Социальное противоречие налицо. Встает вопрос: где его корни и насколько они прочны?

По данным социологических опросов, большинство родителей, несмотря на все возрастающую стоимость «коммерческого образования», выражают готовность (независимо от уровня доходов семьи) оплачивать обучение своих детей и внуков ради того, чтобы те имели высшее образование.

Тем не менее, следует признать смену базовой мотивации потребителей образовательного рынка в сфере высшего образования и асимметричность (диспропорциональность) между количеством производителей и потребителей услуг на рынке высшего образования. Количество вузов и количество мест в них с учетом демографической ситуации не соответствуют запросам времени, рынка и национальной экономики.

В-третьих, расширение рынка образовательных услуг (в сегменте высшего образования) как фактора сдерживания молодежной безработицы и социального напряжения на региональных рынках труда. Зададимся вопросом: почему государство идет на расширение пользователей услугами высшего образования, несмотря на отсутствие гарантий их трудоустройства, тем более в соответствии с полученной специальностью? Одна из причин — финансово-экономическая, связанная с заинтересованностью государства, коммерческих и государственных вузов в получении прибыли и окупаемости оказываемых услуг в пользующемся повышенным спросом секторе высшего образования.

С другой стороны, тревога властных институтов за сохранение социальной стабильности в регионах. Ее прямой угрозой является потенциально взрывное молодежное недовольство и ее протестные настроения, которые легко спровоцировать ограничением возможностей молодых людей получить высшее образование. При таком сценарии, не имея шансов поступить в вуз, произойдет массовый «выброс» выпускников школ на рынок безработных. Но масса безработных 18–20 лет по своей динамике социального отпора много опаснее аналогичной по масштабу когорте 40-летних.

Таким образом, в условиях российского рынка трудоустройства самой динамичной, мобильной и максималистской по психологическому настрою части молодежи посредством поступления в вузы можно рассматривать как *отложенный риск социального напряжения*. На этом фоне рентабельнее расширять доступ молодежи в высшую школу, на рынок образовательных услуг как потенциальных, так и реальных пользователей, чем рисковать даже относительной социальной стабильностью.

Социальные риски модернизации высшей школы

Их можно сгруппировать в два типологических блока: внешние и внутренние социальные риски. Внутренние социальные риски — риски внутри вузовской среды, внутри самого вузовского сообщества, непосредственно связанные с учебно-образовательным процессом в вузе. Внешние — связаны с вызовами системе высшего образования и отражают риски, влияющие на вузовское сообщество со стороны внешней среды (глобальной, страновой, региональной).

Внутренние социальные риски:

1) Риск **стирания исторической памяти в сознании студента**.

Патриотическое воспитание в вузе — особая характеристика воспитательной практики, призванная сформировать чувство национальной гордости и верности Отечеству. Однако в эпоху глобализации, свободы перемещения и выбора страны профессиональной занятости, места жительства и получения образования идеология патриотизма непосредственно сталкивается со своим идеологическим, мировоззренческим антиподом: космополитизмом. Напомню, что *космополитизм (от греч. kosmopolites — космополит, гражданин мира) — идеология т. н. мирового гражданства*. Космополитизм проповедует отказ от национальных традиций и культуры, патриотизма, отрицает государственный и национальный суверенитет.

Как сохранить и укрепить в студентах чувства патриота и национальной гордости, когда объективно много фактов, показывающих слабость российской экономики, ее недостаточную конкурентоспособность, отставание в развитии по сравнению со многими развитыми странами? Непростая задача. Давно известно: гордиться сильной страной много легче, чем слабой. Ни социальная мифология, ни приукрашивание реальности здесь не помогут, так как студенты социально критический и инициативный народ, умеющий искать и находить информацию, сравнивать ее и приходить к выводам, определяющим их гражданскую позицию. Остается один воспитательный путь: честный диалог с аудиторией, анализ сильных и слабых сторон жизни Отечества, способность гордиться ее великими делами, победами дедов и отцов, историей и достижениями своей страны. *Без исторической памяти патриотизм увядает.*

Для этого у вуза и преподавателей немало средств идейного влияния и информационно-коммуникативного воздействия: красочные стенды, отражающие яркие страницы из жизни вузовского студенчества и его профессорско-преподавательского состава; стенды исторической документалистики (преподаватели — солдаты Великой Отечественной войны); презентация всех кафедр и научных подразделений университета. Связь поколений поддерживается посредством традиционных встреч с ветеранами; обращением студенческого драмкружка к исторической тематике и к военным пьесам, шефством над ветеранами и т. д.

2) риск **инструментально-прагматического подхода** к образованию (экономиста, социолога и т. д.) при неоправданной абсолютизации экономизма и агрессивного экономического детерминизма, — с одной стороны и игнорирования социальной составляющей финансово-экономических действий и управленческих решений, теории социального детерминизма — с другой.

3) риск **утилизации экономического образования** финансиста т. е. знание экономистами (в т. ч. будущими) технологии финансовых расчетов, их абсолютизация при непонимании социальных последствий управления финансовой системой, рынками и производством.

4) риск **академизма и прикладного модуля преподавания** социологии отраслевым специалистам. Академизм в социологии ведет к схоластике, а абсолютизация прикладного подхода — к примитивизму. Требуется умение гибко сочетать эти составляющие.

5) риск **развития социологического образования для специалистов экономистов** состоит в том, что можно отстать от социальной реальности (например, смены сберегательных ориен-

тиров, изменения моделей кредитного поведения.) Риск требует учета социального фактора в экономических науках.

6) риск **меркантилизации и прагматизации экономического образования** при общей недооценке гуманитарной компоненты.

В ряде вузов не утихают конфликты по поводу соотношения специальных (профильных дисциплин) и гуманитарных (социологии, философии, культурологии и других). Зададимся вопросом: кого формирует социологическая наука в лице студентов финансово-экономических вузов: *хомо экономикус* — по Смиту или *хомо социологикус* по Дарендорфу? Именно последнее: человека социально ответственного и учитывающего интересы людей, а не только рационально считающего дебет с кредитом и пути получения прибыли.

7) риск **инерции мышления вузовских преподавателей и конфликта методик преподавания**. Можно выделить методику «мертвую», догматическую (например, тестовую) и «живую» (интерактивную). Но перейти на новые интерактивные методики могут далеко не все преподаватели.

8) риск **инновационной преподавательской деятельности и инновационных форм преподавания**. Преподавательская инновационная деятельность, как известно, всегда рискованна, так как связана с применением не апробированных средств педагогического воздействия, эффект от которых заранее трудно, но нужно рассчитать. Инновационные формы преподавания нацелены на активизацию внимания и усиление доступности восприятия материала студентами, на создание творческой атмосферы в вузовской аудитории. К инновациям можно отнести использование мультимедийных технологий в процессе обучения, практику ролевых игр, кейсов и т. д. Ориентация на зрелищность учебного занятия в принципе соответствует современной визуальной, театрализованной культуре.

Но в любом случае инновационные методы преподавания предполагают не отказ от традиционных методов, а гибкое их сочетание с инновационными методиками.

В педагогике есть понятие «*механическая память*», когда рука пишет, а мозг запоминает. Конспектирование — это учебный труд, вид традиционной самостоятельной работы учащегося, от которой было бы ошибочно отказываться в современном учебном процессе.

Встает вопрос о проведении своего рода линии демаркации между **инновационными и традиционными** методами преподавания, от которых отказываются консервативные преподаватели.

Так, традиционной формой преподавания является обязательное конспектирование. Но и эта форма может быть модифицирована из пассивной в интерактивную социологическую методику (конкурсы конспектов, создание студенческих пособий и т. д.). Главное — развивать методическое творчество преподавателей.

9) риск **всеобщего тестирования как** риск новой формы социальной селекции в сфере образования. Это может создать непреодолимое препятствие для национальных талантов (деградации умственных способностей и реальных знаний в пользу немого техницизма).

Введение всеобщего тестирования в российской высшей школе взамен экзаменов, устных собеседований не соответствует ни духу, ни национальной ментальности, ни историческим традициям высшей школы. Эта западная техника унифицированной, механической оценки знаний учащихся тем не менее широко внедряется в высшей школе.

Внешние социальные риски

1) **Социальный риск профессиональной невостребованности молодого специалиста на рынке труда и профессий** усиливает потребность студента в гибкой интерактивной стратегии специализации, в формировании транспрофессионального типа специалиста. Риск безработицы порождает и риск профессиональной невостребованности специалиста. Студенты уже в процессе обучения начинают осознавать уязвимость своей профессии. А подобная ситуация порождает немало сложных проблем для молодежи. Отсюда воспитательная задача учебного процесса — формирование готовности к переквалификации, получению второго образования, готовность к углубленному образованию, к многократной смене профессиональной подготовки, обучению нескольким иностранным языкам, умению перестраиваться и адаптироваться к новым условиям и трудовым коллективам.

Важно воспитывать стрессоустойчивость студентов к жизненным невзгодам. Главное же — формировать разносторонне развитых специалистов, с высокой степенью вариативности получаемой профессии и адаптивности на рынках труда и профессий. Одним из таких примеров может стать специальность *социозэкономиста*, по которой можно в будущем готовить бакалавров. Но это требует не кафедральной замкнутости и предметной монополии в подготовке студентов, а расширения межкафедральных связей в подготовке специалистов.

2) риск **дистанционного обучения**, связанный с опосредованным контактом с аудиторией и отсутствием прямого влияния преподавателя на обучение студентов (например, методике и технике соц. исследований),

3) риск **разрывов в системе многоуровневого образования по цепочке** бакалавр-специалист-магистр связан, в частности с недоверием работодателей к новым формам «неполноценного» профессионального образования; снижением уровня и количества кадров высокой квалификации (специалистов) при быстром наращивании выпуска обслуживающих клерков (из бакалавриата).

4) **Инновационные риски** в сфере образования характеризуются как незащищенность человека перед угрозами развития самой модернизации и нерационального использования достижений научно-технического прогресса. Позитивным фактором инноватики является отказ от прошлых, утративших свою силу ценностей и отношений в образовательной системе. Негативным — бездумное отрицание прошлого опыта, что ведет к разрушению исторического сознания молодежи, эрозии нравственных ценностей. В этом контексте выше и выделены рисковые ситуации в учебном процессе, обусловленные нововведениями в вузах: риск всеобщего тестирования, риск инновационных форм преподавания, риск дистанционного образования, риск многоуровневого образования (бакалавр-специалист-магистр).

5) Риск **всеобщего тестирования как** риск новой формы социальной селекции в сфере образования. Это может создать непреодолимое препятствие для национальных талантов (деградации умственных способностей и реальных знаний в пользу немого техницизма).

Введение всеобщего тестирования в российской высшей школе взамен экзаменов, устных собеседований не соответствует ни духу, ни национальной ментальности, ни историческим традициям высшей школы. Эта западная техника унифицированной, механической оценки знаний учащихся тем не менее широко внедряется в высшей школе.

6) риск **прагматизации и меркантилизации экономического образования**. Он связан с тем, что основным содержанием образовательной практики все чаще становится ориентация не на развитие «чистой» науки, не отдача обществу или показатели социальной полезности для него подготовленного экономиста и финансиста, а показатели прибыльности, полезности, окупаемости, эффективности получаемого образования.

Одной из доминантных задач вуза становится формирование специалистов, ориентированных на выполнение определенных инструментальных задач. «Знание производится и будет производиться для того, чтобы быть проданным, чтобы обрести стоимость в новом продукте» — пишет французский исследователь Ж.Р. Лотар. На этом фоне любая гуманитарная информация, которая не может стать функциональной и прибыльной, становится второсортной и невостребованной.

Это будет касаться всех гуманитарных дисциплин. Не случайно молодежь уже придает особую ценность инструментальным функциям высшего образования, позволяющим им получить высокооплачиваемую, социально престижную работу, добиться успеха и карьерного роста. А как показывают результаты социологических исследований, это например, главные мотивы поступления Финансового университета абсолютного большинства абитуриентов.

На этом фоне понятно, что преподаватели должны воспитывать в студентах не карьеризм и прагматизм «экономического человека», а прививать студентам социальные установки на творческую самореализацию, развитие таланта и готовность трудиться на благо своей страны и общества.

Социальные изменения, вызывая деформацию института высшего образования, усиливают неопределенность ситуации и будируют социальные риски в сфере высшего образования.

Выделяю ряд из них.

7) Риски многоуровневого образования — связаны, в частности с недоверием работодателей к новым формам «неполноценного» профессионального образования. Риск безработицы в группе выпускников бакалавриата очень высокий. Здеc требуется своего рода социальная переподготовка работодателей для формирования доверия кадрам нового уровня вузовской подготовки. А сам учебный процесс обучения бакалавров, магистров уже потребовал немало коррекций в методике преподавания, разработке нового учебно-методического обеспечения, смены модуля преподавания и психологии общения со вчерашними абитуриентами.

8) Риск девальвации образования. Одним из инструментов его снижения Министерство образования и науки РФ избрало инвентаризацию образовательного хозяйства России. В ее рамках делается анализ проводимой в вузах работы, контроль качества подготовки специалистов, уровня ППС, востребованности выпускников вуза на рынке труда и профессий, мониторинг деятельности государственных образовательных учреждений.

Ведется этот мониторинг по пяти показателям: образовательная деятельность (ср. балл ЕГЭ), научно-исследовательская работа (объем работы на одного сотрудника), международная деятельность (уд. вес численности иностранных студентов), финансово-экономическая деятельность (доходы вуза от всех источников), инфраструктура (общая площадь учебно-лабораторных зданий в расчете на одного студента).

Согласно **таким** критериям надо лишать 126 вузов права их образовательной деятельности, так как по названным показателям они являются неэффективными. 126 вузов — это 23% общей численности госвузов. А если обратиться к филиалам, то в соответствии с утвержденными критериями признано неэффективными почти 48% госвузов. В эту зону риска попали и несколько московских и питерских вузов. Вдумаемся в приведенные критерии. Разве их можно признать критериями КАЧЕСТВА образования? Это формально-количественные, а не качественные показатели Российское вузовское сообщество резко негативно отнеслось к подобному мониторингу качества, выразив свое отношение в акциях недовольства, несогласия, в судебных исках. Но следует учесть, что одной из наиболее характерных особенностей высшей школы последних лет стало жесткая бюрократизация вузовской жизни и регламента работы. Бюрократия в вузах стала решать больше, чем демократичное вузовское сообщество.

9) Отдельно выделю — **социальные риски принятого в РФ Закона об образовании**. В нем просматриваются риски и финансовые и кадровые. Финансовые заключаются в несоответствии финансового обеспечения требованиям нового стандарта на фоне прогноза по увеличению числа школьников, в росте потребности в кадрах и потребность в строительстве новых школ, переход регионов с 2013 г. на работу школ в одну смену и т.д. Все это приведет к серьезным структурным изменениям консолидированных бюджетов регионов в сторону существенного увеличения текущих расходов и, по сути, к сворачиванию программ развития. Федеральный Закон для регионов очень дорогой.

Наука и образование в вузах призваны сохранять свое единство. Но как его обеспечить в периферийных вузах? В сельской местности, в сельских школах? Здесь все сложнее и дороже. Кадры работать на селе не хотят, Новые технологии — очень дороги. Регионы совместно с вузами ищут варианты создания **новой системы подготовки кадров**.

10) **Социальный риск для родителей**: потратить деньги «в воздух». Иначе говоря, потратить деньги на обучение детей

для того, чтобы те вышли с дипломом, но без требуемых временем знаний. Зато с дипломом.

Стратификация общества привела к стратификации образования: на *элитные гимназии, с частично оплачиваемыми услугами* и *массовые общеобразовательные школы*, обеспечивающие минимальный образовательный стандарт, почти не оставляющий выпускникам надежды на поступление в вуз без дополнительной коммерческой подготовки.

Привычная западная трехзвенная модель «**образование-профессия-доход**» в России трансформировалась в цепочку «доход-образование-профессия». Таким образом, в российском варианте образование утрачивает присущую ему роль восходящей мобильности.

Предлагается **ввести 3 фильтра для процесса повышения качества высшего образования**: систему внешней независимой оценки квалификации и сертификации кадров; квалификационный экзамен по профессии через 6 месяцев после начала работы (т.е. испытательного срока); внедрение независимой общественно-профессиональной аккредитации вузов. Эти фильтры предлагаются на пути подготовки и трудоустройства неквалифицированных специалистов с дипломом юридических вузов.

Циркуляция социальных рисков из внешней среды во внутреннюю...

Нельзя не отметить разрастающееся в вузах социальное и социокультурное противоречие между гуманизацией (и гуманитаризацией) и **экономическим эгоцентризмом и прагматизмом**. Это противоречие препятствует полнокровной реализации принципа межкафедральной подготовки и межкафедральной интеграции в образовательном процессе вузов.

С переходом на профильный бакалавриат целесообразно вернуться к болезненному вопросу: месту гуманитарных кафедр в системе их подготовки. Как сегодня распределены в учебном плане гуманитарные дисциплины? На начальных курсах, когда вчерашние школьники максимально сохраняют идейно-воспитательное воздействие школы и семьи, на них оказывается ударное «давление» мировоззренческих дисциплин: философии, культурологии, политологии. На третьем — реже четвертом — центр тяжести социально-воспитательной работы перемещается в область социологии. На пятом курсе преподаватели общественных дисциплин не работают, вся ответственность за воспитание студентов возла-

гается на профессиональные кафедры, которые зачастую не считают эту задачу своей.

С гуманитаризацией, соотношением гуманитарных и профильных, специализированных дисциплин связан и **воспитательный процесс в вузе**. Формирование духовных установок и нравственных принципов будущего специалиста в основном лежит на ответственности кафедр гуманитарного блока. Думается, что пришло время подчинить преподавание гуманитарных дисциплин решению воспитательных задач в вузе на протяжении всего периода обучения будущего специалиста, добиться преемственности в преподавании гуманитарных, социальных и профессиональных дисциплин и в их влиянии на формирование экономической интеллигенции. В связи с этим представляется целесообразным

— студентам технических, экономических специальностей на первом-втором курсах преподавать культурологию и философию, на третьем — политологию, на четвертом — социологию.

— не оттягивать в бакалавриате преподавание специальных дисциплин на четвертый курс, а начинать обучение специальности с ранних курсов, а гуманитарные дисциплины — напротив, переместить на более поздние курсы.

— при подготовке социологов экономических вузов внедрять интегративный модуль преподавания специальных дисциплин (в частности, экономической социологии, введение социологических микро-курсов (4–6 часов) в расписание ряда профессиональных дисциплин. Например, социологию менеджмента — в курс по менеджменту; социологию страхования — в курс по страхованию; социологию конфликтов (в финансово-банковской сфере) — в курс по банковскому делу и т. д.

Как воспитывать обучая в финансово-экономическом вузе?

Вуз и воспитание понятия неразрывно взаимосвязанные. Прошли лихие 90-е, когда сами слова «воспитание», «идеология» вызывали у новоявленных реформаторов политическую аллергию, когда ускоренно уничтожался сам социальный институт воспитания, обладавший с давних времен сильным конструктивным и гуманистическим началом в формировании поколений. Не возвращаясь более к этим бесславным временам, отмечу сдержанность и дальновидность ректората нашего вуза: никогда в угоду политической конъюнктуры академия не отчуждала процесс воспитания студенчества от учебно-образовательного процесса профессиональной

подготовки кадров; не отказывалась от участия в трудоустройстве своих воспитанников, не бросала их на произвол свободы рыночной демократии, самовыживания и самопомощи. Поэтому реанимация в середине 2000-х годов в российских вузах института воспитания лишь доказала прозорливость и профессионализм академического руководства.

Мы не воссоздавали заново, а развивали все формы воспитательной работы в вузовском сообществе, тесно соединяя между собой отдельные звенья этой работы в единую систему социализации студенческой молодежи финансово-экономического вуза. В вузе создано управление по внеаудиторной работе со студентами, ставшее координационным центром социализации студентов финансового университета.

Развивая студенческое самоуправление и социальную ответственность будущих финансистов и экономистов, в 2010 г. в университете создан новый институт социального контроля и взаимопомощи «студент-студенту»: институт **кураторства студентов первых курсов** студентами более старших курсов. Главная задача: облегчить и ускорить болезненный для вчерашних школьников, а ныне студентов первого курса финуниверситета, процесс адаптации к новым правилам жизни и нормам ответственности, системе организации и самоорганизации в вузовском сообществе, обладающем своими историческими традициями, социально-этическими ценностями и корпоративной культурой.

Ученый совет Университета, принимая во внимание непреходящую важность воспитания молодой смены финансистов-экономистов, 28 мая 2010 г. проанализировал опыт и состояние воспитательной работы в вузе, ее проблемы и перспективы, но уже с учетом получения университетского статуса. Цитирую поставленные цели этой работы:

— «Формирование *новой личности*, обладающей *высоким профессионализмом* в сочетании с развитой *этикой и моралью, инициативностью* и самостоятельностью, *конкурентоспособностью* на российском и мировом рынках труда, *патриотизмом*, сочетающимся с *уважением к другим народам* и их историческим традициям, *высокой духовностью и культурой*; стремлением к познанию окружающей действительности, *самопознанию и созидательной творческой деятельности*; чувством нового, *прагматизмом*; *толерантностью*; глубокими знаниями и *владением современными технологиями*». (9)

— «Формирование основы социально ориентированной и социально ответственной личности, обладающей высокими нрав-

ственными, моральными и физическими качествами; развитым чувством долга, достоинства, профессиональной этики и чести».

— «формирование фундамента активной жизненной позиции;

— сохранение и приумножение лучших традиций академического образования, воспитание потребности в постоянном обучении и самообразовании».

Что в итоге должно стать социальным результатом деятельности всего университетского коллектива в реализации этих целей? — Новая экономическая интеллигенция как неотъемлемая часть национальной российской интеллигенции XXI века. Именно на кафедрах (тем более — выпускающих) лежит особая ответственность за формирование высокообразованных профессионалов, способных учитывать действие субъективного (человеческого) фактора в развитии экономики и финансов, прогнозировать социальные последствия управленческих решений.

Будучи социологом, а значит человеком социально критичным, но в меру оптимистичным, отмечу, что структурная перестройка всей системы высшей школы очень важна, но не она составляет главную трудность процесса. В полный рост встала проблема содержания, методологии и методики интеграции науки и образования, Перестройка учебного процесса уже потребовала пересмотра всей системы учебных планов и программ, их методического обеспечения и взаимосвязи. Не погрешу с точки зрения истины, если скажу, что сейчас методология науки и образования находятся существенно ниже необходимой научной планки и требует новых критериев их оценки и междисциплинарной толерантности.

Базовая цель переструктурирования и содержательного обновления высшей школы должна способствовать формированию разностороннего самостоятельного мышления и самостоятельного творчества как студентов, так и научно-педагогического вузовского сообщества.

Что касается студенчества, то положительные сдвиги заметны. Давно уже не приходилось сталкиваться с таким живым интересом молодежи к научному знанию, к участию в олимпиадах, международных научных встречах. Пока этот «штрих-код успешности» довольно шаткий и его предстоит укреплять.

Выводы

1) Главная наметившаяся угроза российскому социологическому образованию (в т.ч. и в финансовых вузах) — недооценка исторического национального опыта образовательной системы,

его *англоизация*, замыкание на узком круге зарубежных социологов — теоретиков, игнорируя школы советских и российских ученых социологов. Это порождает в студенческом сознании совершенно неоправданный комплекс неполноценности отечественной социологии, ее якобы несформированности, отсталости от зарубежной. Нельзя жить чужим умом, а свой надо использовать без его забвения.

2) **Подавляющее большинство образовательных рисков** связано с социальным неравенством стартовых позиций молодежи. Риск социального старта молодежи можно минимизировать с помощью дифференцированной образовательной политики государства, вариативной системы оценки способностей студентов и школьников.

3) В чем **отличительная особенность российского образовательного опыта?** В его необычной массовости и централизации. Советский опыт уже учил сочетанию научной и практической работы в образовательном процессе, единению теории и практики, интеграции науки в производство и образование (примеров можно привести множество). Никакая сомнительная новизна внедрения «профессиональных компетенций» в подготовку в частности, и социологов, необычайная бюрократизация этих процедур по западно-болонским стандартам (кредиты вместо часов, модули вместо семестров, компетенции вместо компетентности и уровня профессионализма) не должна стирать из памяти и социальной практики цель национальной высшей школы.

А она состоит в том, чтобы выпускать не узко прагматичного, хотя и квалифицированного, конкурентоспособного специалиста-финансиста и экономиста, а формировать кадры высокопрофессиональные, с широким научным кругозором и высокой степенью мобильности и социально-профессиональной адаптивности на неустойчивом российском рынке труда и профессий. В конечном итоге — дополнять и обновлять национальную интеллигенцию, в т. ч. ее экономическую страту.

Хочется надеяться, что и российские вузовские социологи смогут достойно ответить на современные социальные риски и вызовы. Ведь как писал знаменитый норвежский исследователь Фристьоф Нансен: *«Трудное — это то, что можно сделать сегодня. Невозможное требует несколько больше времени...»*. Россия ни один раз в своей богатой истории доказывала, что со временем способна сделать невозможное.

Литература

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну: пер с нем / послес. А. Филиппова. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 384 с.
2. Альгин А.П. Риск и его роль в общественной жизни. — М.: Мысль, 1989. — 187 с.
3. Силласте Г. Экономическая социология. — М,: Альфа — М, ИНФРА-М, 2013. — 480 с.
4. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну: пер с нем / послес. А. Филиппова. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 384 с
5. Силласте Г. Модернизация российского высшего экономического образования и ее социальные последствия (Социологический анализ). — М., ФА, ч. 1–2. — 2006. — 185 с.
6. Материалы заседания на тему «О ходе выполнения в регионах Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» в части нормативно-правовой го обеспечения повышения доступности и качества российского образования. — Совет Федерации. — М., 2012. — 130 с.
7. Там же, с. 19
8. Там же, с. 41
9. Силласте Г. Социальные риски финансово-экономических кризисов в социологическом измерении / В кн.: В поисках новых моделей научной и образовательной деятельности. М. — Финуниверситет. — М., 2014 — с. 219

Журнал «НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО»

зарегистрирован

в СМИ ПИ

Свидетельство о регистрации №ФС77-37675

от 01 октября 2009 г.

Учредители и издатели:

Институт социально-политических исследований

Российской академии наук

Российская Академия социальных наук

Российский государственный университет нефти и газа

им. И.М. Губкина

Главный редактор:

В.Н. ИВАНОВ

Адрес редакции:

119991, Москва, Ленинский проспект, 32а

Тел./факс: (495) 938 58 43

e-mail: sigarevae@mail.ru

Материалы журнала размещены на сайтах:

WWW.C-SOCIETY.RU; WWW.VIPERSON.RU

Подписано в печать 24.06.2016

Формат 62 × 94 ¹/₁₆

Гарнитура «Pragmatica»

Тираж 1000 экз.

11,75 усл. п.л.